

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

85

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

85

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

К. В. САЛЬНИКОВ

НОВЫЙ ВАРИАНТ РАННЕБРОНЗОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗАУРАЛЬЯ¹

Для культур эпохи бронзы лесостепного Зауралья, так же как и лесного, типично долгое бытование остро- круглодонной керамики. Плоские днища здесь появились только в эпоху развитой бронзы и обычно рассматриваются как факт влияния андроновской культуры. При раскопках в 1958 г.² поселения Бабарыкино II у одноименной деревни в Шадринском районе Курганской области впервые обнаружен культурный слой с плоскодонной керамикой более раннего времени.

Поселение Бабарыкино II расположено на левом берегу рукава р. Исети и занимает небольшую дюну с прилегающим к ней участком берега. При исследованиях 1957 г. установлено, что люди селились здесь неоднократно, начиная с эпохи неолита, представленного на этом памятнике керамикой полуденковского типа с резным и волнистым орнаментом. Далее следуют: отложения с энеолитической керамикой, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа; слой с керамикой андроновского облика; культурные остатки, относящиеся к сарматскому времени; посуда бакальской культуры. Материалы всех перечисленных эпох довольно хорошо известны. В 1958 г. на поселении, кроме описанных, найден новый культурный слой, до того нигде не встречавшийся.

Настоящая статья посвящается анализу материалов из этого слоя, названного бабарыкинским. Он включал своеобразную керамику и изделия из кремня.

Наметились 4 типа сосудов: 1) с невысоким, немного отогнутым венчиком, переходящим в пологие плечики (рис. 1—1—4, 6); 2) со значительно развернутым венчиком, четко выраженной шейкой и довольно выпуклыми плечиками (рис. 1—5, 7—9; рис. 2—1, 2); 3) банки с мягким ребром на половине высоты (рис. 2—3); 4) чашки (рис. 2—4). Два последних типа встречены в единичных экземплярах. Наиболее распространен и характерен для этой группы керамики первый тип. Объединяющим все виды сосудов элементом служат насечки по краю горла и дна. Эта черта присуща каждому из бабарыкинских сосудов и резко выделяет их среди всех других.

Орнамент покрывает только узкую (не больше одной четверти высоты сосуда) полоску. Кроме того, на редких экземплярах встречен ряд зигзагов у дна (рис. 1—10). Бросается в глаза полное отсутствие гребенчатого орнамента. Рисунок нанесен острием и состоит из ограниченного числа элементов — резных линий, ямок, насечек, образующих зигзаги, вертикаль-

¹ Доклад, прочитанный 9 апреля 1959 г. на секции бронзы Пленума ИИМК.

² Раскопки велись Южноуральской археологической экспедицией Уральского университета при участии Курганского областного краеведческого музея.

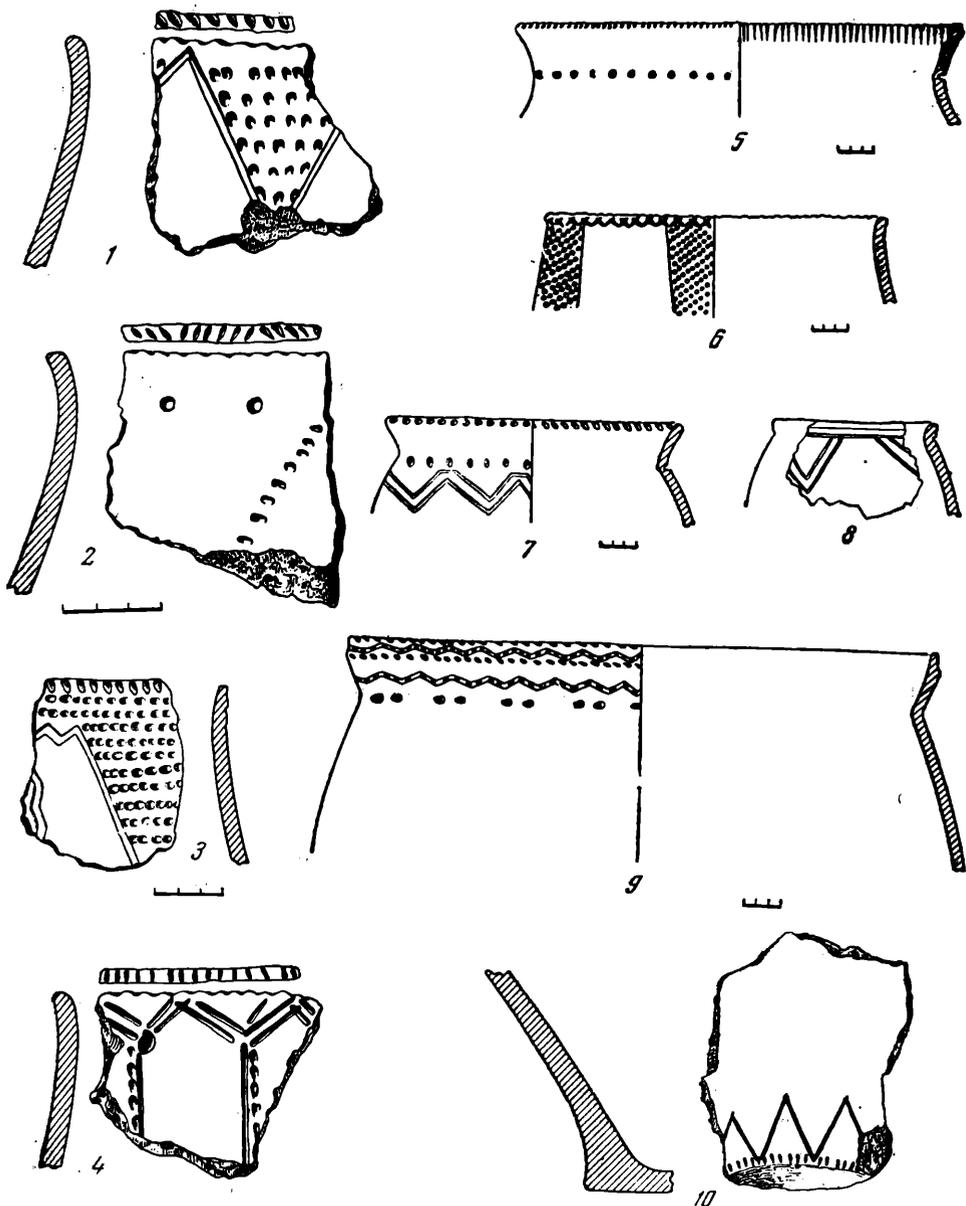

Рис. 1. Керамика бабарыкинского типа.

1-4, 6 — первый тип; 5, 7-9 — второй тип; 10 — образец зигзагообразного орнамента.

ных или наклонных отрезков прямых, горизонтальных рядов насечек или ямок, треугольников или прямоугольных лопастей. Треугольники и лопасти в большинстве заполнены ямками. В отдельных случаях зигзаги сделаны «отступающей палочкой» (рис. 1—9). Ямчатые вдавления часто нанесены острием, поставленным наклонно по ходу движения инструмента (рис. 1—3), в чем нельзя не усматривать отзвук приема «отступающей палочки» эпохи неолита.

Для определения места бабарыкинской керамики в среде зауральских древних культур и установления ее датировки следует обратиться к страти-

графическим наблюдениям на стоянке, рассмотреть сопровождающий кремневый инвентарь и сделать типологическое сопоставление с уже изученной керамикой Зауралья.

Керамика и кремль, типичные для бабарыкинского слоя, обнаружены в раскопе V площадью 312 кв. м и частично — в культурном слое с отложениями других эпох; но 60% бабарыкинской керамики (63 фрагмента из

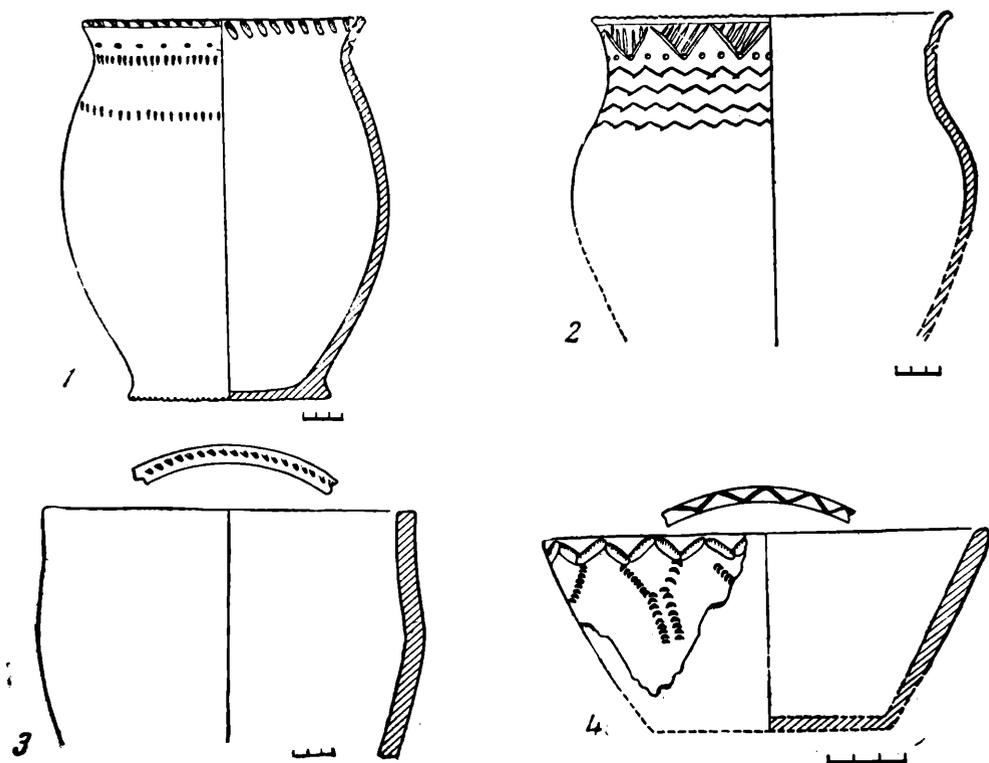

Рис. 2. Сосуды бабарыкинского типа (реконструкция).

1, 2 — второй тип; 3 — третий тип; 4 — четвертый тип (чаша).

114 найденных на поселении; табл. 1) оказалось в 2 землянках (№ 2 и 3), причем в землянке № 2 она составляла половину находок, а в землянке № 3 почти не встретилось посуды иных типов. Все это позволило уверенно выделить особый бабарыкинский слой.

Таблица 1

Находки керамики в раскопе V

Место находки	Количество фрагментов керамики			Всего
	андроновский тип	бабарыкинский тип	энеолит	
Землянка № 2	2	14	10	26
» № 3	3	49	1	53
	5	63	11	79

Землянка № 3, где керамика рассматриваемого типа преобладала, перекрывалась зольником мощностью до 0,55 м, с андроновской керамикой преимущественно алакульского типа. Зольник был отделен от пола землянки толщиной запыла в 0,8—1 м (рис. 3). Следовательно, со времени гибели жилища до возникновения здесь андроновского поселения протекло немало времени. Это наблюдение, а также наличие на поселении керамики федоровского этапа андроновской культуры не позволяют датировать бабарыкинский слой временем моложе первой четверти II тысячелетия до н. э. Этой дате не противоречит и состав керамики в землянке № 2, где, наравне с бабарыкинскими, оказались обломки хорошо известных в Зауралье круглодонных сосудов энеолитического типа с вертикальными стенками и иногда со слегка отогнутым наружу краем. Орнаментированы они исключительно оттисками гребенчатого штампа, расположенными горизонтальными зонами, которые покрывают, за редким исключением, всю поверхность сосуда.

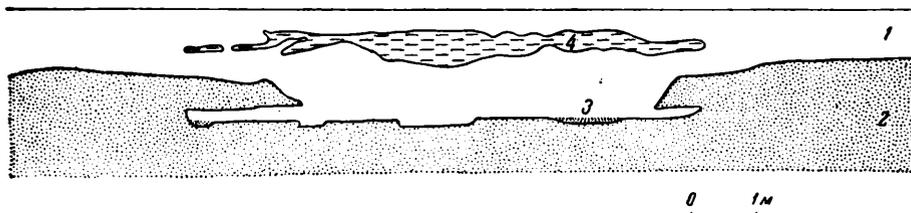

Рис. 3. Поселение Бабарыкино II, раскоп V. Разрез землянки № 3.
1 — чернозем; 2 — грунтовой песок; 3 — темно-серый песок; 4 — зольник

Такая посуда в лесных, прилегающих к горам районах Челябинской области, характерна для стоянок, датированных рубежом III и II тысячелетий до н. э. Позднее орнамент делается более бедным, горизонтальные зоны заменяются вертикальными³; встречаются сосуды, орнаментированные широкими прямоугольными и треугольными зонами (рис. 4), весьма близкими соответствующим элементам орнамента на бабарыкинской посуде, но, в отличие от нее, лопасти заполнены не ямками, а оттисками двух- и трехзубой гребенки. Такие сосуды известны, например, на озере Иткуль в Каслинском районе Челябинской области — на стоянках Абселямовской (рис. 4—1, 2), Первой Иткульской (рис. 4—3, 4) и других⁴. К этому времени начинают появляться уплощенные днища.

Таким образом, бабарыкинская керамика до некоторой степени родственна зауральской вертикально-зональной гребенчатой керамике энеолитического типа. Отличие же наблюдается как бы в двух направлениях. Техника нанесения орнамента на бабарыкинских сосудах более архаична. Широкое применение резьбы и приема «отступающей палочки», отсутствие оттисков гребенчатого штампа сближают бабарыкинскую посуду с неолитической III тысячелетия до н. э, даже, скорее, начала этого тысячелетия. Правда, в бабарыкинском орнаменте техника «отступающей палочки» представлена в «затухающей» форме: не всегда инструмент дает непрерывную углубленную линию, чаще при наклонном положении палочки каждое вдавление делается отдельно.

При сохранении архаичных приемов орнаментации, — что заставляет рассматривать бабарыкинскую керамику как более древнюю по сравнению с гребенчатой энеолитической, — формы бабарыкинских сосудов, наоборот, более поздние и по профилю, и по четко выраженной плоскодонности. При всем этом залегание бабарыкинской керамики в землянке № 2 совместно с энеолитической, орнаментированной горизонтальными зонами, позволяет

³ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, № 2.

⁴ Раскопки Н. П. Кипарисовой 1954 и 1955 гг.

считать их синхронными. Но при широком распространении в Зауралье энеолитической керамики бабарькинская встречена впервые. Она выглядит до некоторой степени чуждой, несколько выпадает из линии развития местной керамики, имея всё же общие корни. Можно высказать предположение, что бабарькинская керамика развилась на общей основе с зауральской энеолитической, но на другой территории, вероятно, соседней, еще плохо изученной, которую надо искать, по всей вероятности, в южном направлении — в степях Курганской и Челябинской областей. В этих районах неизвестна

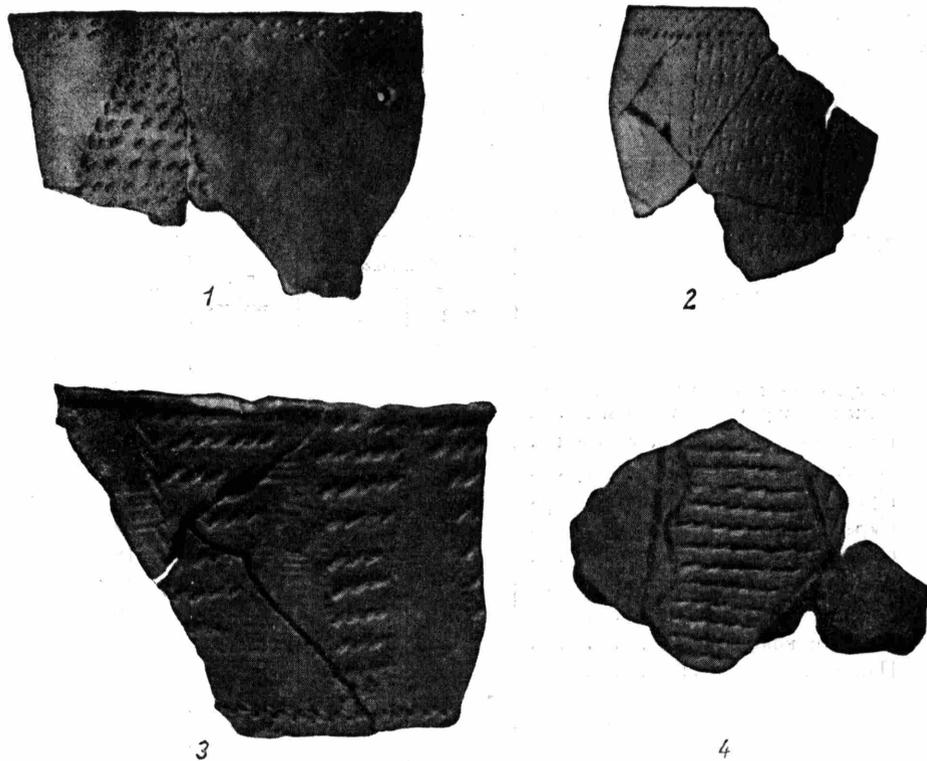

Рис. 4. Энеолитическая керамика с озера Иткуль.
1, 2 — Абселямовская стоянка; 3, 4 — 1-я Иткульская стоянка.

керамика древнее андроновской, но нет никаких оснований исключать их из той большой культурной области, которая в эпоху неолита охватывала территорию от лесного Зауралья и Нижнего Приобья до Приаралья с Хорезмом. О близости неолитической керамики с этой территорией неоднократно писали С. П. Толстов и В. Н. Чернецов⁵. Еще большую культурную близость в эпоху неолита можно предполагать на соседних территориях степного и лесного Зауралья, что, в частности, доказывается на примере костяных орудий⁶.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 64, 65; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, 1958, стр. 255; В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленных к совещанию по методике этногенетических исследований, М., 1951, стр. 26; его же. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 30, 31, 56.

⁶ К. В. Сальников. К вопросу о неолите степного Зауралья. КСИИМК, вып. XLVII, 1952.

Кремневый инвентарь, который сопровождает керамику бабарыкинского типа, также находит аналогии на юге. Наравне с ножевидными пластинками (рис. 5—3—5), отщепами, скребками концевыми (рис. 5—2, 7 20) и на отщепах (рис. 5—27—26), широко распространенными в разные эпохи, мы здесь видим своеобразные орудия, не встречающиеся в памятниках Урала,— пластинки со скошенным концом (рис. 5—77, 18), острия из пластинок со скошенным притупляющей ретушью краем (рис. 5—8—16), пластинки с выемками (рис. 5—6, 27, 28).

Из табл. 2, в которую включены все находки кремня в раскопе V, видно, что пластинки со скошенным концом, острия из пластинок со скошенным краем и пластинки с выемками почти исключительно происходят из землянок, как и скребки на отщепах (рис. 5—22—26). Эти 4 вида кремневых орудий смело можно связывать с бабарыкинским слоем.

Т а б л и ц а 2

Находки кремня в раскопе V

Орудия	Землянки		Вне землянок	Всего
	№ 2	№ 3		
Острия из пластинок со скошенным притупленным краем . . .	4	5	2	11
Пластинки со скошенным краем .	—	2	—	2
Пластинки с выемками	1	4	2	7
Нуклеусы	1	4	11	16
Скребки на отщепах	4	19	5	28
Отщепы без обработки	22	71	25	118
Пластинки с ретушью	2	15	13	30
Сечения пластинок	2	25	2	29
Скребки концевые	1	3	7	11
Пластинки без обработки	18	47	37	102
	55	195	104	354

Аналогии этим орудиям можно найти лишь на юге, в памятниках кельтеминарской культуры⁷ и на синхронных стоянках Нижнего Поволжья и Западного Казахстана⁸. Орудия кельтеминарских типов известны и на промежуточной территории — в Казахстане⁹.

Бабарыкинский кремневый инвентарь отличается микролитичностью, на что указывают не только перечисленные выше типы орудий, но и значительное число мелких ножевидных пластинок и их сечений, нуклеусы с узкими гранями. Надо предполагать господство здесь вкладышевых орудий. Отметим также отсутствие наконечников стрел с двусторонней обработкой. Единственный наконечник из бабарыкинского слоя сделан на крупной ножевидной пластинке (рис. 5—1); правда, форма и размеры его не

⁷ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 111.

⁸ И. В. Синицын. Древние памятники Приморского района Калмыкской области. Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения, т. VI, 1933, стр. 99; его же. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 102—104, рис. 27—11—13.

⁹ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, рис. 16.

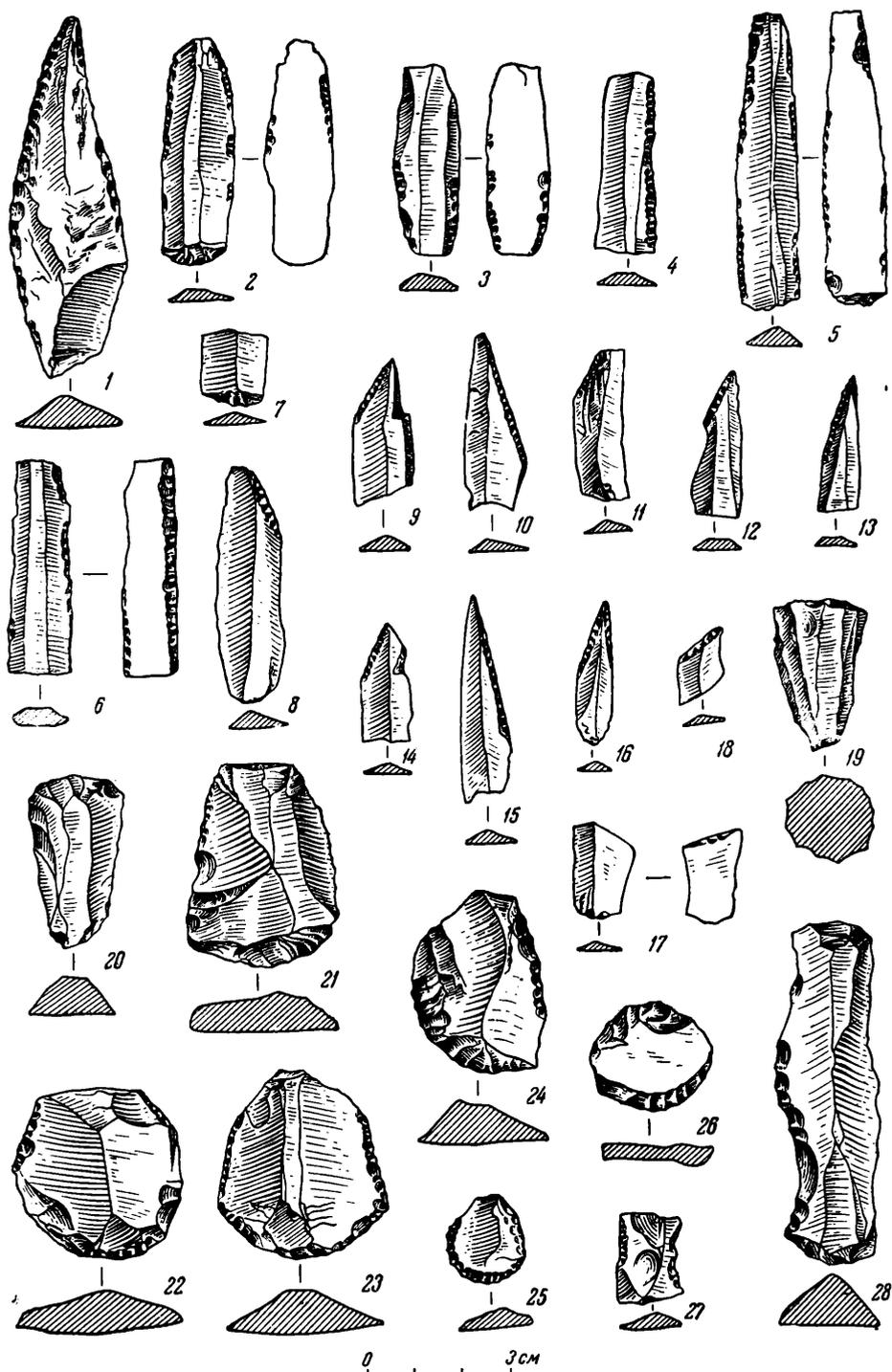

Рис. 5. Изделия из кремня. Бабарыкинский слой поселения Бабарыкино II.

1 — наконечник стрелы из пластины; 2, 7, 20 — концевые скребки; 3—5 — пожевные пластины с ретушью; 6, 27, 28 — пластины с вземкой; 8—16 — острия со скошенным притупляющей ретушью краем; 17, 18 — пластины со скошенным концом; 19 — нуклеус; 21—26 — скребки на отщепях.

совпадают с одношипными, столь характерными для кельтеминарских памятников. Впрочем, бабарыкинский кремневый инвентарь по ряду особенностей отличается от кельтеминарского. Выемки на бабарыкинских пластинках менее выражены (рис. 5—6). Преобладание скребков на отщепах над концевыми скребками — явление, типичное для Урала, а не для кельтеминарской культуры.

Находки в Зауралье асимметричных наконечников стрел из пластинок кельтеминарского типа были известны и ранее¹⁰; но они не связывались со своеобразной керамикой. Бабарыкинский кремневый инвентарь — это целый комплекс с южными степными чертами. Можно высказать предположение, что культура этого типа, по-видимому, была распространена в эпоху энеолита в северных степях Зауралья, граничив на юге с кельтеминарской культурой южных степей и полупустынь, а на севере — с областями лесных и лесостепных энеолитических племен, для культуры которых характерна гребенчатая керамика. На поселении Бабарыкино II обнаружен случай контакта степных и лесостепных энеолитических племен Зауралья.

¹⁰ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 5, 6; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 26.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

РУССКИЕ МЕЧИ XI—XIII ВЕКОВ

Русские мечи XI—XIII вв. не были объектом исследования, если не считать немногих слов, которые уделил им А. В. Арциховский¹. Главное внимание всегда отводилось клинкам IX—X вв., по сравнению с которыми материал XII в. выглядит более скромно и бедно. Невнимание к мечам XII—XIII вв. было долгое время общим в европейском оружьеведении, и лишь в недавнее время появилась капитальная монография о клинках XI—XVI вв. датчанки А. Брун-Хоффмейер². Автор тщательно в хронологическом и типологическом отношении классифицировала материал (свыше 500 клинков) и изучила две большие группы мечей — романские 1110—1350 гг. и готические 1350—1500 гг. Оказывается, что мечи многих стран, как и в каролингскую эпоху, сохраняли сходные общеевропейские формы.

А. Брун-Хоффмейер подкрепила свои наблюдения большим историческим и иконографическим материалом, что позволило во многих случаях определить время того или иного меча в пределах до четверти века и иногда еще точнее. При всей его неожиданности автор пришла к справедливому выводу, что меч в комплексе с другим оружием не играл главной роли; он был важен для атаки и самообороны, но в общем для исхода битвы имел второстепенное значение. Русский материал автору почти неизвестен. В целом для изучения средневековых мечей монография А. Брун-Хоффмейер так же важна, как для более раннего времени труд Я. Петерсена о норвежских мечах эпохи викингов³.

Русские мечи известны плохо, многие происходят из случайных находок, и дата их трудно определяема. Некоторым подспорьем для изучения данного периода служит изобразительный материал. Попытка классификации мечей XII—XIII вв., найденных на территории древней Руси, затрудняется также депаспортизацией находок, большинство которых собрано еще в дореволюционные годы. Лучшие собрания интересующих нас клинков хранятся в музеях Киева, Львова, Ленинграда (Эрмитаж), где их и удалось изучить в натуре.

Около 1000 г., наряду с общеевропейскими типами мечей, в Киевской Руси появляются собственные формы. В развитии клинков первая половина XI в. отмечена наибольшим своеобразием. Об этом свидетельствуют формы и отделка рукоятей мечей (экземпляры из Киева, Плеснеска, Карабчиева, Краснянского). Однако во второй половине XI—XII в.

¹ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ. М., 1941, стр. 10 и сл.

² А. Bruhn-Hoffmeier. Middelalderens hveaeggede svaerd. København, 1954, т. I, II; ср. также А. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem Polskim w X, XI i XII w. Lodz, 1954, стр. 26 и сл.

³ J. Petersen. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919.

развитие русского меча в значительной степени вновь подчиняется общеевропейскому «стандарту». При этом оговоримся: в XII—XIII вв. в Восточной Европе встречаются совершенно особые, вероятно, местные формы мечей (об этом — ниже).

Среди клинков XI в. мы рассматриваем только те формы, которые связаны с развитием последующих, а всё, что связано с мечами XI в. непосредственно продолжающими традиции X в., относим к более раннему периоду⁴.

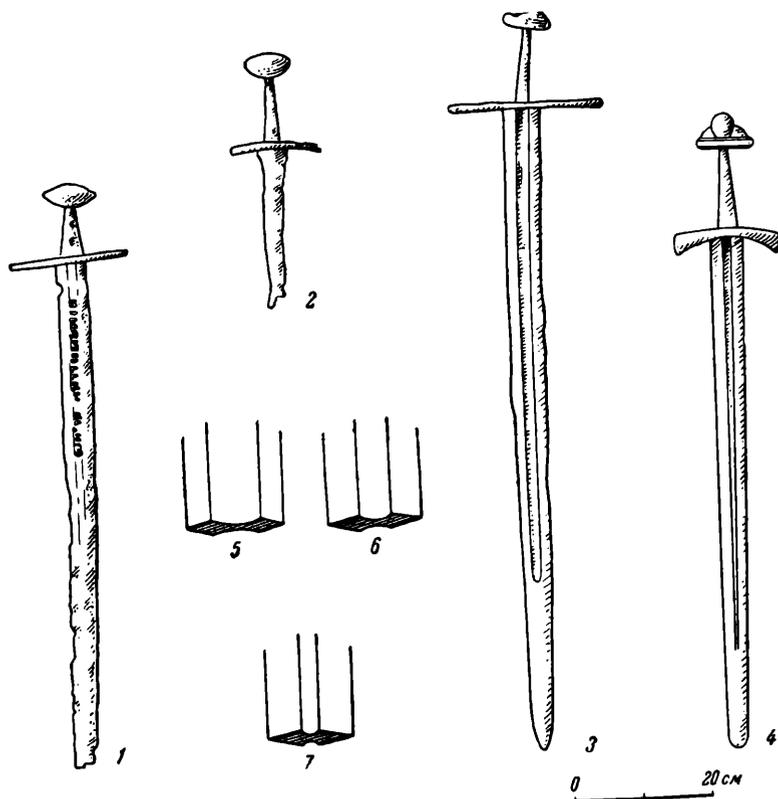

Рис. 6. Мечи.

1, 2 — Львовский исторический музей (тип V); 3 — Львовский исторический музей (тип IV); 4 — Воздвиженское (?), Костромской музей (тип III); 5—7 — изменение дола клинка с X в. по XIV в.

Уже в X в. появляются типы (X, Y, Z — по Петерсену), переходные к формам более позднего времени. В XI в. не встречается тяжелых и массивных клинков раннекиевского периода; с течением времени клинок несколько суживается (особенно к концу) и укорачивается. Во второй половине XII в., вероятно, в связи с общим утяжелением рыцарского вооружения, появляются, однако, тяжелые длинные, иногда двуручные мечи. Известное значение для хронологии развития лезвия имеет дола. Для IX—X вв. он, как правило, занимает по ширине половину полосы, в конце X—XII — одну треть, в XII—XIII вв. превращается в узкий желобок (рис. 6—5—7). Отделка рукояти упрощается, исчезает платировка благородными металлами, навершие делается из одного куска с основанием, перекрестье вытя-

⁴ Тема о мечах IX—XI вв. подготовлена автором отдельно и будет напечатана в журнале «Советская археология».

гивается в длину до 15—20 см и лучше защищает руку бойца. Появление в XII в. длинного перекрестья, предохраняющего руку от ударов, скользящих вдоль лезвия, свидетельствует о зачатках фехтовального искусства, расцвет которого, однако, был далеко впереди — в XV в. Клинок XII в. не только рубили, но и могли колоть; всё же основным назначением вплоть до XIII в. по-прежнему оставалась рубка. Мечи XI—XIII вв. получили в оружейведческой литературе название романских⁵ (у нас почему-то укоренилось название «капетингские»).

Классификация мечей XII—XIII вв. (как и их предшественников — X—XI вв.) возможна, главным образом, по рукоятям, причем первенствующую роль оружейведы отводят здесь форме навершия. При этом, конечно, учитываются особенности всей рукояти, ее украшения, форма клинка (последний у большинства типов почти одинаков). В статье рассматриваются все мечи, найденные на древнерусской территории, независимо от племенной принадлежности.

Обзор лучше начать с форм мечей с бронзовыми рукоятями и экземпляров, по форме продолжающих, — хотя и отдаленно, — старые традиции.

Тип I. Мечи с трёхчастным навершием и рельефным литым орнаментом. В материале XII—XIII вв. эти клинки отличаются богатством орнамента и локальным распространением. Это дает право выделить их самостоятельно (хотя по форме навершия они близки типу III). На нашей территории известна лишь одна находка.

1. Деревня Малы у Изборска. Случайная находка 1912 г. во время раскопок И. К. Линдемана. На бронзовом навершии — стилизованное изображение усатого человека, элементы этой же маски — на перекрестье. Орнамент — рельефный растительный, на перекрестье распадается на ряд завитков⁶. Образец ошибочно относили к скандинавскому. Мечи данного типа встречены в Эстонии, в Финляндии; особенно они характерны для карельской культуры, где есть прямые аналогии изборскому клинку⁷. Орнамент изборского меча встречен также на фибулах карельского типа (так называемые Kребssprangen). По многочисленным аналогиям меч из Малы определенно относится к XII в. (рис. 7—1).

Тип II. Мечи с бронзовым перекрестьем и пятичастным бронзовым набалдашником.

2. Мануйлово, Кингисеппского района, Ленинградской области. Случайная находка 1959 г. (поступила в музей г. Кингисеппа). Из кургана. Навершие утрачено, перекрестье слабо изогнуто и орнаментировано перекрещивающимися кругами и крестообразной линией⁸.

3. Из б. Полтавской губернии. Точное место находки неизвестно⁹ (рис. 7—2). По бронзовой поверхности с трудом различается кружковый орнамент.

⁵ R. Fogger. Schwerter und Schwertknauf, Leipzig, 1905, 17; E. Gessler. Die Trutzwaffen der Karolingerzeit. Basel, 1908, стр. 114 и сл.

⁶ «Государственный исторический музей». М., 1921, стр. 185; Тр. ПАО, вып. 9, Псков, 1913, стр. 2 (лучшее воспроизведение памятника); W. Aréndt. Das Schwert der Waringerzeit in Russland. «Mannus», Bd. 25, H. 2, 1933, стр. 164—166, рис. 16; A. M. Tallgren. Zur Archaeologie Eestis, II, Derpt, 1925, стр. 121, табл. XI.

⁷ Эстонская аналогия — меч из Паддас — см. «Mitteilungen aus der Eremitage». ZWK, Bd. VI. H. 11, 1911 стр. 348—351. Перекрестье одного финского экземпляра вылиты, по-видимому, в одной форме с изборским; см. С. A. Nordman. Karelska järnalders studier, SMYA, XXXIV, N 3, Helsinki, 1924, стр. 144—146, рис. 122, 123. Карельские аналогии: T. Schwindt. Tietoja Karjalan rautakaudesta. SMYA, XIII, Helsinki, 1893, рис. 27; «Nordisk kultur», XXVII, 1931, Stockholm, рис. 35, стр. 199; E. Kivikkooski. Die Eisenzeit Finnlands, t. II, Helsinki, 1947, рис. 997, табл. 125 (там же — сводка мечей этого типа, стр. 39 и табл. 141).

⁸ Тип см. P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, рис. 159 и 164.

⁹ Каталог КИМ (рукописный), № 19339-с20769.

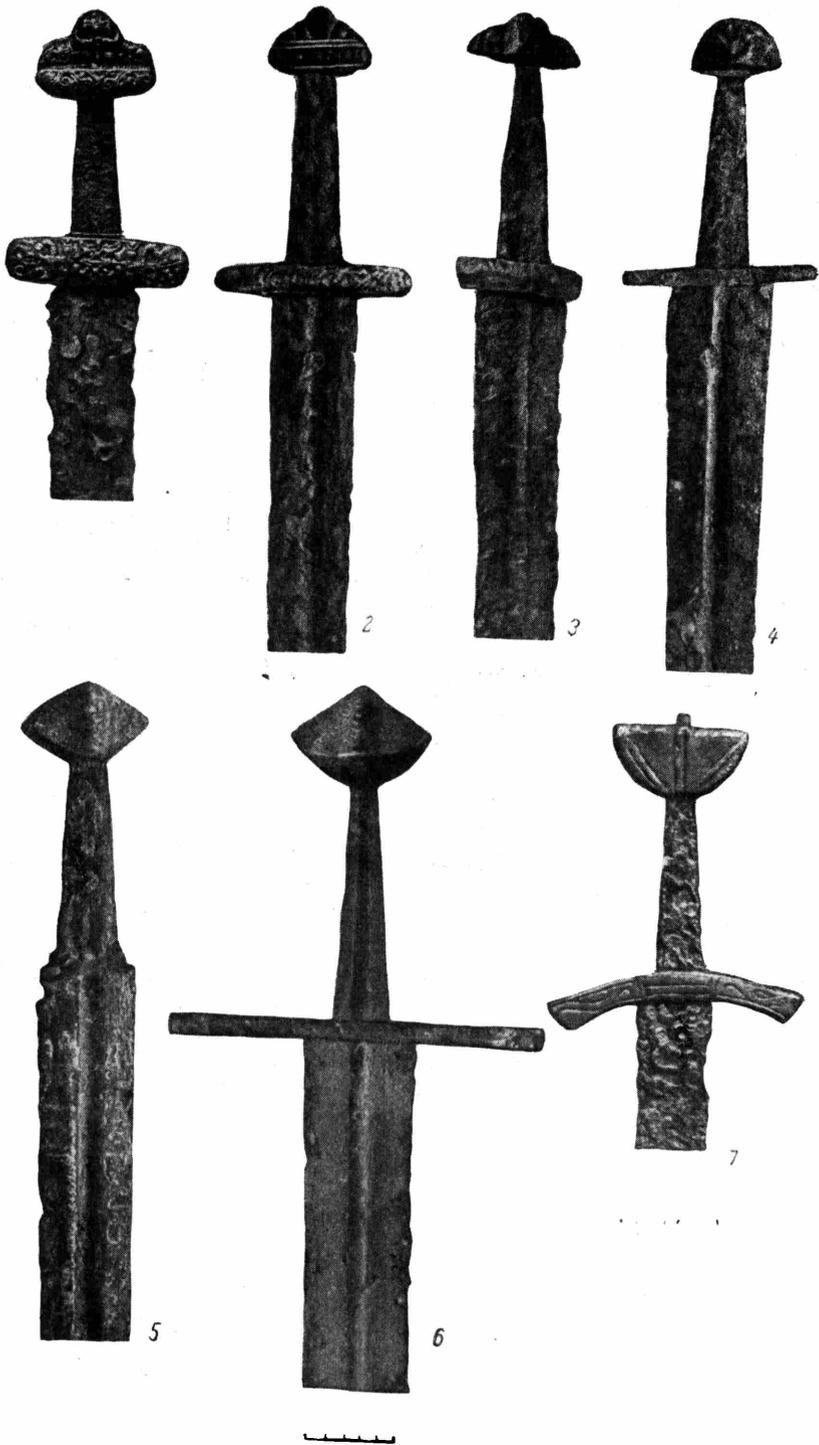

Рис. 7. Мечи.

1 — дер. Малы, ГИМ (тип I); 2 — Полтавская область, Киевский исторический музей (тип II); 3 — с. Стайки Киевский исторический музей (тип III); 4 — Киев, Киевский исторический музей (тип IV); 5 — Киев, Киевский исторический музей (тип V); 6 — Украина, Киевский исторический музей (тип V); 7 — Хотыньцы, Государственный Эрмитаж (тип VI).

4. Село Вербична (около Каменец-Подольска). Случайная находка. До 1939 г. находился в Варшаве, где утрачен во время фашистской оккупации. По орнаменту аналогичен № 3¹⁰.

5. Крылос, Галичского района, Станиславской области (древний Галич). Раскопки украинских археологов в 1930 г. Вероятно, относится к XI—XII вв. Сохранилось только бронзовое навершие. Эта вещь — из Львовского музея, но, кажется, утрачена (№ 25144) и известна мне по фотографии, любезно предоставленной Г. Ф. Корзухиной.

Близкие образцы с небольшими бронзовыми рукоятями и глазковым орнаментом встречены в Латвии (Пассельс) и в Волжской Болгарии¹¹; за пределы Восточной Европы они не выходят. Перечисленные мечи, вероятно, производились на Руси и, может быть, в Прибалтике. Их примерная дата — XI—XII вв.

Тип III. Мечи с трёхчастным бронзовым или железным набалдашником.

6. Подболотье, около Мурома. Случайная находка¹². По мнению А. П. Смирнова, меч — не старше XI в.

7. Минск. Раскопки Института истории АН БССР, под руководством Э. М. Загоруйского, в 1958 г. Навершие и перекрестье происходят из слоев XII—XIII вв. На рисунке, любезно предоставленном Э. М. Загоруйским, на навершии и перекрестье видна серебряная платировка.

8. Село Воздвиженское (?), 6. Тоншаевской волости, Ветлужского уезда, Костромской губернии¹³. Случайная находка. Экземпляр отлично сохранился. Изогнутое перекрестье напоминает два соединенных вместе лезвия топориков — форма, известная в XI в.¹⁴ (рис. 6—4).

9. Село Стайки, 6. Киевской губернии. Случайная находка. Основание навершия утрачено. Сходен с предыдущим экземпляром. Судя по узкому долу, относится ко времени не ранее XI в.¹⁵ (рис. 7—3).

10. Городище у с. Пастырское (урочище Галушино), 6. Чигиринского уезда, Киевской губернии. Судя по наконечнику ножен, найденному вместе с клинком, относится примерно к XII в.¹⁶

Далекие воспоминания о мечах такой формы можно найти в рисунках XV в. с их изображением¹⁷. Тип III возник, по-видимому, из общеевропейского типа (тип S, по Петерсену), но в XII в. мечи этой группы отмечены вполне своеобразными чертами. Очень возможно, что это восточноевропейская форма. Во всяком случае, на западе Европы такие мечи не известны, но они встречаются в Прибалтике (из Пассельса, Латвия, и из 6. Виленской губернии; ГИМ).

¹⁰ W. Sarnowska. Miecze wczesnośredniowieczne w Polsce. «Swiatowit», XXI. Warszawa, 1925, стр. 318, рис. 37; стр. 316. Я не согласен с автором, отнесшим этот экземпляр к IX в.

¹¹ Коллекции Эрмитажа и ГИМ; В. Post. Archäologische Studien auf russischen Boden. Leipzig, 1905, рис. 192, стр. 307.

¹² В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. «Древности», т. XIV, М., 1914, стр. 23, стр. 71.

¹³ Т. J. Agne. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 60. Благодарю директора Областного краеведческого музея Костромской области М. И. Орехову за рисунок и обмеры меча. (Место находки уточнено. Архив ЛОИА, ф. 5, № 447, л. 120).

¹⁴ Ср. J. Petersen. Указ. соч., рис. 138.

¹⁵ Без указания места находки издан Б. И. и В. И. Ханенко — «Древности Приднепровья», вып. V, Киев, 1902, табл. I, 1a; Каталог КИМ (рукописный), № 3286.

¹⁶ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности... вып. II, Киев, 1899, табл. II, № 58. На рисунке на клиновидный клинок надеты навершие и наконечник ножен меча; см. Каталог КИМ (рукописный), № 11944.

¹⁷ Воин в заглавной букве Новгородской псалтыри начала XV в. («История русского искусства», т. II, М., 1954, стр. 296); икона Георгия конца XV в. в Музее русского искусства в Киеве. (В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина... Византийский временник, т. VI, 1953, рис. 4).

Тип IV. Образцы с полукруглой головкой (восходящие к типу X, по Петерсену).

11. Киев. Найден в Днепре (рис. 7—4). Подобные экземпляры были известны в Западной Европе около 1200 г., что, вероятно, приемлемо и для данного клинка¹⁸.

12. Место находки неизвестно. Львовский исторический музей (рис. 6—3). Клинок весьма длинный, крупный. Очевидно, это образец XIII в., когда снова началось утяжеление мечей, забытое в XI в. и хорошо известное по памятникам X в.

Следующие формы мечей с линзовидным, седловидным, дисковидным навершием относятся к новым типам романских клинков европейского средневековья. Эти группы составляют большую часть находок.

Тип V. Экземпляры с линзовидным набалдашником.

13. Тяглино, б. С.-Петербургской губернии. Раскопки Л. К. Ивановского 1874 г. Курган № 7. В погребении обнаружены только рукоять и часть клинка¹⁹ (XI—XII вв.).

14. Гатчина. Те же раскопки²⁰. Вероятно, — из кургана XI—XII вв.

15. Киев. Найден рыбаками на берегу Днепра в 1898—1899 гг.²¹ (рис. 7—5). Перекрестье утрачено после находки предмета.

16. Райковецкое городище, Житомирской области. Раскопки ИА АН УССР в 1930 г. Сохранились рукоять с частью клинка²². Дата — XII—XIII вв.

17, 18. Мечи из собрания Львовского исторического музея. Место находки установить не удалось. На одном клинке — остатки надписи *Ingelri* (отчетливо видны буквы E, L, R, I²³; рис. 6—1, 2).

19. Украина. Место точнее не известно. Вероятно, — случайная находка (см. № 25). Первый образец — с «полукруглой» рукоятью, которая еще в XIII в. была редка²⁴ (рис. 7—6).

Все западные мечи с линзовидным набалдашником относятся ко второй половине и концу XII в.²⁵ Уточнить хронологию русского материала пока трудно. Меч с надписью *Ingelri* указывает на западноевропейскую мастерскую, возникшую еще в X в.

Тип VI. Образцы с седловидным набалдашником.

20. Хотынцы, б. С.-Петербургской губернии. Раскопки Л. К. Ивановского 1879 г. Курган № 11. В погребении (XI—XII вв.) найден только меч. Рукоять — из бронзы, на перекрестье — растительный орнамент²⁶ (рис. 7—7).

¹⁸ Каталог КИМ (рукописный), № 9600, с 20771. Из коллекции А. В. Могилевцева: А. Вгунн-Нoffmeyer. Указ. соч., т. II, табл. VI, а, б; Финляндии известно 12 таких мечей (Е. Kivikoski. Указ. соч., стр. 39 и рис. 1086, табл. 139).

¹⁹ А. Спидцын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, 1896, стр. 59, табл. XIX, 2. В надписи к рисунку ошибочно отмечено Сумино.

²⁰ J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877—1884, N 1131.

²¹ Меч в КИМ — без перекрестья и «паспорта», опознан нами по фотографии из архива Н. Е. Бранденбурга (Архив АИМ, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 119).

²² В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XI, 2.

²³ Благодарю И. К. Свешникова за прорисовку надписи и рисунки мечей. Ср. Н. Агльман. Zwei Ingelri-Schwerter aus Schweden. ZWK, Bd. V, Berlin, 1936, рис. 2, табл. IX, 4.

²⁴ W. Voehel. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890, стр. 244, 245.

²⁵ А. Вгунн-Нoffmeyer. Указ. соч., т. II, табл. VIII и IX, а. Возможно, что к типу V относятся мечи: из с. Мануйлово, Ленинградской области (из случайных курганных раскопок 1959 г.; сохранилась часть клинка с лезвием и перекрестьем, хранятся в Кингисеппском музее) и из кургана у с. Высокое, б. Ошмянского уезда, Виленской губернии (случайная находка: по изданному рисунку, меч, скорее всего, имел линзовидную головку; см. «Swiatowit», т. III, Warszawa, 1901, рис. 15 на стр. 47).

²⁶ А. Спидцын. Указ. соч., стр. 94. Меч опознан в коллекциях Эрмитажа по медной рукояти, которая упомянута в дневниках Л. К. Ивановского только один раз.

21. Киев. Тайник Десятиной церкви. Раскопки М. К. Каргера 1939 г. *Terminus ante quem* 1240 г.²⁷

22. Городище Княжа Гора, Киевской области. Сохранилось только навершие²⁸. Дата — XII—XIII вв. По всей вероятности, к этой разновидности относится перекрестье из Смоленска, из слоев XII—XIII вв.²⁹ Аналогичные экземпляры найдены также в Латвии (Пассельс)³⁰. Образцы данного типа, известные в Европе, чаще — с прямыми перекрестьями и относятся к последней четверти XII в.—первой половине XII в.³¹; это приемлемо для русских находок. Меч такого типа изображен в Радзивилловской летописи, при описании событий 1128 г., в рассказе, относящемся к более раннему времени (л. 163 об.).

Тип VII. Мечи с дисковидным набалдашником.

23, 24. Из курганов б. С.-Петербургской губернии. Раскопки Л. К. Ивановского 1872—1891 гг. У одного клинка перекрестье изогнутое, у другого — прямое³². У обоих клинков — плоские головки. Западные экземпляры с плоским диском датированы второй половиной XII в.³³, но встречаются и позже. Очень вероятно, что находки Л. К. Ивановского также относятся к XII в., так как в XI в. такой тип еще не появился, а в XIII в. мечи в новгородских погребениях Водской пятины уже не встречаются (рис. 8—1, 2).

25. Украина. Случайная находка. Перекрестье утрачено³⁴ (рис. 8—4).

26. Макарецкая дача, б. Козелецкого уезда, Черниговской губернии. Случайная находка 1886 г. На обеих сторонах клинка — неразборчивая надпись; местами повторения буквосочетаний АСРУНЕ³⁵.

По мнению А. Брун-Хоффмейер, меч мог относиться к первой половине XIII в. (скорее, — к его середине). Аналогичные клинки известны в немецких музеях; из них особенно близок черниговскому меч в Естественно-историческом музее Ольденбурга с похожей надписью. А. Брун-Хоффмейер считает, что надпись пока трудно прочесть, но она не бессмысленна (как иногда думают). Ее содержание, возможно, — религиозная сентенция, заклинание или благословение, которые должны принести владельцу меча счастливый результат³⁶.

27. Село Рыдомля, б. Кременецкого уезда, Волынской губернии. Случайная находка 1891 г. На клинке — клеймо; перекрестье к концам расширяется³⁷.

28. Старая Дорога, б. Бобруйского уезда, Минской губернии. Случайная находка³⁸. По форме близок № 27.

²⁷ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 122, рис. 86.

²⁸ КИМ, № 20 877, дар Н. Беяшевского.

²⁹ Коллекция Смоленского исторического музея. Раскопки Д. А. Авдусина.

³⁰ «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1948, стр. 420, рис. 241, 2 и 4 (справа). Неправильно изданы как происходящие из Приладожских курганов.

³¹ А. В г у н - Н о ф ф м е у е т. Указ. соч., т. II, табл. IX, e, d, c.

³² А. С п и ц ы н. Указ. соч., табл. XIX, 10 (рисунок приблизителен); Э. Л е н ц. Указатель отделения средних веков. СПб., 1908, № 3396, стр. 366. (2-й экземпляр — в ГИМ).

³³ А. В г у н - Н о ф ф м е у е т. Указ. соч., табл. X.

³⁴ В каталогах КИМ есть сведения о двух «средневековых» мечах, которые можно сопоставить с № 25 и 19. Они из Гошева, б. Овручского уезда, Киевской губернии (№ 3288) и Каменной Криницы, б. Балтского уезда, Подольской губернии (Рукописный каталог музея Университета св. Владимира, № 5922).

³⁵ Э. Л е н ц. Указ. соч., стр. 302, № 7164 (рисунок надписи); см. также «Альбом изображений выдающихся предметов...», табл. XXI.

³⁶ Автор признателен датской коллеге за любезное письмо от 5 марта 1958 г., в котором она высказывает свое мнение о 3 мечах из числа отмеченных в этой работе (см. также ниже).

³⁷ Э. Л е н ц. Указ. соч., № 7192, стр. 301; Архив ЛОИА, ф. 1, 1891, № 169.

³⁸ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1953, табл. I, 2.

29. Город Белз, Львовской области. Опубликован схематический рисунок³⁹.

30—32. Собрание Эрмитажа (№ 30 и 31) и ГИМ (№ 32). Местонахождение не известно. № 30 и 31 — типа № 26⁴⁰, № 32 — типа № 27 и 28. № 30 имеет на клинке надпись SOS.

33. Псков. Приписывается псковскому князю Довмонту, умершему в 1299 г. Псковичи вручали этот меч (если он подлинный) при посадении

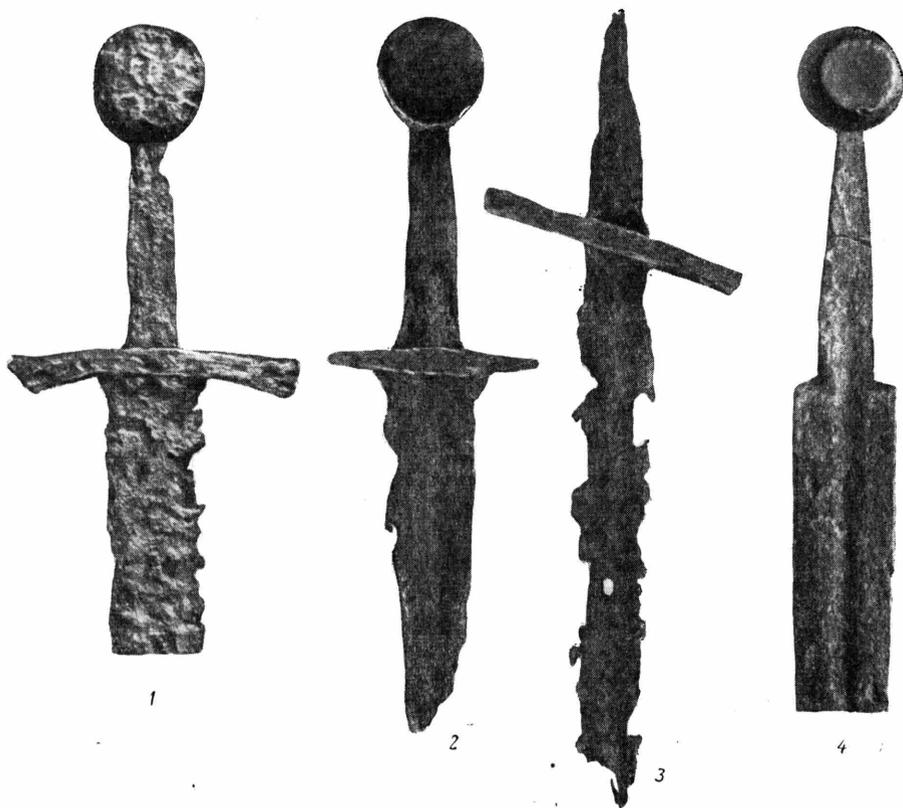

Рис. 8. Мечи.

1 — Ленинградская область, Государственный Эрмитаж (тип VII); 2 — Ленинградская область, ГИМ (тип VII); 3 — Ленинградская область, ГИМ (тип VII?); 4 — Украина, Киевский исторический музей (тип VII).

князей на псковский престол. На клинке — клеймо, «пассауский волчок», известный со второй половины XIII в.⁴¹ Атрибуция памятника оспаривается. Как полагает А. Брун-Хоффмейер, меч датируется около 1400 г. Этим временем определяются ближайшие аналогии — меч из Метрополитен-музея в Нью-Йорке и меч из Аввеу (Англия, последний — около 1417—1431 гг.). Однако мной найдены и более ранние сходные формы. Таковы мечи из Вестминстера (Англия, начало XIV в.) и из Толедо (Испания, первая половина XIV в.)⁴².

³⁹ О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки... Київ, 1957, табл. X, 4.

⁴⁰ Э. Ленц. Указ. соч., № В581, стр. 302; «Альбом изображений выдающихся предметов...», табл. XXI; М. М. Денисова... Указ. соч., табл. 1, 2.

⁴¹ Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913, стр. 91—94, рис. 6, 8, 9; ср. А. Вгун-Хоффмейер. Указ. соч., т. II, табл. XXV и XXIX.

⁴² London museum catalogues, N 7, London, 1954, табл. 5; The journal of the arms and armour society, v. III, N 2, 1959, табл. XIV и XV.

34. Новгород. Раскопки Новгородской археологической экспедиции под руководством А. В. Арциховского в 1952 г. Навершие меча. Конец XIII в. — начало XIV в.⁴³

Европейские мечи с выпуклым диском появляются около 1200 г. и бытуют в XIII—XV вв.⁴⁴ Русские образцы, с узким прямым перекрестьем, судя по западным аналогиям, относятся к XIII—XIV вв. (№ 26 и 30); другие, с расширяющимися концами крыжа, — к XIV в. и, может быть, к XV в. (№ 27 и 28). Мечи с круглым набалдашником — излюбленная форма, которую изображали русские художники в XII—XIII вв. на миниатюрах⁴⁵, иконах⁴⁶, каменных образках⁴⁷, печатях⁴⁸, в белокаменной резьбе⁴⁹, в 5 игрушечных мечах из раскопок в Новгороде (слои XIII в. и начала XIV в.). Одно из лучших по своей отчетливости изображений мечей сохранилось на интересной иконке из Старой Рязани с фигурами Бориса и Глеба (рис. 9), которую можно отнести к XII в. Все эти данные свидетельствуют о том, что мечи с дисковидным навершием, начиная с XIII в., предпочитались другим формам.

Тип VIII. Мечи с граненым набалдашником.

35. Райковецкое городище, Житомирской области. Раскопки ИА АН УССР в 1930 гг. Дата — XII—XIII вв.⁵⁰

36. Там же. Двуручный меч⁵¹ с многорядными долами до половины клинка. Навершие квадратное, с выступающей средней частью. Нет уверенности, что клинок относится к XII—XIII вв. Двуручные мечи (№ 27, 28 и 32 — типа VII) и клинки с многорядными долами относятся, как правило, к XIV—XV вв. Но рубка двумя руками появилась в Европе в XII в. и удостоверена для Руси рисунками Радзивилловской летописи, относящимися к событиям этого же периода⁵².

37. Киев. Двуручный меч, найден в Днепре⁵³.

38. Псков. Приписывается псковскому князю Всеволоду-Гавриилу. Согласно летописи на могиле князя в псковском Троицком соборе поставили меч⁵⁴. Существующий образец относится, однако, не к XII в., а, по крайней мере, к XIV в. или даже к XV в. Об этом свидетельствуют стиль готических букв латинской надписи на рукояти, три мелких дола до середины длины полосы, отделка ножен и герба. Западные аналогии относятся к первой четверти XV в.⁵⁵

А. Брун-Хоффмейер относит меч к 1400 г. Она сообщает, что аналогичные по форме рукояти представлены на мечах Южной Германии и Англии. Герб со львами и коронами на набалдашнике напоминает А. Брун-Хоффмейер богемский.

⁴³ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода-Великого. МИА. № 65, 1959, рис. 1, 10, на стр. 122.

⁴⁴ А. Вгун-Ноттмеуег. Указ. соч., т. II, табл. XII—XIV и сл.

⁴⁵ Радзивилловская летопись, лл. 9, 11 в, 26об, 38об, 58об и сл.

⁴⁶ В. Н. Лазарев. Указ. соч., рис. 17; «История русского искусства», т. 1. М., 1953, стр. 502.

⁴⁷ «История русского искусства», т. I, стр. 282.

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, вып. 1, стр. 114; «Альбом изображений выдающихся предметов...», табл. XII, 10.

⁴⁹ А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 26, 4; табл. 35, 2; табл. 36, 6.

⁵⁰ Я. В. Гончаров. Указ. соч., табл. XI, 5. Головка нарисована в 4 грани, тогда как их семь.

⁵¹ Там же, табл. XI, 3.

⁵² Радзивилловская летопись. СПб., 1902, лл. 214об, 232.

⁵³ Б. Н. и В. И. Ханенко. Указ. соч., вып. I, табл. I, 4.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XI, стр. 200. Перекрестье надето на клинок в перевернутом виде.

⁵⁵ Н. Ф. Окулич-Казарин. Указ. соч., стр. 88—91, рис. 6, 7; Тр. ПАО, вып. 8, Псков, 1912, стр. 213—215; А. Вгун-Ноттмеуег. Указ. соч., т. II, табл. XXIV.

39. Найдены между станциями Себеж в Идрица, б. Витебской губернии. Клинок — с 3 долами. Относится к XV в.⁵⁶

Итогом обзора мечей являются табл. 1 и 2⁵⁷.

Т а б л и ц а 1

Классификация мечей

Типы	С трёхчастной рельефно-орнаментальной головкой, I	С бронзовой пятичастной головкой, II	С трёхчастной головкой, III	С полукруглой головкой, IV	С линзовидной головкой, V	С седловидной головкой, VI	С дисковидной головкой, VII		С граненой головкой, VIII	Всего
							плоской	выпуклой		
Количество	1	4	5	2	7	3	2	10	5	39
Дата	XII в.	XI — XII вв.	XI — XII вв.	XII в.	XII в.	XII — XIII вв.	XII в.	XIII — XV вв.	XIII — XV вв.	XI — XV вв.

Мы видим, что в целом материал по некоторым выделенным типам еще невелик и весьма разрознён для того, чтобы сделать выводы о его происхождении. Несомненно, однако, что, наряду с романскими по форме мечами, на Руси бытовали, главным образом в XI—XII вв., своеобразные, вероятно, частично местные восточно-европейские типы с пяти- и трёхчастным навершием. Чаще всего это мечи с бронзовыми рукоятями. Только очень отдаленно они напоминают некоторые общеевропейские формы X в. (например, тип S, по Петерсену).

Нет сомнений, что в эпоху феодальной раздробленности мечи изготовлялись на Руси во многих городских мастерских. При раскопках, например, Райковецкого городища вскрыты остатки кузнечной мастерской, где среди наконечников стрел, топоров, долот и др. встречены части меча⁵⁸.

Возможно, что клинки типа II и III вывозились из Руси в Прибалтику и Волжскую Болгарию. Обращают на себя внимание мечи с трёхчастным навершием и рельефным орнаментом (тип I). Среди прочих они очень отчетливо — этнически и по территории — связаны с финскими племенами. Не противоречит этому и так называемый изборский меч (см. № 1), найденный в районе со смешанным русско-чудским населением.

Кроме местных групп мечей, на Руси представлены все типы, известные

⁵⁶ Э. Ленц. Указ. соч., стр. 302, № 7444; «Альбом изображений выдающихся предметов...», табл. XXI; Архив ЛОГИА, ф. 1, 1899, № 45; ОАК за 1899 г., рис. 255.

⁵⁷ Приводим сведения о мечах, предположительно относящихся к XI—XIII вв., тип которых нам остался неизвестен. Клинки КИМ, без рукоятей: № 14433; № 958, с 69 148; 6060; 4213, в 1409. В. Хвойка нашел на усадьбе Петровского в Киеве в одной из построек скелет воина, погибшего с мечом (Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. Хвойка. СА XXV, стр. 335). Обломок меча с Липлявского городища, б. Золотоношского уезда, Киевской губернии. [Каталог КИМ (рукописный), № 6645]. Мечи (3—4 образца) с Княжьей Горы [К. Мельник. Каталог коллекций А. Н. Поль. Киев, 1899, стр. 110; Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898, № 755, стр. 18; Каталог КИМ (рукописный), № 6636 и 10436]. Обломки меча из Колодяжного (раскопки Р. А. Юры и В. К. Гончарова). Находки клинков: Снетин, б. Полтавской губернии, находка Н. Макаренко, 1907 (Эрмитаж, № 893/1); Гербы, б. Дубенского уезда, Волынской губернии, меч-«концер» (В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Труды XI АС, т. I, 1901, стр. 68); Дрогичин — обломки мечей (Труды IX АС, т. I, 1895, стр. 111); Флеровка, б. Черкасского уезда, Киевской губернии (Б. Н. и В. Н. Ханенко. Указ. соч., вып. V). Мне остались также неизвестны 3 меча из раскопок в б. С.-Петербургской губернии и 5 мечей из Райковецкого городища. Ученье все находки едва ли возможно.

От типов с круглой или линзовидной головкой происходят прямые стержневидные перекрестья длиной 12,7 см и 18,5 см из Новгорода (середина XII в. и рубеж XII—XIII вв.). Меч с дисковидным навершием и несколько прямых перекрестий от клинков XII—XIII вв. найдены на городище у с. Городище, Шепетовского района Хмельницкой области (раскопки М. К. Каргера в 1957—1959 гг.).

⁵⁸ Ф. Н. Молчановский и др. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. ПИДО, М.—Л., 1934, № 5, стр. 85.

в то время в Западной Европе (типы IV—VIII), причем по оснащению и бытованию различных типов романских мечей феодальная Русь, по-видимому, не уступала главным европейским странам. Преобладание получили у нас мечи с дисковидным навершием (тип VII).

Рис. 9. Иконка с изображением Бориса и Глеба, из Старой Рязани (Фотоархив ЛОИА).

Следует отметить раннее появление на Руси тяжелых двуручных и «полоторных» мечей. Впрочем, на юге России, в условиях легкоконной борьбы с кочевниками, значение их не могло быть велико.

Латинские надписи на трех найденных клинках (см. № 17, 26 и 30) указывают на незначительность западного импорта. Отдельные привозные мечи служили роскошным княжеским оружием (как меч Довмонта).

Хотелось бы остановиться еще на одном очень интересном в истории мечей моменте. В XII в. появляется новый термин — «мечи харалужные». Некоторые исследователи сопоставляли это слово с древневерхненемецким *karoling*, с понятием «свет-пламя»⁵⁹, но большинство переводило «харалуг» как булат, восточная сталь⁶⁰. Однако в тюркских языках «харалуг» первоначально не означал сталь; «кара», «хара» значит чернота; для «луг» объяснения не найдено. Впрочем, слово «кара» в сочетаниях (например,

⁵⁹ С. Геденов. *Варяги и Русь*, ч. 1. СПб., 1876, стр. 329; Б. Арндт. К вопросу о мечах харалужных. «Слово о полку Игореве». Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова, I, 1934, стр. 341.

⁶⁰ И. И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. III. СПб., 1902, стр. 1361; Н. Г. Беляев. О булате и харалуге. *Recueil N. P. Kondakov*, Prague, 1926, стр. 160.

Измерения мечей (в сантиметрах)

№	Место находки	Место хранения	Тип	Общая длина	Длина лезвия	Высота рукоятки	Ширина лезвия у перекрестья	Ширина лезвия на 30 см от перекрестья	Ширина лезвия на 3 см от оконечности	Ширина и высота стержня рукоятки	Ширина и высота набадашника	Примечание	
1	Малы ¹	ГИМ	I	47,5	32	15,5	4,8	—	4,2	9,7×2,5	0×2,4	6,4×4,6	Лезвие обломано, перекрестье сбито
3	Бывшая Полтавская губерния	КИМ № 1939, с 20769	II	98	84	14	4,5	3,5	2	9,9×1,6	9,2×2,4	5×3,2	—
4	Вербична	До 1939 г. находится в Варшаве	II	42	28	14	4,5	—	3,8	10×1,5	9,3×2	5,5×3,2	Клинок обломан
8	Воздвиженское?	Костромской музей	III	86,4	70,7	15,6	4,4	3,9	2,3	15×0,7	10×1,7	7,8×4,6	—
9	Стайки	КИМ № 3286, с 69148	III	77,5	63,5	14	4,8	4	3,1	6,5×1,5	9×2	5,8×2	Основания навершия нет
11	Киев	КИМ № 9600, с 20771	IV	83	70,5	12,5	5	4,5	3,4	9,2×0,8	4,4×2,2	4,4×2,2	Клинок обломан
12	Неизвестно	Львовский музей, № 3403	IV	109,6	94,3	15,3	5,4	4,9	3,2	22,2×1,1	11×1,4	6,6×3,2	—
13	Тяглино	ГИМ, хр. 150/1	V	19	13	—	—	—	—	20×1	—	—	Сохранились перекрестье и часть клинка
15	Киев	КИМ	V	102,5	88,5	14	5	4,6	2,3	—	9×3,5	6×4	Перекрестья нет
16	Райковецкое городище	Житомирский музей	V	75	60	15	4,8	—	—	—	—	5,5×4	Обломок клинка без перекрестья
17	Неизвестно	Львовский музей, № 2205	V	87,7	75,7	12	4,5	4,4	3,2	17×1,1	7,6×2	7,6×3,3	Клинок обломан
18	»	Там же, № III 899	V	38,8	24,6	14,2	4,3	—	2,6	13,8×1,2	9,1×1,9	6,5×3,9	Клинок сломан и разрушен
19	Украина	КИМ, № в 1405	V	106,2	88,2	18	5,6	5,4	2,9	19,1×0,9	12,1×1,7	7×5	—

¹ В табл. 2 не приводятся данные о мечах, размеры которых установить не удалось.

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

№ п/п	Место находки	Место хранения	Тип	Общая длина лезвия	Длина лезвия	Высота рукоятки	Ширина лезвия у перекрестья	Ширина лезвия на 30 см от перекрестья	Ширина лезвия на 3 см от оконечности	Ширина и высота перекрестья	Ширина и высота набалдашника	Примечание
20	Хотыльцы	Эрмитаж, № 30/6489	VI	71	55,6	15,4	4,1	3,5	2,2	13,3×1,5	7×4	—
21	Киев, Десятинная церковь	Находился до 1941 г. в КИМ	VI	95	81	14	5,5	4,5	2,5	12×2,4	6×4	Перекрестье сбито
22	Княжа Гора	КИМ, № 20877	VI	—	—	—	—	—	—	—	5,5×3,2	Сохранилось одно навершие
23	Бывшая С.-Петербургская губерния	Эрмитаж, № 30/64 87	VII	77	62	15	4,4	4	3,7	12,5×1	5,4×5	Клинок обломан
24	Там же	ГИМ, № 150/1	VII	33	17,5	15,5	4,6	—	—	10×0,5	5×5	»
25	Украина	КИМ, № в 1410	VII	104,5	89	15,5	4,8	4	2,3	—	4,8×4	Перекрестья нет
26	Макарецкая дача	Находилась в Эрмитаже, № 7164	VII	106	88	18	5	4	2,5	16×1,5	6×5,5	—
27	Рыдомля	То же, № 7192	VII	94	68	26	4,5	3,8	2,2	20×2	6,5×5	Конец лезвия
30	Неизвестно	Эрмитаж № 30/6484	VII	91,6	73,9	17,7	6,3	4,5	2,5	17×0,8	5,2×5,2	—
31	»	Эрмитаж, № В581	VII	86	64,5	21,5	6	—	4,5	21,5×1	5×5	—
33	Псков, меч Довмонта	Псковский музей	VII	90	75	15	5,3	3,5	1	25×2×1	5,5×4,8	—
34	Новгород	ИА АН СССР	VIII	—	—	—	—	—	—	—	5,2×4,6	Одно навершие
35	Райковецкое городище	Житомирский музей	VIII	32	18	14	5	—	—	19×1	—	Клинок обломан
36	Там же	Там же	VIII	121	96	25	5,5	4,8	2,8	—	20×2,5	Перекрестья нет
37	Киев	Бывшая Киевская коллекция	VIII	112	86	26	6	4	1,5	25×1	4,5×4,5	—
38	Псков, меч Всеволода	Ханенко Псковский музей	VIII	140	110	30	5	4,8	1	25×1,8	5,8×5,5	—
39	Себеж-Идрица	Находилась в Эрмитаже, № 7444	VIII	140	102	38	5	4,8	2,2	21×1	8×6	—

«кара кум», «кара су») не имеет ничего общего со значением «черный», а переводится как суша, земля⁶¹. Слово «кара» присутствует в названиях восточных булатных клинков: «каратабан», «караخورосан», но эти термины позднее XII—XIII вв. и, возможно, также имеют географический смысл. Очень вероятно предположение, что слово «харалуг» происходит от «карлук»⁶² — названия одного из тюркских племен Северного Афганистана, славившегося изготовлением стальных клинков. В источниках X—XIII вв. это племя достаточно известно⁶³.

Обозначение средневековых мечей по месту их изготовления было широко распространено, но в данном случае обозначало ли слово «харалуг» вообще стальные изделия (оно употреблялось также для копий и цепов), или только восточные, привозные, — пока сказать трудно⁶⁴.

Возвращаясь к публикуемым нами материалам, интересно проследить распространение находок мечей и условия, при которых они обнаружены. Только 7 мечей встречены в погребениях, некоторая часть остальных найдена случайно, — очевидно, они были «обронены на дорогах войны», но большая часть обнаружена в южнорусских городах, катастрофически погибших при монгольском нашествии (Киев — 8—9 экземпляров, Княжа Гора — 5—6 экземпляров, Райки — 10 экземпляров, Колодяжин — 1 экземпляр и др.), и, следовательно, может быть датирована археологическим комплексом XII—XIII вв. Заметим, кстати, что клинки из курганов на юге нам не известны.

Вообще же чрезвычайная редкость находок мечей в курганах XI—XII вв. связана с распространением христианства. Оно привело к постепенному исчезновению оружия из погребального инвентаря, и поэтому мечи XI—XII вв. известны хуже, чем предшествующие — X в. Однако, как заметил М. К. Каргер, пержиток курганного обряда — включение меча в состав погребения — долго держался в быту феодальной знати XI—XII вв.⁶⁵ Мечи, однолезвийные клинки и ножи встречены в христианских погребениях в храмах Киева, Чернигова, Пскова, Новгорода⁶⁶.

Оружие прославленных князей вообще старались сохранить. Оно окружалось почетом, как, например, меч, приписываемый псковскому князю Довмонту (см. № 33), или меч Бориса, висевший в спальне Андрея Боголюбского и позже хранившийся в одной из церквей Владимира⁶⁷.

Старые языческие традиции держались не только в среде знати; клинки встречались и в рядовых курганах, таких, как погребения новгородцев Водской пятины. Но в этих сельских курганах мечи попадались крайне редко. Среди 5877 захоронений в раскопках Л. К. Ивановского клинки встречены лишь в тридцати⁶⁸.

⁶¹ А. Н. Кононов. О семантике слов «кара» и «ак» в тюркской географической терминологии. Изв. Отд. общественных наук АН Таджикской ССР, вып. V, Сталинабад, 1954, стр. 83, 84.

⁶² A. Zaki Validi. Die Schwerter der Germanen. ZDMG, Bd. 90, H. I, Leipzig, 1936, стр. 33—37.

⁶³ В. В. Бартольд. Худуд-ал-Алем. Л., 1930, стр. 20; Рашид-эд-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М.—Л., 1952, стр. 84, 85.

⁶⁴ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 50.

⁶⁵ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 11, 112.

⁶⁶ М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. СА, VIII, 1946, стр. 207, 208, 221—223.

⁶⁷ Д. Айналов. Судьба киевского художественного наследия. ЗОРСА, т. XII, 1918, стр. 38, 39; В. Н. Татищев. История Российская, кн. 3, М., 1774, стр. 215.

⁶⁸ Из 13 мечей известны и сохранились семь: два — в ГИМ, типологически они неопределимы; третий — без номера, и лишь вероятно относится к этой группе. Об остальных сведений нет. Заметим, что самые ранние образцы из раскопок Л. К. Ивановского (типы Н и Z, по Петерсену) встречены в могилах XI в., поздние — XII в. Поздняя дата комплексов с мечами подтверждается находками разомкнутых ложновитых браслетов и рубчатых перстней XII—XIII вв. (см. А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 15 и 83).

Редкость находок мечей в курганах XI—XII вв. объясняется и другой причиной — не меч, а копье и топор были у дружинников более важным средством боя. Об этом можно судить и по иным источникам — миниатюрам и летописям. Меч в большой мере оставался оружием высшей феодальной знати. На миниатюрах князь вооружен мечом, тогда как остальные воины едут с копьями. Впрочем, в битвах конные военачальники охотно дрались копьями, так как в массовых битвах копья были главным оружием во время сближения противников и начала боя. Под стенами Луцка Андрей Боголюбский (1149 г.) сломал свое копье, и чуть не был убит копьем противника⁶⁹. Во время борьбы за Киев в 1151 г. Андрей «возма копье, еха наперед, и съехався преже всех, и изломи копье свое»⁷⁰. К мечу прибегали после того, как ломалось копье⁷¹. С другой стороны, мечи иногда были и у пехотинцев. В 1151 г. Изяслава Мстиславича чуть не убил, не узнав его, собственный пехотинец — «вынза меч свой и нача сечи по шелому»⁷².

В заключение можно добавить, что, судя по древним изображениям и летописным сведениям⁷³, мечу в ту пору придавались различные символические значения. Так, в военном обиходе «взирать меч против» означало начинать войну, «заить мечом» — завоевать и т. д.⁷⁴ Мечник — чин судебной княжеской администрации — получил свое название от меча, карающего неправду⁷⁵. Меч был и символом власти. На миниатюрах Радзивилловской летописи назначение удела иллюстрируется торжественной передачей клинка.

⁶⁹ Лаврентьевская летопись, под 1149 г.

⁷⁰ Там же, под 1151 г.; аналогичный случай — под 1184 г.

⁷¹ Ипатьевская летопись, под 1231 г.

⁷² Там же, под 1151 г.

⁷³ В летописных источниках меч встречается вообще довольно часто. А. В. Арциховский подсчитал, что в источниках IX—XII вв. меч упомянут 52 раза, тогда как, например, сабля — всего три. Вытеснение меча саблей произошло гораздо позже (см. А. В. Арциховский. Русское оружие..., стр. 10).

⁷⁴ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. II, стр. 132.

⁷⁵ «Правда Русская». М.—Л., т. II, 1947, стр. 47, 48.

Г. К. ВАГНЕР

О ЗМЕЕВИДНОЙ КОМПОЗИЦИИ НА ДРЕВНЕРУССКИХ
АМУЛЕТАХ-ЗМЕЕВИКАХ

Амулеты-змеевики давно привлекают внимание исследователей древнерусской культуры. О них существует довольно большая литература¹. Особый интерес вызывает изображение на одной из сторон амулетов женской головы², от которой во все стороны расходятся извивающиеся и переплетающиеся змеи-драконы. А. С. Орлов назвал эту композицию «змеиным гнездом»³.

Оберегательное назначение змеевиков ни у кого не вызывает сомнения. Но в истолковании «змеиной композиции», ее происхождения и смысла, до сих пор нет единого взгляда.

В настоящей краткой заметке нет возможности привести все существующие мнения. Большинство старых исследователей видело в «змеином гнезде» символ всего злого, против чего и были предназначены амулеты. При этом одни исследователи исходили из апокалиптического толкования композиции по числу змеиных голов, другие распространяли отрицательный смысл змеиных образов и на внехристианское их значение.

Наиболее ошибочными представляются мнения, исходящие из апокалиптической трактовки⁴. Изображения змей-драконов как символа дьявола-сатаны никогда не запрещались христианской церковью; они составляли часть различных змееборческих композиций («Чудо св. Георгия» и т. п.). Если бы на змеевиках «змеиное гнездо» имело апокалиптический смысл, то непонятно, почему против них так усиленно боролась церковь.

По-новому подошел к змеиным изображениям на амулетах М. И. Соколов, привлечший большой апокрифический материал⁵. Правильно считая, что объяснение магическим сюжетам на амулетах надо искать прежде всего в восточных представлениях, М. И. Соколов, однако, не сделал этого ни в отношении древнерусских амулетов, ни даже в отношении тех восточных амулетов, которые он привлек в качестве их прообразов. Между тем на некоторых восточных амулетах, опубликованных М. И. Соколовым, изобра-

¹ Обзор работ, вышедших до 1889 г., см. в статье И. И. Толстого «О русских амулетах, называемых змеевиками» (ЗРАО, новая серия, т. III, вып. 2, 1887) и в его же дополнительной заметке «Еще о змеевиках» (ЗРАО, новая серия, т. IV, вып. 2, 1889). Ссылки на более поздние работы даются в тексте.

² Лишь на редких змеевиках встречается изображение мужской головы.

³ А. С. Орлов. Амулеты «змеевики» Исторического музея. Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, Приложение V, стр. 12 и сл.

⁴ Подобного мнения придерживались Моргенштерн, Де-Санглен, Крузе, архимандрит Амфилохий, архимандрит Макарий, архимандрит Леонид, Е. В. Барсов, И. И. Толстой и др.

⁵ М. И. Соколов. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. ЖМНП, 1889, июнь, стр. 340—368.

жения змеи, змеевидных львов и т. д. выступают вовсе не в качестве символов зла, а в качестве божественных существ⁶.

Очень интересны и важны в этом отношении восточные (малоазийские) амулеты, опубликованные в свое время Г. Шлюмберже. На некоторых из них изображен «дурной глаз», в который сверху вонзаются три кинжала, а с боков и снизу нападают два льва, ибис (или страус?), скорпион и змея⁷. Амулеты с мечевидными знаками известны и в древнерусском материале⁸; следовательно, мы вправе привлечь для объяснения «змеиног гнезда» и те змеиные изображения, которые известны по восточным амулетам.

Изображения львов, ибиса, скорпиона и змеи, нападающих на «дурной глаз», никоим образом нельзя трактовать как символы зла. Они нападают на зло, т. е. выступают в качестве оберегов-апотропеев. Охранительное значение изображений льва и змеи с полной очевидностью вытекает и из двух амулетов, опубликованных Г. Шлюмберже. На амулете № 2 на одной стороне изображены солнце и луна (в виде человеческих голов), а также и змея, бросающаяся на женскую фигуру — демона болезней. Тут же надпись: «Печать Соломона оберегает того, кто ее носит»⁹. На амулете № 3 — солнце и луна, под которыми Соломон на коне и скачущий лев попирают лежащего демона в виде женской фигуры. Тут же изображены маленький гений с поднятыми руками и змея, пожирающая «дурной глаз»¹⁰. Змеи и львы, нападающие на «дурной глаз», встречаются и на других амулетах¹¹.

Наряду с амулетами собственной коллекции, Г. Шлюмберже рассматривает описанные другими авторами, причем для нас особенно интересны следующие: 1) принадлежавший Альберту Рубенсу (сыну художника) оникс с изображением головы Медузы с семью змеями; 2) зеленая яшма, известная под названием «Печати св. Серва», с таким же изображением; 3) камни с перегородчатой эмалью из Италии (Византия, V—VII вв.) с таким же сюжетом¹². Г. Шлюмберже видит источник этого изображения в старых языческих народных преданиях¹³, к сожалению, не уточняя их.

Очень показательно, что хотя эти изображения в Византии постепенно стали ассоциироваться с демоном, но они сохраняют многое от своего древнего, не демонического значения. Так, например змеи чередуются с лучами или осложнены изображением цветущих ветвей и т. п.¹⁴ В связи с этим следует вспомнить, что и на знаменитом суздальском змеевике между змеями помещены звезды¹⁵. По-видимому, и по смыслу, и по форме изображений рассматриваемые памятники представляют образцы религиозного синкретизма, в котором образ змеи (змей, драконов) еще не утратил своего древнего хтонического апотропейческого значения.

Не только на древнем Востоке, но и в античной Греции были широко распространены хтонические культы змей¹⁶. Греки не отказались от этих верований даже в классический век. Став атрибутами олимпийцев, змеи в представлении греков сохраняли свою божественную сущность. Многие легендарные герои и даже некоторые цари изображались со змеиными

⁶ М. И. Соколов. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. «Древности», Труды Славянской комиссии МАО, т. I, 1895, стр. 178, 179.

⁷ G. Schlumberger. Amulettes byzantins anciens destinés à combattre les maléfices et maladies. Revue des Études Grecques, v. V, 1892, стр. 74, рис. 1.

⁸ А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 4, 5.

⁹ G. Schlumberger. Указ. соч., стр. 74—87, рис. 2.

¹⁰ Там же, рис. 3.

¹¹ Там же, рис. 10.

¹² Там же, стр. 89, 90.

¹³ Там же, стр. 90.

¹⁴ Там же.

¹⁵ И. И. Толстой. О русских амулетах..., стр. 387.

¹⁶ Ch. Daremberg et Edm. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. II, Paris, 1892, стр. 408—412.

частями тела (Эрихтоний, Кекроп и др.). Многие боги превращаются в змей. Богами змеи используются при совершении военных подвигов, и хотя в таких случаях змеи выступают как устрашающие образы, охранительные функции их от этого не меняются. Отсюда — охранительные функции изображения Медузы на щитах, нагрудных панцирях и т. д.¹⁷ В осложненном виде все эти мифы проникли и в Северное Причерноморье.

О связи древнерусских амулетов-змеевиков с пережиточными античными представлениями ученые предполагали давно. Один из ранних авторов, писавших о знаменитом змеевике — «черниговской гривне», — В. Г. Анастасевич видел в «змеином гнезде» голову Медузы. Де-Санглен трактовал ее как «русскую Афродиту, богиню Ладу». О медузиной голове писал Д. П. Прозоровский¹⁸. Даже И. И. Толстой, более всего изошрявшийся в апокалиптической интерпретации различного числа змеиных голов на амулетах, в конце концов пришел к заключению: «Не находится ли выбор изображений на змеевиках в отдаленной связи с мифологическим значением змей, представление о которых соединялось с понятием, о здоровье и долготелетии человека?»¹⁹.

Как видим, вопрос здесь приобретает совсем иной оттенок.

Сопоставляя змеевики с древними восточными амулетами, мы должны помнить, что язычество на Руси не было изжито даже в XI—XII вв. Поэтому те начала демонизации, которыми отмечены змеиные образы, например, на византийских амулетах V—VI вв., не могут быть механически перенесены на змеевидные сюжеты древнерусских амулетов²⁰. В VI—VII вв. у населения Среднего Приднепровья господствовали представления о женской богине, спутниками которой были птицы и змеи. По-видимому, этот образ следует ассоциировать с Березиной²¹. Он возник в условиях, когда еще были живы мифы Северного Причерноморья, среди которых большое место занимает змееногая богиня²². Искусству Северного Причерноморья была хорошо известна и голова Медузы, причем не в декоративном, а именно в апотропеическом ее значении²³. Пока еще не прослежены все ступени становления изображений типа приднепровских фибул с женской фигурой в окружении змей. Их, конечно, нельзя рассматривать в качестве предшественников древнерусских змеевиков²⁴ (последним предшествовали византийские амулеты), но эти фибулы помогают понять, что византийские амулеты были на Руси существенно переосмыслены на почве древних хтонических представлений и, вероятно, при участии далеких северно-причерноморских (через Херсонес?) мифологических прообразов.

Для характеристики «змеиного гнезда» как изображения не демонического, а пережиточно-защитительного, важно то, что женская голова никогда не носит устрашающего облика. В некоторых случаях в ее трактовке даже заметны черты привлекательности. Надо учитывать и то, что на древнейших и лучших змеевиках вокруг женской головы изображены, в сущно-

¹⁷ Об апотропеическом характере изображения Медузы см. Н. Веселовский. Нагрудник с изображением головы Медузы. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 4 и сл. Изображение Медузы понималось как апотропеическое и для женщин.

¹⁸ И. И. Толстой. О русских амулетах..., стр. 372—374; см. также Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 250.

¹⁹ И. И. Толстой. О русских амулетах..., стр. 407, примеч. 1.

²⁰ На этом основании можно рассматривать змеиные изображения вне связи с окружающими их надписями, в которых языческое содержание было отгеснено на второй план.

²¹ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, стр. 97; его же. Искусство древних славян. «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 61, 62.

²² А. Ашик. Веспорское царство, ч. II. Одесса, 1848, рис. № 142; см. также «Древности Боспора Киммерийского», СПб., 1854, табл. XX, рис. 8.

²³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 397.

²⁴ Ср. А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. СА, XV, 1951, стр. 199, 200.

сти, не змеи, а змее-львы, змее-грифоны или змее-драконы. Например, на так называемой «черниговской гривне» змеиные туловища имеют, скорее, львиные головы²⁵. Они очень близки головам «рогатых драконов» — атрибутов змееной богини, изображенной на известной пластинке из «Цимбаловой могилы»²⁶. На змеевике Казанского университета змеиным туловищам приданы головы бородастых грифонов²⁷. Грифоньи головы изображены и на многих других змеевиках²⁸.

Все сказанное очень важно в том отношении, что прямо ставит нас перед проблемой пережиточно-апотропеического значения «змеиного гнезда».

Об апотропеическом значении изображений львов на восточных амулетах уже говорилось выше. Апотропеический характер многих изображений грифона в культуре Востока и Северного Причерноморья исследован еще лучше²⁹. Давно прослежена и тесная связь образа грифона со змееной богиней. Более сложное, но, несомненно, пережиточно-апотропеическое значение в христианское время продолжали в некоторых случаях сохранять и древние политеистические образы змей-драконов³⁰.

На многих изделиях древнерусского прикладного искусства образы львов, грифонов и драконов продолжали выполнять свои старые языческие функции. Это относится, например, к изображениям грифонов на колтах³¹. По древней традиции³² образы грифонов связывались с женской обрядностью. В них сохранялись и древние связи с солярным культом, о чем можно судить по изображениям грифонов на древнерусских хоросах³³. Изображение грифонов на верхних частях фасадов владими́ро-суздальских храмов, вероятно, связано с такими же представлениями. Пережиточные черты древнего солярного культа прослеживаются и в некоторых изображениях драконов³⁴. Что касается культа змей, то древние хтонические его основы были очень крепки в среде славян³⁵.

Вопрос о том, каким образом древнеславянские языческие представления соединились с античными, а затем осложнились, но не стерлись христианскими, — составляет тему специального большого исследования. В. Л. Янину удалось показать, что в надписях некоторых древнерусских змеевиков слово ΔΟΝΟΣ должно было звучать по-древнерусски как ΔΙΟΥС-дьюс-дый, в чем автор видит указание на Дья — важное

²⁵ И. И. Толстой. О русских амулетах..., табл. XV, рис. 1.

²⁶ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1889, рис. 99. На важное значение этого изображения для понимания древнерусских змеевиков впервые указал А. С. Орлов.

²⁷ И. И. Толстой. О русских амулетах..., стр. 377.

²⁸ Там же, стр. 378, 389—391.

²⁹ Н. Н. Погребова. Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Кандид. диссертация. Архив ИА АН СССР, разр. 2, стр. 135 и сл.

³⁰ Например, в рельефах на фасадах армянских памятников зодчества, на херсонесской посуде и т. д. Ср. А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950, стр. 79, 102; его же. Средневековой Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 200—204.

³¹ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южно-русских княжеств XII—XIII веков. «История русского искусства», т. I, М., 1953, стр. 270, 271.

³² Ср. Г. И. Боровка. Женские головные уборы чертомлыцкого кургана. ИРАИМК, т. I, 1921, рисунок на стр. 183.

³³ Г. К. Вагнер. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 25—28.

³⁴ Там же, стр. 29.

³⁵ Ср. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, глава XX; Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. К вопросу о культе змей в Прибалтике. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 69—74.

языческое божество, известное у древних славян³⁶. В. Л. Янин проследил и связь этого божества с античной религией, в частности, с Зевсом³⁷. В античной мифологии Зевс иногда принимает образ змеи. Последнее, конечно, не имеет непосредственного отношения к змеевикам, но, как и в античной мифологии, в верованиях древних славян культ змей был, вероятно, настолько сложен апотропеическими представлениями, что какая-то доля их сохранила свое значение и в змеевиках. Лишь постепенно, с усилением христианства, со змеиными изображениями стали связываться представления о зле. Не случайно на поздних змеевиках к «змеиному гнезду» добавлялось еще изображение Федора Тирона в сцене змееборства³⁸. Ассоциирование образа змеи с мудростью, здоровьем, долголетием и т. п. долго еще жило в изобразительном искусстве³⁹, свидетельствуя о его былом апотропеическом значении.

³⁶ В. Л. Янин. Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода. КСИМК, вып. 54, 1954, стр. 46, 47.

³⁷ Там же.

³⁸ А. С. Орлов. Указ. соч, стр. 13.

³⁹ В гербах, печатях, эмблемах и даже на архиерейских посохах.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ ТЕРРАС СРЕДНЕЙ КАМЫ

В последнее время, в связи с большим гидротехническим строительством на р. Каме, одной из самых крупных водных артерий Европейской части СССР, проводится широкое изучение стратиграфии четвертичных отложений и геоморфологии камской долины. Четвертичные отложения Верхней и Нижней Камы изучены хорошо, а по среднему течению реки — еще далеко не достаточно. Летом 1956 г. Мещерская экспедиция ВГГТ провела в зоне строительства Воткинской ГЭС, на участке примерно от Перми до Сайгатки, широкое исследование геоморфологии и геологического строения террасовых отложений; часть материалов, собранных при буровых работах, была передана в лабораторию спорово-пыльцевого анализа ИИМК для микропалеоботанического изучения. Обследованный район совпал с районом работ Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета, возглавляемой О. Н. Бадером; таким образом, появилась возможность увязать некоторые палеоботанические и геологические данные с археологическими материалами.

В настоящей статье приведены данные о строении и результатах микропалеоботанического исследования двух разрезов террасы р. Камы, высотой 12—16 м в районе поселка Жулановка; в настоящее время эта терраса определяется как 1-я надпойменная. Здесь обнаружены и разновременные археологические находки.

Первая исследованная нами скважина (№ 231) заложена в центральной части поселка Жулановка на относительной отметке 12 м. Вскрыта толща четвертичных отложений до глубины 11 м; строение их следующее:

1. Почвенный слой	0,3 (0—0,3) м
2. Суглинок тяжелый, книзу переходящий в средний, темно-серый, с растительными остатками	2,7 (0,3—3,0) м
3. Песок тонкозернистый, глинистый, водоносный	0,5 (3,0—3,5) м
4. Суглинок средний, темно-серый, с тонкими прослойками мелкозернистого песка, с растительными остатками	0,2 (3,5—3,7) м
5. Торф черный, хорошо разложившийся	0,6 (3,7—4,3) м
6. Суглинок тяжелый и средний, иловатый, насыщенный плохо перегнившими растительными остатками	0,5 (4,3—4,8) м
7. Песок тонкозернистый, серый, сильно глинистый	3,65 (4,8—8,45) м
8. Суглинок легкий, темно-серый, с включением гальки, кремня, реже — кварца	0,2 (8,45—8,65) м
9. Галька кремня, песчаника, реже — кварца размером до 8 см с примесью гравия и песка	1,05 (8,65—9,7) м
10. Суглинок средний, коричневатый, с примесью гальки кремня размером до 6 м	0,6 (9,7—10,3) м
11. Галька кремня, кварца и песчаника размером до 8 см с примесью гравия и песка	до 11 м

Таким образом, скважиной вскрыта аллювиальная свита, из которой было проанализировано 17 образцов; из них в 12 образцах пыльца и споры встречены в количествах, достаточных для вычисления процентных соотношений и построения диаграммы (табл. 1 и рис. 10).

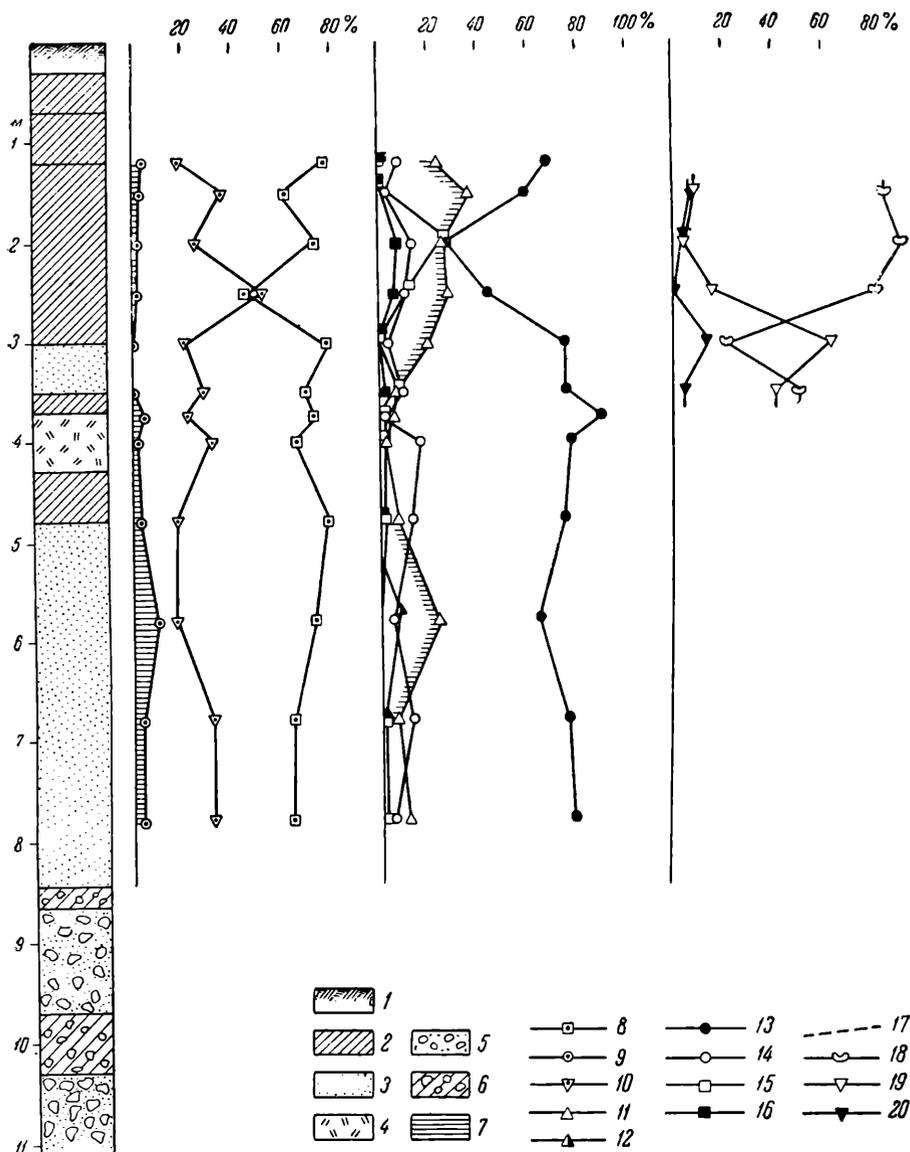

Рис. 10. Геологический разрез и спорово-пыльцевая диаграмма отложений первой надпойменной террасы Камы (скважина № 231).

1 — почвенный слой; 2 — суглинок; 3 — песок; 4 — торф; 5 — песок с включениями гальки; 6 — суглинок с включениями гальки; 7 — глина; 8 — пыльца древесных пород; 9 — пыльца травянистых и кустарниковых пород; 10 — споры; 11 — ель; 12 — пихта; 13 — сосна; 14 — береза; 15 — ольха; 16 — пыльца широколиственных пород; 17 — липа; 18 — папоротники; 19 — зеленые мхи; 20 — сфагновые мхи.

По характеру спорово-пыльцевых спектров в период накопления аллювия могут быть выделены 2 фазы в истории растительности района исследования. Первая, наиболее древняя фаза охватывает толщу аллювия и погребенного торфа от 3,7 до 7,8 м глубины. Для нее характерно абсолютное

Спорово-пыльцевые анализы образцов из скважины № 231 (в процентах)

№ образца и глубина взятия

Состав ископаемых пыльцев и спор	№ образца и глубина взятия													
	№ 3, 1,2 м, суглинок	№ 4, 1,5 м, суглинок	№ 5, 2,0 м, суглинок	№ 6, 2,5 м, суглинок	№ 7, 3,0 м, суглинок	№ 8, 3,5 м, суглинок	№ 9, 3,7 м, суглинок	№ 10а, 4,0 м, торф	№ 11, 4,8 м, суглинок	№ 12, 5,8 м, песок	№ 13, 6,8 м, песок	№ 14, 7,8 м, песок		
Общий состав	77	61	73	45	78	70	73	66	78	73	64	64		
	4	3	2	2,5	1	1	5	2	3	10	4,5	4		
	19	36	25	52,5	21	29	22	32	19	17	31,5	32		
	23	36,5	25,5	27	19,5	6,5	5,5	2,5	7	7	1	1		
	67,5	59,5	27,5	44	75	75	91,5	79	76	22	6	10,0		
Состав пыльцы древесных пород	7	2,5	13	10	3	9,5	2	16	13,5	5	13	5		
	0,5	0,5	27	13	1,5	7	0,5	2,5	2,5	—	0,5	1,5		
	2	1	7	5	1	1	—	—	1	—	—	—		
	—	—	—	1	1	1	0,5	—	—	—	—	—		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений	—	2*	—	—	—	—	1*	1*	—	2*	3*	1*		
	3*	—	—	1*	—	—	2*	—	—	—	2*	1*		
	1*	—	1*	—	1*	—	—	—	1*	1*	3*	1*		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5*	—	—		
	3*	8*	10*	8*	2*	4*	8*	2*	5*	7*	3*	6*		
Состав спор	4*	8	4	16	64	41,5	8*	17*	5*	4*	21*	29*		
	—	7	4	1	15	5	8*	3*	2*	4*	1*	2*		
	32*	85	92	82	21	51,5	33*	58*	47*	20*	55*	35*		
	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—		
Сумма подсчитанных пыльцевых спор и спор	187	316	473	382	379	347	228	241	281	162	243	206		

Примечание. В образцах № 1, 2, 10, 15 и 18 пыльца обнаружена в крайне ничтожных количествах. Знаком * отмечено число пыльцевых спор и спор.

преобладание пыльцы древесных пород (64—78%); пыльцы травянистых и кустарничковых растений встречено немного (2—10%), спор — 17—32%. Состав древесных пород сравнительно небогат; основным компонентом служит пыльца хвойных — пихты, сосны (кедра) и ели; в течение всей фазы доминирует сосна (кедр). В небольшом количестве обнаружена пыльца березы (до 16%); ольха и широколиственные породы отмечены в виде единичных пыльцевых зерен. По-видимому, в это время территория была полностью облесена хвойными пихтово-елово-кедровыми (сосновыми) лесами — темнохвойной тайгой.

Более молодая фаза охватывает толщу аллювия от 1,2 до 3,7 м глубины и существенно отличается от предшествующей. Для нее характерно абсолютное господство древесной растительности. Пыльца древесных пород содержится в количестве до 78%, пыльцы травянистых и кустарничковых ничтожно мало (1—4%), спор встречено до 19—52,5%. В составе древесных пород главную роль играет пыльца ели — до 36,5% и сосны (кедра) — до 75%; сравнительно немного пыльцы березы (до 13%). Заметную роль играет пыльца ольхи (до 27%) и широколиственных пород — липы и ильма (до 7%). В этот период на исследованной территории господствовали хвойно-широколиственные леса южнотаежного типа (елово-кедровые или сосновые с примесью липы и ильма). Поскольку в настоящее время на территории Среднего Прикамья есть и темнохвойная тайга, и группировки южнотаежного типа, можно считать, что климатические условия в период формирования аллювия 12-метровой надпойменной террасы, вскрытого скважиной, были не холоднее, чем современные, т. е. носили межледниковый характер.

Вторая скважина (№ 251) была зложена также в поселке Жулановка на относительной высоте 16 м. Вскрыта толща четвертичного аллювия до глубины 18,6 м. Последовательность вскрытых при бурении горизонтов была следующая:

1. Почвенный слой	0,2 (0—0,2) м
2. Песок тонкозернистый, кварцевый, пестро окрашенный . . .	2,0 (0,2—2,2) м
3. Суглинок средний, пластичный, тонкослонистый, коричневого цвета	0,15 (2,2—2,35) м
4. Песок тонкозернистый, серовато-коричневой окраски, водоносный	7,65 (2,35—10,0) м
5. Галечник-речник, состоящий из гальки кремня, реже — кварца и яшмы и других уральских пород, хорошей окатанности, размером до 7 см с примесью песка	3,0 (10,0—13,0) м
6. Песок тонкозернистый, серый, с включением гальки и гравия кремня, реже — кварца и яшмы	4,4 (13,0—17,4) м
7. Галька кремня и яшмы с включением гравия и песка, а с глубины 18 м — со щебенкой известняка	1,2 (17,4—18,6) м

Ниже встречены коренные породы.

Из верхней части аллювия (до глубины 10 м) были взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ. Из 15 анализированных образцов только семь содержали ископаемые пыльцу и споры в достаточных для вычисления процентных соотношений количествах (табл. 2 и рис. 11).

В образцах с № 9 по 15, взятых из аллювиальных песков (горизонт 4, глубина — 4,7—10,0 м), спорово-пыльцевые спектры весьма сходны между собой и могут быть охарактеризованы как спектры лесного типа. Пыльца древесных пород отмечена в количестве 68—81%, травянистых и кустарничковых растений — до 22% и споры — до 25%. Состав пыльцы древесных пород сравнительно небогат; основной компонент его — пыльца хвойных: ели, кедра (сосны) и, в небольшом объеме, пихты. В количестве до 10% встречена пыльца березы; ничтожно процентное содержание пыльцы

Спорово-пыльцевые анализы образцов из скважины № 251 (в процентах)

Состав ископаемых пыльцы и спор		№ образца и глубина взятия						
		№ 9, 4,7 м, песок	№ 10, 5,7 м, песок	№ 11, 6,7 м, песок	№ 12, 7,7 м, песок	№ 13, 8,7 м, песок	№ 14, 9,7 м, песок	№ 15, 10,0 м, песок
Общий состав	Пыльца древесных пород	71	68	70	77	69,5	52 *	81
	Пыльца травянистых и кустарничковых растений	16	7	22	10	16	15 *	12
	Споры	13	25	8	13	14,5	35 *	7
Состав пыльцы древесных пород	Abies	1	1	3	3	2	1 *	1
	Picea	49	55	38	46	37	12 *	24,5
	Pinus	40	36,5	48,5	44	44	31 *	40,5
	Betula	8	4,5	5	3,5	10	5 *	2,5
	Alnus	—	2	4	1,5	4	—	0,5
	Tilia	2	1	1,5	2	3	3 *	31
Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений	Gramineae	1 *	—	6 *	—	9 *	1 *	2 *
	Cyperaceae	—	1 *	2 *	—	—	1 *	—
	Chenopodiaceae	3 *	5 *	12 *	3 *	3 *	2 *	3 *
	Artemisia	1 *	—	2 *	—	2 *	—	1 *
	Compositae	—	—	2 *	1 *	—	—	1 *
	Неопределенные двудольные	26 *	10 *	35 *	15 *	26 *	11 *	26 *
Состав спор	Bryales	6 *	20 *	11 *	4 *	7 *	21 *	5 *
	Sphagnales	4 *	11 *	3 *	—	2 *	2 *	—
	Polypodiaceae	15 *	24 *	8 *	17 *	27 *	12 *	14 *
	Filicales	—	1 *	—	3 *	1 *	—	—
Сумма подсчитанных пыльцевых зерен и спор		198	222	269	186	253	102	280

Примечание. В образцах № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 пыльца содержится в незначительных количествах. Знаком * отмечено число пыльцевых зерен и спор.

ольхи и липы (за исключением образца № 15). В составе пыльцы травянистых и кустарничковых растений преобладают неопределенные двудольные; единичными пыльцевыми зернами представлены злаки, осоки, лебедовые, полыни и др. В составе спор встречены зеленые мхи, сфагновые мхи и папоротники.

Полученные данные позволяют считать, что в период накопления исследованных аллювиальных песков прилегающая территория была покрыта хвойными елово-кедрово-пихтовыми лесами с ничтожной примесью широколиственных пород (липы). Береза могла существовать и в виде примеси, и в виде очень небольших самостоятельных группировок. Резкое (до 31%) возрастание содержания пыльцы липы в образце № 15, по нашему мнению, случайно и связано, по-видимому, с произрастанием этой породы близ места отложения пыльцы. Об этом, в частности, свидетельствуют находки слипшихся пыльцевых зерен (по 4—6 вместе).

Приведенная краткая реконструкция растительности позволяет отнести последнюю к типу темнохвойной тайги и считать, что формирование ее могло происходить в климатических условиях, не более холодных, чем современные, т. е. также в межледниковое время.

Сравнение двух приведенных выше разрезов дает возможность сказать, что фаза растительности, охарактеризованная по данным скважины № 251,

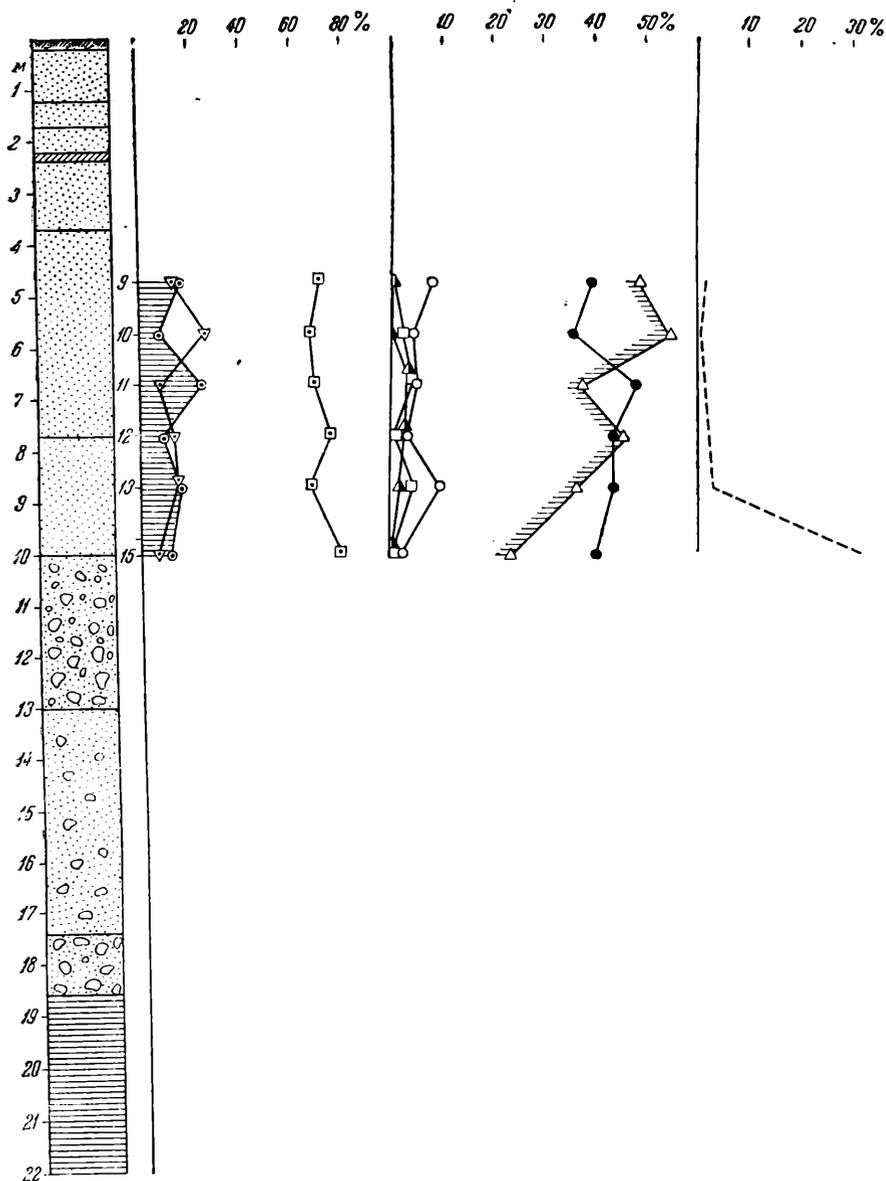

Рис. 11. Геологический разрез и спорово-пыльцевая диаграмма отложений первой надпойменной террасы Камы (скважина № 251). (Условные обозначения те же, на рис. 10).

несколько предшествует нижней фазе, описанной в скважине № 231. Исходя из полученных палеоботанических материалов, можно считать, что формирование 16-метровой террасы Камы в районе поселка Жулановка (1-я

надпойменная терраса?) происходило в период существования на прилегающей территории темнохвойной, пихтово-елово-кедровой тайги с незначительной примесью мелколиственных пород и при почти полном отсутствии широколиственных. Формирование более низких участков (12 м) этой же террасы заканчивалось уже в окружении растительности южнотаежного типа, т. е. в несколько более мягких климатических условиях.

Таким образом, весь период формирования аллювия 12—16 метровой надпойменной террасы можно отнести к межледниковому времени (по-видимому, — к последнему межледниковью).

Поверхность 1-й надпойменной террасы издавна служила местом поселения древнего человека. Так, в районе поселка Жулановка обнаружены памятники мезолита¹ и разных этапов бронзы². Культурные горизонты залегают непосредственно под дерновым слоем и, следовательно, стратиграфически моложе аллювия террасы. Поэтому палеоботаническая характеристика аллювия и основанные на ней определения возраста террасы не могут относиться к расположенным здесь памятникам. Как указывает О. Н. Бадер³, на многослойных поселениях в условиях мягкого песчаного грунта, часто слагающего с поверхности 1-ю надпойменную террасу Камы, могли происходить втаптывание более поздних остатков в более ранние слои и смешение разновозрастных остатков в связи с хозяйственной деятельностью человека (рытье землянок и т. д.). Отсутствие стратиграфии памятников в районе Жулановки и их связь с поверхностными песчаными горизонтами не позволяют сделать каких-либо палеогеографических реконструкций для времени поселений человека на 1-й надпойменной террасе Камы в этом районе.

¹ О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка. Уч. записки МГУ, вып. 166, 1954.

² Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская стоянка бронзовой эпохи на Средней Каме. Уч. записки Пермского государственного университета, т. IX, вып. 3, 1953; О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом. СА, 1957, № 3.

³ О. Н. Бадер. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 годах. Уч. записки Пермского государственного университета, т. XI, вып. 3, 1956.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. ТАРАСОВ

УГЛЯНСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА¹
(КОСТЕНКИ XVI)

Углянская стоянка (Костенки XVI), по сравнению с другими наиболее удаленная от поймы Дона (1,5 км), находится на левом склоне Покровского лога, на оконечности пологого мыса, образованного Покровским и впадающим в него Углянским логом.

Стоянка открыта А. Н. Рогачевым в 1951 г., а раскопки производились в 1954 г. Площадь раскопа составляла 58 кв. м (рис. 12). В западной части, где культурный слой сильно поврежден старыми глинокопными ямами и дорожной выемкой, была сделана зачистка обнажений; при этом собрано небольшое количество расщепленных кремней. В 6 м к северу от раскопа был заложен шурф площадью 6 кв. м, в котором обнаружен культурный слой. В 6 м западнее раскопа в небольшом шурфе (3 кв. м) культурные остатки не встречены. Однако в 6 м севернее, в таком же шурфе, обнаружен культурный слой, однотипный слою основного раскопа. В 6 м к северо-востоку от раскопа проведена зачистка западной стены круглой ямы (старого погребца) и собраны немногочисленные находки. При зачистке большой глинокопной ямы к юго-западу от раскопа встречено несколько расщепленных кремней. Единичные находки обнаружены и в небольшом шурфе в 30 м к северо-западу. Общая площадь, раскопанная в 1954 г., составила более 70 кв. м.

Культурный слой Углянской стоянки залегает в толще отложений 2-й надпойменной террасы Покровского лога на высоте 10 м над его поймой и 33 м над летним уровнем Дона. На этом же уровне залегает стоянка Маркина Гора, находящаяся на противоположном склоне Покровского лога.

На Углянской стоянке под черноземом (0,7 м) залегает лёссовидный суглинок (0,3 см), затем гумусированная прослойка (5—10 см), с которой связан культурный слой стоянки; еще ниже — меловой галечник (0,9 м); далее следует слой бурого суглинка мощностью 0,5 м (в нижней части его найдены 2 крупных обломка ребер мамонта и фаланга лошади) и еще ниже, до глубины 3,5 м от поверхности, залегают слоистые суглинки.

В восточном направлении, соответственно склону местности, отмечено небольшое падение культурного слоя. Средняя мощность его на всей вскрытой площади равна 12—15 см, а на отдельных участках достигает 27 см. Культурный слой, по-видимому, наиболее распространяется в северном и особенно в северо-западном направлениях. Он содержит расщепленный кремь и кварцит, осколки камня небольших размеров и обломки костей

¹ Доклад на заседании Сектора палеолита ИИМК 23 апреля 1957 г.

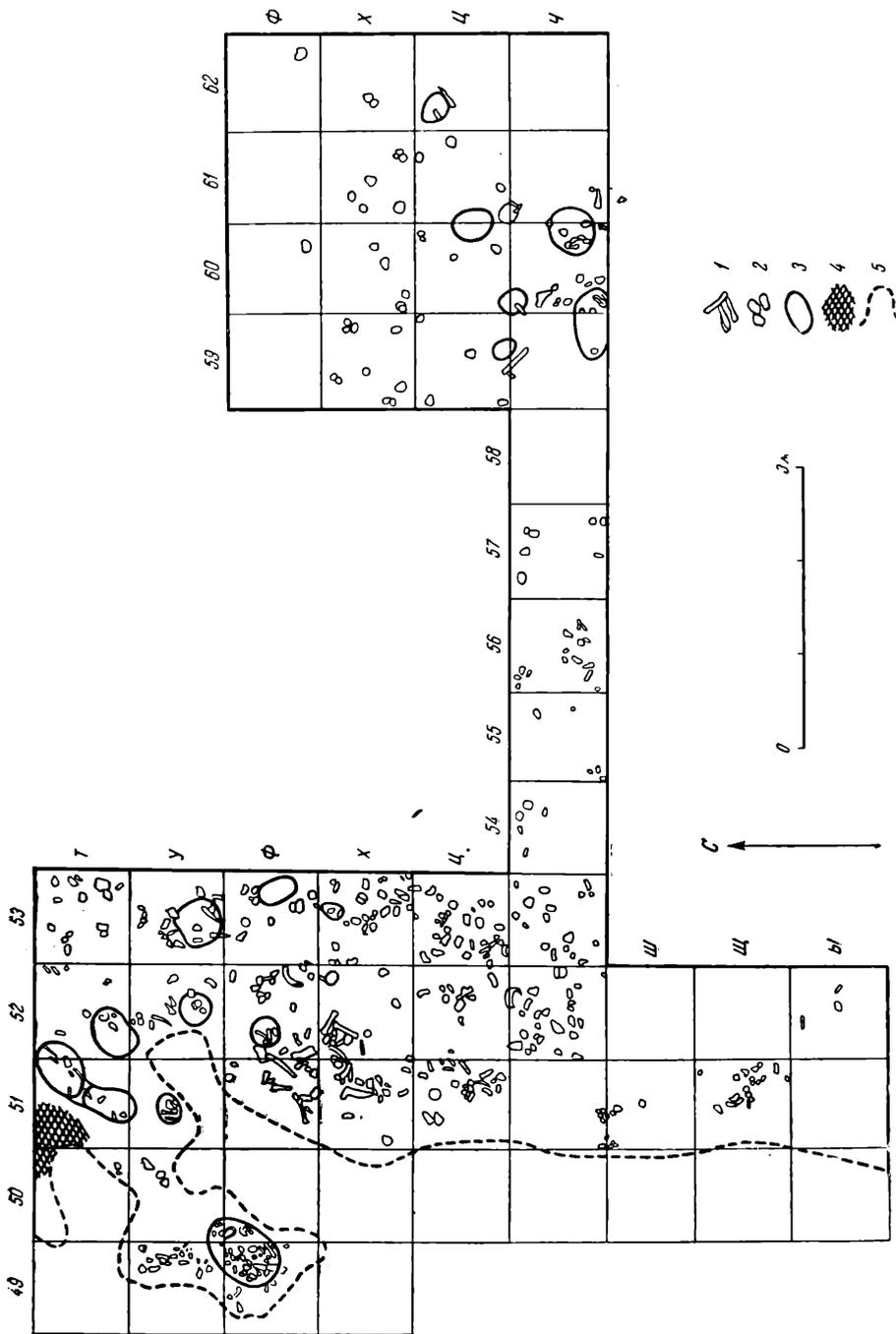

Рис. 12. Угланская палеолитическая стоянка (Костенки XVI). План культурного слоя.
 1 — кости животных; 2 — камни; 3 — ямы; 4 — скопление очажной массы; 5 — граница культурного слоя.

животных. Встречались целые и в обломках створки перловицы, иногда очень толстые (всего более двух десятков).

Хотя мощность культурного слоя и невелика, однако на значительной части раскопа, и прежде всего в северо-западной и восточной частях, установлены 2 горизонта находок. То же самое наблюдалось и в северо-западном шурфе. Верхний горизонт находок связан с линзами гумусированного суглинка, окрашенного охрой в коричнево-красный цвет; для него характерно наличие светлого прозрачного и желтого кремня, кварцита и очень небольшого количества остатков фауны. Нижний горизонт — более мощный. Он приурочен к сильно гумусированному суглинку, который в западинах основания культурного слоя местами образует скопления черной массы. Окрашенность охрой незначительна, лишь местами наблюдается мелкая крошка охры. Для нижнего горизонта характерны черный, слабо патинированный кремень (которого нет в верхнем), большое количество расколотых костей животных (в том числе и около 10 анатомических групп костей), многочисленные костные угли и отдельные углистые и зольные скопления.

Горизонты находок местами разделены прослойкой бурого лёссовидного суглинка мощностью 5—10 см, не содержащего находок и по своей структуре ничем не отличающегося от лёссовидного суглинка, лежащего над культурным слоем. Местами отмечено слияние обоих горизонтов в единый, особенно четко — в центральной части раскопа.

В пределах слоя установлены 2 скопления культурных остатков, но оба они вскрыты были не полностью и уходили в стенки раскопа в северном и северо-западном направлениях. Одно скопление находилось в западной части раскопа (в северо-восточной ее половине), а второе — в восточной, ближе к южному краю.

Западное скопление — более мощное и обширное — в основном совпадает с участком двухгоризонтального залегания культурного слоя. Для этого участка характерны наиболее интенсивная окрашенность в красный и розовый цвета, наибольшая насыщенность крошкой красной охры и наиболее интенсивная, местами особенно ярко выраженная гумусированность. Здесь культурный слой значительно мощнее, чем на других участках, и более насыщен расщепленным кремнем и кварцитом, обломками и осколками костей животных. На 1 кв. м приходится от нескольких десятков до 200 (и более) мелких осколков и обломков костей животных, до десятка определяемых костей, от нескольких десятков до 350 кремневых и кварцитовых отщепов, осколков и чешуек. В понижениях в северо-западной части западного скопления залегали линзы черной углистой и зольной массы мощностью 2—4 см. Границы их нечетки, края расплывчаты, особенно в направлении склона местности. В лункообразном понижении в северной части этого скопления (квадраты Т—50—51) обнаружена линза черной углистой массы, мощностью 3—5 см, округлых очертаний в плане, диаметром около 0,7 м (рис. 12). Она вскрыта не полностью, так как уходила в стенку раскопа. Ниже скопления, на глубину примерно 2 см, суглинок был темный, близкого к каштановому цвета; по-видимому, это обожженный под древнего очага. В заполнении очажной лунки и на юго-запад от нее собрано более 150 костных уголков и 3 десятка обожженных кремней. Участок культурного слоя, прилегающий к очагу, содержал наибольшее количество расщепленного кремня и кварцита.

Ниже основания культурного слоя, в полу западного скопления обнаружены небольшие западины, заполненные интенсивно гумусированным суглинком. Здесь же оказалось 10 небольших ямок с черным гумусом и негумусированным суглинком, содержавших те же, что и культурный слой, находки, но в незначительном количестве. Исключение составляет одна, небольшая, овальная в плане яма у западного края скопления, заполнение ко-

торой было чрезвычайно насыщено культурными остатками. Вырыта она была в слое плотного суглинка с меловой галькой. Длина ямы — 0,86 м, ширина — 0,5 м и наибольшая глубина от уровня пола — 0,43 м. Стены ее прямые, дно наклонно (к северо-востоку), и в этом конце яма была наиболее глубокой. В заполнении, у дна и стен, слоем в 5—6 см залежали черный, слабо окрашенный красной охрой гумус и гумусированный суглинок с редкой меловой крошкой и крошкой охры. Эта прослойка заполнения включала сплошное нагромождение костей животных, главным образом ребер лошади. Средняя часть заполнения состояла из бурого, слабо гумусированного суглинка с меловой крошкой. Костей животных здесь было сравнительно мало. В верхней части ямы встречено много костей и особенно их мелких осколков. Кости из ямы отличались от костных остатков культурного слоя лучшей сохранностью. Отмечено 5 анатомических групп, более полутора десятков костей в наклонном (почти вертикальном) положении, свыше 100 костных углей, кроме того, более 200 расщепленных кремней и кварцитов и несколько орудий. Здесь же находились обломок стержня из бивня мамонта с поперечными нарезками и обломанный рог оленя с уплощенным и заполированным концом.

Создается впечатление как бы преднамеренной выкладки дна и стен ямы костями, преимущественно ребрами (переломленными) и осколками трубчатых костей лошади. Вполне возможно, что эти кости, в которых, несомненно, чувствуется сортировка рукой человека, представляют собой обвалившееся перекрытие ямы. Возможно и то, и другое, т. е. и выкладка дна, и обвалившееся перекрытие ямы, тем более что основная масса костей залегают двумя ярусами. Судя по размерам и форме ямы, заполнению и характеру залегания костных остатков, а также по месту расположения (вблизи очага), можно считать эту яму хозяйственной, служившей у древнего человека для хранения запаса пищи.

Другие ямы были с такими же четкими контурами, глубина их — 0,2—0,4 м, диаметр — 0,3—0,6 м. В некоторых из них оказались небольшие подбои под западные стены, что вполне естественно при выкапывании углубления на склоне, хотя и не крутом. Несомненно, что эти ямы были вырыты древними обитателями стоянки.

Восточное скопление культурных остатков уступало западному по площади распространения и по насыщенности находками, но и тут отмечена ярко выраженная окрашенность красной охрой. Здесь обнаружено 7 неглубоких ямок округлой формы, вырытых в плотном суглинке, которые отличались от описанных выше лишь несколько меньшими размерами. В заполнении их было много расколотых камней, иногда крупных, которые часто встречались и вне ям, в культурном слое, но их не было в ямках западного скопления.

Деление на два горизонта находок отмечено лишь на квадратах X—59, Ч—59. Кремь здесь был и желтого цвета, и темный, а также с характерной голубоватой патиной, который не встречался в первом скоплении.

К югу от западного скопления и к северо-востоку от восточного встречались лишь отдельные находки. Оба скопления похожи друг на друга, но вместе с тем, между ними есть некоторые различия. Поэтому сейчас еще нельзя с полной уверенностью говорить об их единстве или, наоборот, обособленности, поскольку и сами скопления не вскрыты целиком, и участок культурного слоя между ними остался неисследованным. Однако наиболее вероятно считать оба скопления единым комплексом культурного слоя.

Сравнительно четкие границы скоплений культурных остатков, присутствие костных углей и жжёных кремней, угольных и зольных пятен, а в одном случае и остатков очага, преднамеренно вырытые в полу небольшие ямки, яркая окрашенность красной охрой, насыщенность мелкими и мельчайшими осколками костей, обилие расщепленного кремня и кварцита,

в том числе и орудий, а также и обработанной кости — все это позволяет с некоторым основанием видеть в обнаруженных скоплениях остатки долговременных жилищ. Трудно сказать что-либо об их размерах и форме, так как значительная часть культурного слоя осталась нескрытой, и слой частично поврежден.

Интересно открытие в западном скоплении 2 горизонтов, имеющих различный состав находок. Очевидно, они одновременны; следует предполагать, что на месте старого обитания, спустя некоторое время, вновь поселился человек, и с этим вторичным его пребыванием, видимо, связан верхний горизонт находок.

Несмотря на сравнительно небольшую исследованную площадь, собранная на Углянской стоянке коллекция вполне достаточна для характеристики памятника в целом. Она насчитывает более 4,5 тыс. экземпляров расщепленного кремня, кварцита и других пород камня. Среди них есть и высококачественный меловой кремень (светлый, черный со слабой патиной, с голубоватой патиной) и цветной валунный, и кремнистые породы низкого качества, кварцит нескольких видов, а также другие породы. Кремень составляет основную массу — более двух третей всей коллекции, кварцит — около четверти и другие породы — одну седьмую. Следует отметить, что жженный кремень (более 3%) был сосредоточен в основном у очага и в средней части раскопа.

Из находок 80% — отщепы и мелкие чешуйки. Орудий и их обломков — 182, из них 135 — кремневые (около 75%), 45 — кварцитовые (25%) и лишь 2 экземпляра — из других пород. Орудия и их обломки в целом составляют 3,8% от всего расщепленного камня. В общих чертах коллекция Углянской стоянки не представляет собой что-то единое ни по материалу, ни по типу орудий, ни по общности технических приемов, но вместе с тем выделяются определенные группы орудий. Характерная черта стоянки — это находка целой серии орудий из светлого кварцита хорошего качества.

Ярко выделяется многочисленная, дающая общий облик инвентарю стоянки, группа долотовидных орудий с подтеской концов (35 экземпляров). Эти орудия изготовлены из пластинок и отщепов, иногда очень массивных, и из нуклевидных осколков (в основном — из мелового кремня и немного меньше — из цветного кремня и кварцита). Размеры долотовидных орудий различны: высота — 2—4 см, ширина — 2—6 см (рис. 13).

Вторую, не менее многочисленную группу орудий составляют скребки (27 экземпляров), изготовленные из обломков пластинок, иногда очень узких, и из массивных отщепов и обломков. Лезвия некоторых скребков оживлены подтеской; у части орудий — резовые сколы на противоположном конце (скребки-резы). Есть скребки высокой формы, ретушь в основном крутая. Длина скребков — 3—6,5 см, ширина — 1—3,5 см. Отдельные экземпляры очень крупные грубо оформлены. Немногим меньше половины скребков изготовлено из светлого кварцита хорошего качества (рис. 14).

Резцов сравнительно мало (13 экземпляров), изготовлены они в основном из массивных кремневых отщепов, меньше — из обломков пластинок и совсем мало — из кварцита (срединные, боковые, двойные боковые и угловые). Срединные резцы — со слабо выраженным лезвием и лишь у нижней плоскости (у брюшка). У некоторых орудий на противоположном конце заметна ретушь (рис. 15). Отщепов с резовыми сколами — всего 12 экземпляров.

Есть в коллекции 2 проколки, кварцитовая и кремневая (рис. 15—5, 6). У первой четко выражены плечики и острый рабочий конец, оформленный очень крутой, занозистой ретушью; противоположный конец подправлен подтеской.

Кроме того, встречены кремневые и кварцитовые пластинки (рис. 15—7, 9, 10, 12), обломки и сечения пластинок с ретушью и следами употребления

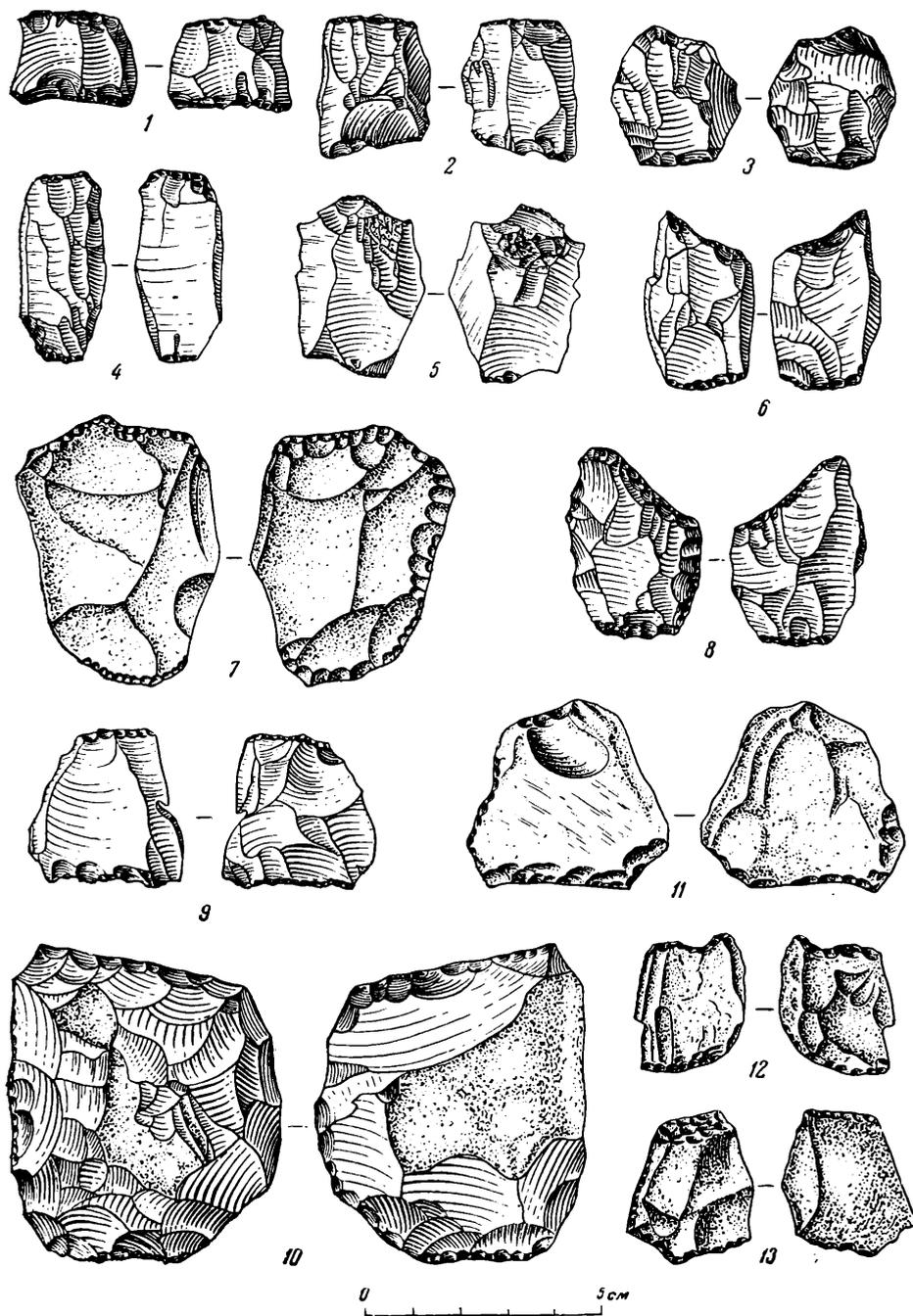

Рис. 13. Углинская стоянка. Долотовидные орудия с подтеской концом
 1—6, 8—10 — кремневые; 7, 11—13 — кварцитовые.

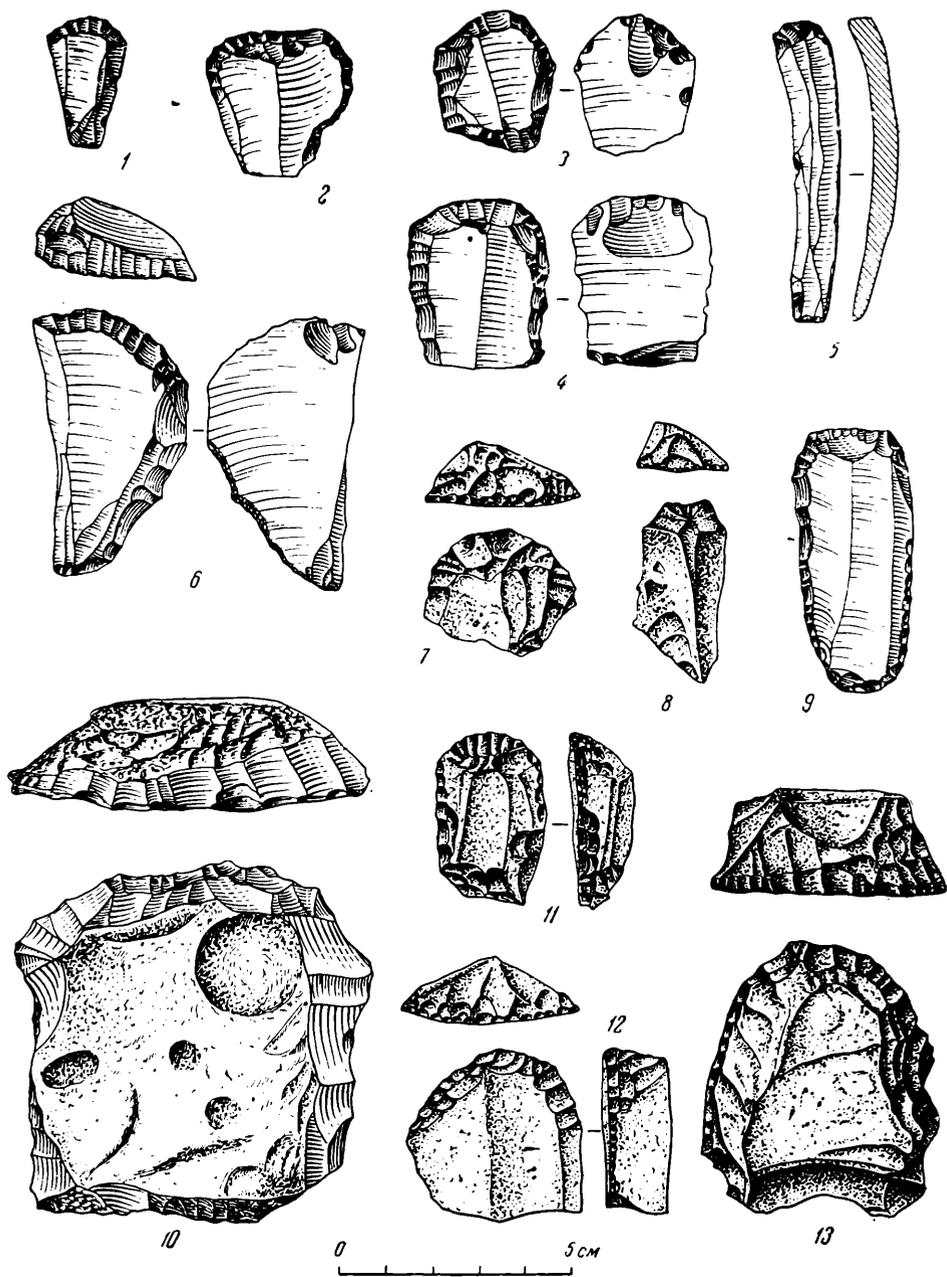

Рис. 14. Углинская стоянка. Скрепки.
 1—6, 9, 10 — кремневые; 7, 8, 11—13 — кварцевые.

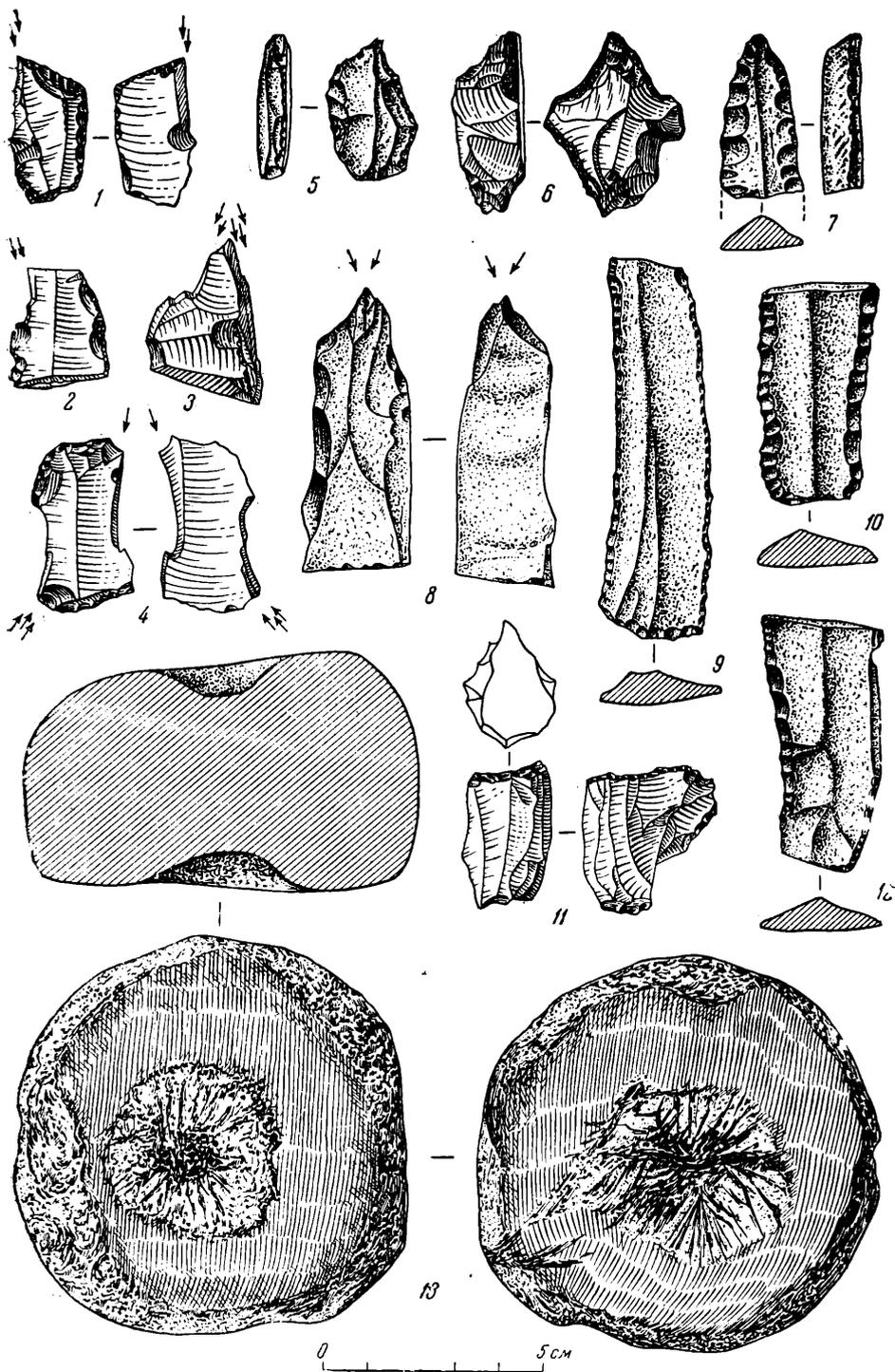

Рис. 15. Углинская стоянка. Кремневые и кварцевые орудия.

1-4 — резцы кремневые; 5 — проколка кварцевая; 6 — проколка кремневая; 7, 9, 10, 12 — пластинки кварцевые с ретушью; 8 — резец кварцевый; 11 — ядрище кремневое; 13 — терочник из кварцевой гальки.

(30 экземпляров), отщепы и осколки с ретушью (25 экземпляров), крупные отщепы с ретушью по краю, напоминающие скребловидные орудия. ядрища из мелового и валунного кремня и из кварцита, в том числе и вторичные ядрища из крупных отщепов (всего около 10 экземпляров; рис. 15—11).

В углянской коллекции есть и очень крупные орудия, в большинстве кварцитовые. Это терочник из крупной кварцитовой гальки округлой формы (диаметр — 9,5 см, высота — 5,5 см), со сглаженными противоположными плоскостями и выдолбленными углублениями в центре (рис. 15—13); пест из осколка кварцита призматической формы; кварцитовые пест-терочник из очень крупной гальки (11×9,5×8 см) и другой — из осколка гальки; пест-отбойник из крупной плоской подтреугольной гальки (8×8×3,5 см). Эта группа орудий напоминает песты-терочники, представленные большой серией в круглых жилищах верхнего горизонта Костенок IV². На Углянской стоянке собраны и обломки плит (3 экземпляра), более крупный из них — 13×7×2,5 см, и небольшой валун (13×9×9 см) с уплощенными поверхностями, на одной из которых видны следы ударов (он использовался, видимо, как подставка).

На всей вскрытой площади культурного слоя найдено свыше 4,5 тыс. обломков и осколков костей, в основном — мелких; на отдельных участках (северо-западная и восточная части раскопа) насыщенность слоя костью достигает 300 экземпляров на 1 кв. м, а на участке большой ямы — 1300 экземпляров. Из определимого остеологического материала большая часть принадлежит лошади, значительно меньше — волку; далее — мамонт (главным образом, в зачистке погребя), песец, олень и заяц (определение предварительное).

В культурном слое собрано около 300 кусочков костного угля, который концентрируется в северо-западной и восточной частях раскопа; особенно много его в большой яме.

Костяные орудия, а также обработанные кость и рог на Углянской стоянке представлены в очень небольшом количестве: 2 шила, обломок оленьего рога с уплощенным и заполированным концом (возможно, это землекопное орудие); небольшой обломок сделанного из бивня мамонта стержня, подчетырёхугольно-овального в сечении, с поперечными нарезками, 2 отрезанных метаподия лошади с четким поперечно-кольцевым надрезом.

Значительное количество собранных кварцитовых орудий стоянки позволяет сравнивать ее с III слоем Тельманской стоянки и II слоем Маркиной Горы. Наиболее выразительная группа долотовидных орудий с подтеской концов (в том числе и кварцитовых) дает основание сравнивать Углянскую стоянку с верхним слоем Костенок XVII, где также известны кварцитовые долотовидные орудия с подтеской концов (раскопки П. И. Борисковского 1953 и 1955 гг.). Обломок стержня из бивня мамонта подобен стержням из третьих слоев Тельманской стоянки и Маркиной Горы. На Тельманской стоянке стержни из бивня — круглые и в сечении, но есть и овальные (раскопки А. Н. Рогачева, 1949 и 1950 гг.).

В культурном слое Углянской стоянки отмечено большое количество расколотого камня; много его и в III слое Маркиной Горы.

Как и на Углянской стоянке, в III слое Маркиной Горы встречается сравнительно в небольшом количестве черный, слабо патинированный кремень³.

² А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, 1955, стр. 68—72.

³ А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора). СЭ, 1955, № 1, стр. 34.

Угльская стоянка имеет много общего также с IV культурным слоем Аносовки II (раскопки А. Н. Рогачева 1956 г.), где обнаружен разнообразный кремневый и кварцитовый инвентарь (в том числе и долотовидные орудия с подтеской концов), встречены обломки костей (в основном — лошади) и створок перловицы.

Сходство инвентаря, а также условий залегания культурного слоя с III слоем Тельманской стоянки и Маркиной Горы, с верхним слоем Костенок XVII и с IV слоем Аносовки II (культурные слои, связанные с верхним горизонтом погребенных почв лёссовидной толщи 2-й надпойменной террасы) позволяет отнести Угльскую стоянку, как и все эти памятники, к средней поре эпохи верхнего палеолита.

Р. В. ЧУБАРОВА

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НОГЛИКИ I (ДАЛЬНИЙ ВОСТОК)

Летом 1957 г. Сахалинский отряд Дальневосточной экспедиции раскопал 2 землянки на большом древнем поселении Ноглики I, найденном и предварительно исследованном тем же отрядом в 1956 г.

Стоянка Ноглики I находится в 0,5 км южнее с. Ноглики, центра Восточно-Сахалинского района Сахалинской области. Само село располагается на берегу р. Тыми, недалеко от впадения ее в Охотское море. Стоянка занимает выступающий мыс террасы, образованной речкой Ноглики у впадения ее в р. Тымь. Терраса довольно высокая (18 м) и крутая, сложенная постплиоценовыми глинистыми и песчанистыми породами.

Вся поверхность стоянки, поросшая лиственницей и кустарником, покрыта неглубокими ямами почти круглой формы. Всего здесь — более 20 ям. Как выяснилось при прокладке разведочных траншей в 1956 г., это следы древних землянок. В 1957 г. две из них были раскопаны.

В данной статье описывается землянка, частично исследованная в 1956 г. На поверхности углубления был заложен раскоп общей площадью 104 кв. м. Культурный слой выбирался по горизонтам, по возможности параллельно на каждом участке в 4 кв. м, причем оставались продольные и поперечные бровки. Это дало возможность проследить конфигурацию стенок и пола землянки и получить продольные и поперечные профили. Для более точной фиксации находок вся толща культурного слоя была разделена на три условных горизонта. Землянка оказалась глубокой и стратиграфия залегания четкой. Удалось установить, что первый и частично второй от поверхности горизонты представляли собой культурный слой стоянки и лишь частью — заполнение землянки; только третий горизонт составлял непосредственно дно землянки. Сверху прослеживался тонкий (5—14 см) мелкоструктурный песчаный дерновый слой, пронизанный корнями. Ниже следовал культурный слой, тоже мелкоструктурный, ярко-желтого цвета, песчаный, с небольшой примесью гравия и глины, с углистыми черными и белесыми песчанистыми прослойками. Подстилал его плотный ярко-желтый песок с горизонтальными прослойками светло-коричневой глины.

Когда был снят первый и зачищен второй горизонт, на уровне 0,48—0,6 м от поверхности определились очертания землянки. После поквадратной выемки культурного слоя, — с постоянной фиксацией профилей квадрата, где разницу слоев можно было определить резче и четче, — получилась довольно полная картина жилища — со стенами, полом и возвышениями над ним. Землянка была правильной круглой формы (диаметр — 8 м); стены — прямые, вертикальные; пол определялся хорошо — это слой очень плотной глины, под которым сразу залегал подстилающий песок. Глубина пола от

современной дневной поверхности — 1,25—1,3 м. В центре его открыт очаг, поврежденный траншеями 1956 г. Судя по очертаниям сохранившейся части, он, видимо, был круглым. Приблизительный диаметр его — 1,25—1,3 м. Основание располагалось на уровне пола. Очаг был заполнен пережженным песком красного цвета (слой — 15—25 см).

У стен землянки находилось ровное возвышение над полом. В левой половине оно было в виде уступа или ниши, так как здесь оно довольно узкое (0,3—0,75 м) и выдавалось на 0,4—0,45 м. Как увидим ниже, эти уступы имели специальное назначение (на них обнаружена основная масса сосудов). В правой стороне землянки возвышение (той же относительно высоты) расширялось до 1,5—2 м и приобретало характер лежанки. Оно очень ровное и плоское. Стены вертикально возвышались над уступом на 0,6—0,7 м. Вход в землянку, видимо, был один — на юг. Об этом свидетельствует ровная полоса культурного слоя (участка 3—4), где выход отчетливо выражен, но он неглубокий, быстро срывается. Главный выход шел, очевидно, через крышу. Трудно говорить о характере перекрытия. Правда, найдены три несимметрично расположенные ямки диаметром 20—25 см и глубиной 18—30 см; но нет основания утверждать, что это были ямки для столбов. Тогда остается предположить, что перекрытие опиралось на наклонный каркас, оставленный прямо на поверхности.

В пределах раскопа найден второй очаг (участок г — д/5), который располагался на уровне, где определились очертания землянки. Он был четырехугольный, ромбической формы; размеры его — 0,86 × 0,93 м. Мощность заполнения — 0,3—0,35 м.

Культурный слой землянки богат находками — керамическими изделиями и каменными орудиями, целыми и обломками. Костяных орудий не найдено. В распределении находок по слоям наблюдалась некоторая закономерность. Так, керамических изделий очень мало встречено в заполнении землянки, т. е. в I и II горизонтах. Основная их масса находилась на дне землянки, часто на уступах и в нишах, главным образом, — в левой от входа половине. Здесь же найдена большая часть каменных ножей. Можно поэтому считать, что левая половина землянки предназначалась для кухонных нужд. Остальные каменные орудия (основная их масса) обнаружены в заполнении землянки, в верхних (главным образом, — во втором) горизонтах. Обращает на себя внимание квадрат (г/1), на котором частью располагался упомянутый выше четырехугольный очаг. В пределах квадрата, в очаге и около него, на различной глубине найдено очень много каменных орудий, причем они сосредоточивались группами по 5—7 предметов. Это своеобразная кладовая готовых каменных орудий.

Керамические и каменные изделия одинаковы для всей толщи культурного слоя. Поэтому ниже мы будем описывать собранный инвентарь по категориям и типам, указывая в нужных случаях лишь местонахождение.

Керамика представлена множеством обломков сосудов (рис. 16), из которых несколько реставрировано почти полностью; о других же можно составить довольно точное представление по частям стенок, венчиков и доннышек, которые удалось склеить. Большинство сосудов сделано из хорошо промешанной и тонко отмученной глины, не содержащей видимых примесей; лишь в очень немногих наблюдается незначительная примесь песка и мелкого гравия. Обычные сосуды довольно хорошо обожжены; цвет их колеблется от кирпичного (обычно с темными подпалинами) до темно-серого, почти черного (тоже вследствие законченности). Ни лощения, ни заглаживания на поверхностях не заметно.

По форме сосуды не очень разнообразны. Все они плоскодонные. Большинство, видимо, было горшковидной формы, с чуть отогнутыми венчиками, очень различными в деталях. Обычно венчики близки налепным, хотя типичных налепных на стоянке нет. Это или широкий отогнутый венчик, с

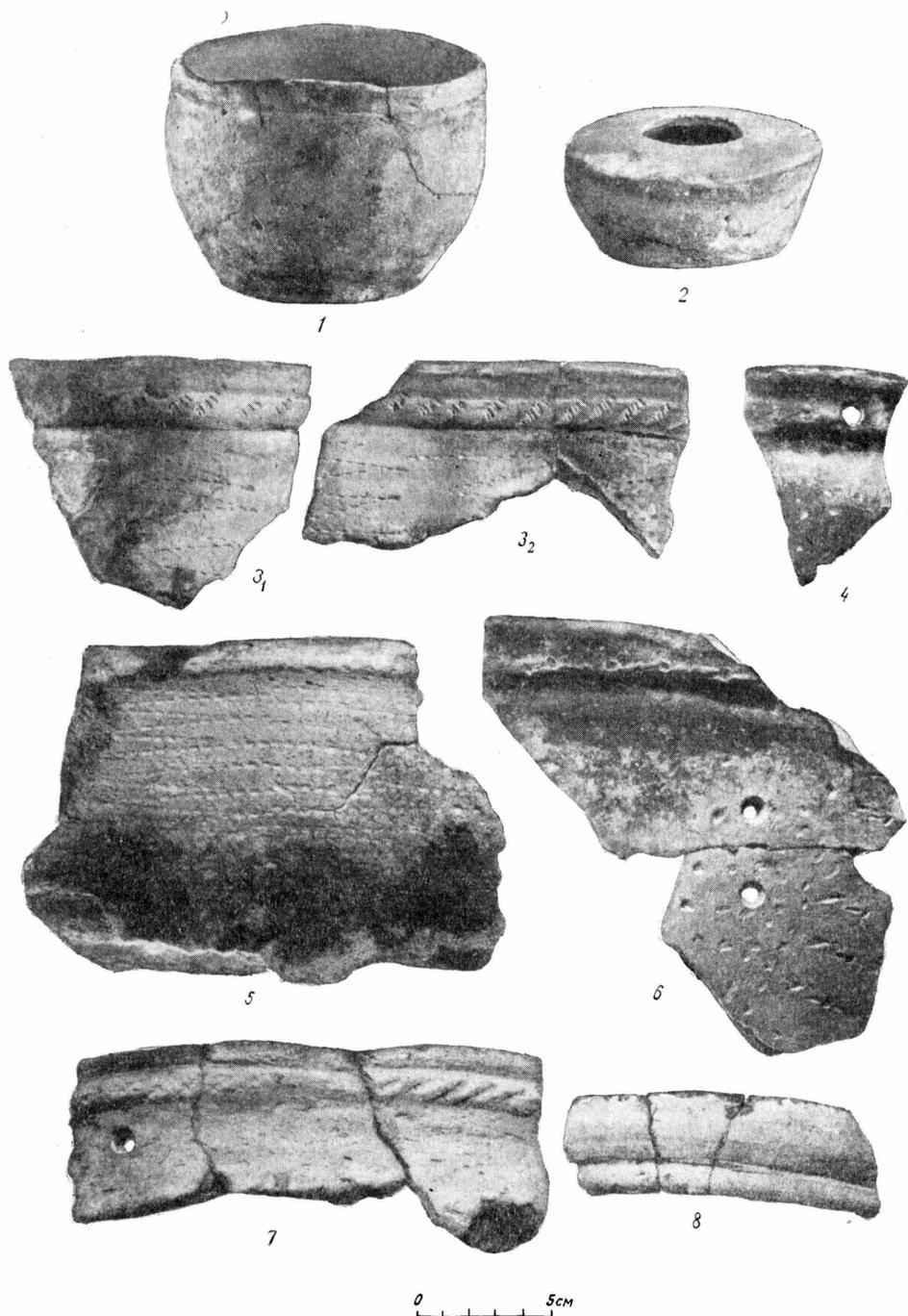

Рис. 16. Стоянка Ноглики I. Керамика.

1 — сосуд баночной формы; 2 — чашка (светильник); 3—8 — образцы орнамента и венчиков.

двумя чуть углубленными полосами, проходящими по середине и нижнему краю (что создает впечатление расширенности нижней части), или тоже отогнутый венчик с двумя узкими заглаженными полосками, которые идут по верхнему краю и середине, или венчик с заглаженной накладной полоской по нижнему краю, или, наконец, с такими же заглаженными тремя-четырьмя накладными горизонтальными полосками. Такого рода сосуды, пожалуй, самые крупные на стоянке. Диаметр верхнего края их достигает 34 см, диаметр дна — 14,5 см. Но такие сосуды и здесь редки; чаще всего встречаются средние по размерам — с диаметром верхнего края, равным 16—18 см, и высотой 10—12 см.

Довольно часты сосуды простой баночной формы, с прямыми или чуть расширяющимися вверх стенками и ровными венчиками (рис. 16—1). Иногда у подобных сосудов венчик ограничен снизу узкой заглаженной налипной полоской; в некоторых случаях он едва заметно отогнут. Размеры таких сосудов обычно малы. Реставрированный нами сосуд (диаметр верхнего края — 9 см, дна — 6,4 см, высота — 7,5 см) — один из самых крупных сосудов этого типа.

Интересна форма небольшой (диаметр верхнего края — 8 см, дна — 6 см, высота — 3 см) чашечки, возможно, служившей светильником: она плоскдонная, с ровно расширяющимися вверх низкими стенками; на верхней поверхности сделано небольшое (диаметр — 3,3 см) круглое отверстие (рис. 16—2).

Орнаментировка сосудов проста и однообразна. Большинство посуды баночной формы — без орнамента; у многих других он сводится к полосе коротких наклонных оттисков гребенчатого штампа, нанесенной по внешнему краю венчика. И лишь у очень немногих сосудов орнамент украшает стенки.

Превалирует один орнаментальный прием — гребенчатый штамп. Правда, оттиски его различны. Это или уже упомянутые короткие наклонные оттиски (изредка они перекрещиваются, и получается полоса «гребенчатой плетенки»), которые бывают довольно грубыми и широкими, но чаще тонкими и неглубокими, или один из двух обычных узоров, украшающих стенки сосудов с этой стоянки. Наиболее распространен вертикальный гребенчатый зигзаг. Обычно он довольно редкий, т. е. размашистый, и выполнен неглубокими оттисками тонкого штампа. Этот мотив очень интересен, так как он сам по себе редкий и, кроме того, связывает керамику этого древнего северосахалинского поселения с керамикой неолитических поселений Нижнего Амура. Второй мотив, в сущности, очень близок описанному, хотя с первого взгляда и отличается от него. Это объясняется тем, что здесь части зигзагов сближены между собой, и орнаментальное поле оказывается в гораздо большей мере заполненным гребенчатым оттиском. Чрезвычайно редок резной орнамент, лишь на одном сосуде (в верхней его части) он образует полосу перекрещивающихся в виде сетки резных насечек; на другом сосуде он имеет вид беспорядочных коротких наклонных насечек и почти круглых оттисков, образованных прикосновением палочки, которой, видимо, делались и резные узоры. Орнаментальным мотивом, вероятно, являются также и ранее упомянутые сглаженные налипные полоски.

Сосуды все очень тонкостенные (3—4 мм); поэтому, а также из-за хрупкости глиняного теста, очень многие из них не удалось собрать.

В культурном слое раскопа II найдены шлифованные сланцевые топоры, долота, стамески, сделанные тщательной ретушью, кремневые ножи, наконечники стрел и копий, нуклеусы, скребки (рис. 17). Материалом для них служили темно-вишневый, голубоватый и светлый, почти белый, кремнь, кремнистые сланцы разных цветов — от светло-серого, светлого зеленоватого до темно-серого. О распределении их по горизонтам культурного слоя говорилось выше. Можно подтвердить это цифровыми данными. Так, в I

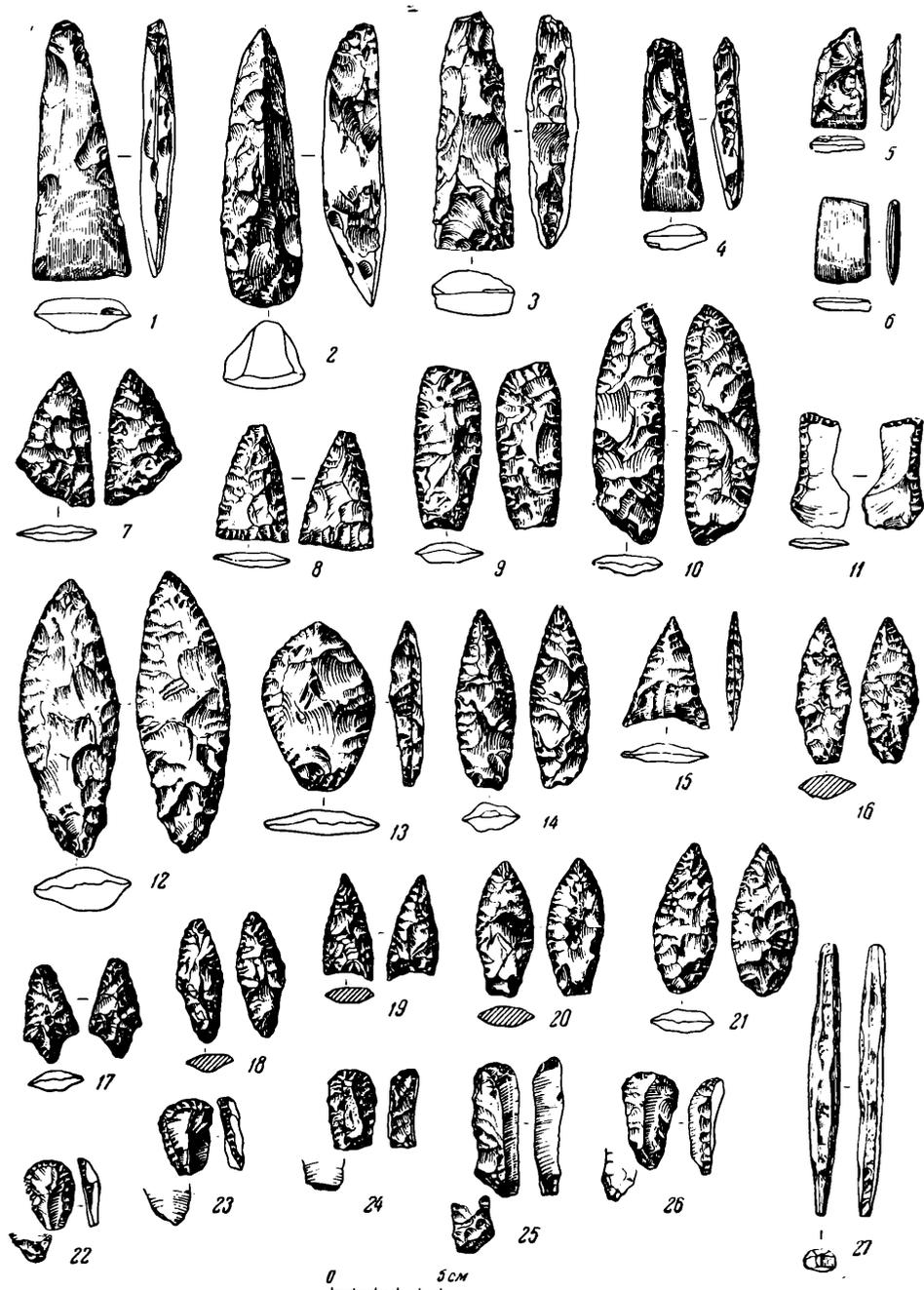

Рис. 17. Стоянка Ноглики I. Каменные орудия (1—27).

горизонте найдено 7 топоров и долот, 5 ножей, 7 наконечников копий, 5 наконечников стрел, 2 скребка; во II горизонте — 16 топоров и долот, 14 ножей, 4 наконечника копий, 9 наконечников стрел, 8 скребков и в III горизонте — 8 топоров и долот, 22 ножа, 1 наконечник копья, 4 наконечника стрел и 2 скребка.

Топоров, т. е. рубящих орудий с симметричным профилем, встречено немного — 6 экземпляров. Все они сделаны из кремнистого сланца разных цветов. Четыре топора — удлиненных очертаний, к рабочему краю они рас-

ширяются; обухок довольно узкий, боковые грани сделаны грубыми сколами. В поперечном сечении топоры имеют форму неправильного овала, в одном случае — неправильной трапеции. Только два из них зашлифованы по широким плоскостям. Размеры различны: у меньшего длина — 7,5 см, у самого большого, при сильно обитом рабочем крае, — 14 см. Пятый топор сбит у обухка. Видимо, он был трапециевидным, в поперечном сечении — неправильно-четырёхугольным. Все грани его хорошо отшлифованы. Шестой топор близок по форме долоту. Он очень плоский, удлинённый, острообушной, расширяющийся к рабочему краю, овальный в поперечном сечении. Орудие довольно крупное (длина — 12,3 см), по всей поверхности хорошо отшлифованное.

Долота гораздо более многочисленны и разнообразны по форме. Большинство из них тоже сделано из кремнистого сланца, и лишь одно маленькое долотце — из темно-серого кремня. Почти половина этих орудий — удлинённых очертаний, с чуть суживающимся обухком, неправильно-четырёхугольные или трапециевидные в поперечном сечении; средняя длина их 9,5—11,2 см. На поверхности видны крупные сколы, но чаще всего широкие поверхности зашлифованы. Очень интересно упомянутое долотце из темно-серого кремня; оно с очень четкими гранями и прекрасно зашлифовано.

Два долота из темно-серого кремнистого сланца — удлинённо-овальные, с почти ровным плоским брюшком и сильно выгнутой спинкой, так что в поперечном сечении получается полуовал, близкий к треугольнику. Рабочие края у обоих орудий сбиты; видимо, они употреблялись и как топоры. Широкие поверхности зашлифованы. Размеры их тоже средние: диаметр дниц — 13 и 14,8 см. Два других долота в общих чертах сходны с описанными, но они меньше по размерам (длина — 9,5 см), сделаны грубыми сколами и почти не зашлифованы.

Стамесок к землянке найдено мало — всего две. Они очень мелкие (длина — 4 и 4,5 см); одна — подпрямоугольных очертаний, с чуть округлым рабочим краем, плоско-прямоугольная в сечении, зашлифованная по всей поверхности; другая — из хрупкого песчаника, подтрапециевидных (но с острым обухком) очертаний, по поверхности вся сколота, и лишь рабочий край зашлифован.

Среди каменного инвентаря из землянки привлекают внимание загадочные орудия, которые, могли быть какими-то специализированными долотами. Они длинные (иногда — до 14—17 см), узкие (ширина — 0,9—1,2 см), в сечении имеют чаще всего неправильный многогранник, к концам уплощаются и заостряются. Рабочие концы в большинстве сбиты. Очень интересно, что такие орудия часто встречаются на стоянках Нижнего Амура.

Все ножи, за исключением двух, сделаны из темно-малинового кремня. Форма их разнообразна. Если принять во внимание многочисленные обломки, то можно сказать, что наиболее распространены были ножи узкие, удлинённых очертаний, с заостренным рабочим краем и тупым противоположным. Обычно они тонкие и сделаны точной, тщательной ретушью. Самый большой из целых таких экземпляров достигает в длину 11 см и в ширину — 3 см. У некоторых ножей, сделанных на пластинах, очень аккуратно обработан рабочий край, имеющий обычно вогнутые формы, так что весь нож похож на эскимосский — типа «улу». У нас таких ножей мало. Другие — с широким листовидным лезвием и суживающейся затупленной широкой рукоятью. Есть нож треугольный, где лезвием служили, видимо, и острие, сейчас обломанное, и основание, тщательно отретушированное. У другого подобного ножа основание сломалось, но было наискось заточено снова. Интересен нож, сделанный из голубоватого кремня; лезвие его овальное, заточенное, — впрочем, лишь по длинным боковым сторонам; рукоятка узкая. Наконец, из светло-серого кремня сделан совсем оригинальный нож: это тонкая пластинка, по самому краю заточенная ретушью с обеих сторон.

Наконечников копий очень много. Все они (кроме одного — из зелено-голубоватого кремня) изготовлены из кремня темно-вишневого цвета. Длина их — 6—8,5 см. Лишь одно копьё выделяется размерами: его длина — 13 см. По форме все наконечники довольно однообразны. Это или листовидные, с тонким острием и грубо обработанным противоположным концом (таков и упомянутый большой наконечник), или с листовидным лезвием и слабо намечающейся широкой прямой рукояткой. Наконечники стрел более разнообразны и по форме (есть с листовидным лезвием и суживающимся черенком, листовидные с овальной пяткой, треугольные с выемкой в основании, с треугольным лезвием и суживающимся черенком), и по материалу, из которого они сделаны. Кроме темно-вишневого, употреблялся белый, голубоватый и темно-серый кремень.

Скребок найдено также очень много. Они делятся на 2 типа — скребки с крутой ретушью рабочего края, которые обычно сделаны из отщепов и имеют удлиненные очертания с округлым рабочим краем, и скребки овально-округлые с плоской ретушью рабочего края; их гораздо меньше. Интересен только один скребок из длинной (10 см) и узкой трехгранной пластины светлого кремня, причем вся пластина обработана грубыми сколами, а очень узкий округленный рабочий край — тонкой крутой ретушью.

Нуклеус в землянке встречен только один — из темно-вишневого кремня, небольшой (длина — 8 см), неправильной формы — длинный, узкий; следы сколотых пластинок видны с одной стороны, причем пластины отбивались ударами, нанесенными не по вертикальной оси орудия, а наискось. Проколка найдена тоже одна. Видимо, она сделана из наконечника стрелы; в основании у нее — выемка, лезвие же было обломано с одной стороны; потом его заточили с обеих сторон, и получилось острие типа проколки. В раскопе обнаружено также несколько ножевидных пластинок темно-вишневого и серого кремня. Некоторые из них по боковым сторонам довольно небрежно отретушированы.

Каменный и керамический инвентарь землянки свидетельствует о неолитическом облике культуры ее обитателей. Такого рода землянка исследовалась на севере Сахалина впервые. Более детальное изучение самого типа землянки и найденных в ней керамических изделий и каменных орудий поможет полнее восстановить уровень культуры и хозяйства обитателей севера острова, а также, может быть, позволит наметить некоторые вехи в выяснении трудного вопроса — об этнической принадлежности и происхождении древнейшего населения.

И. К. СВЕШНИКОВ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ
У СЕЛА ЗДОЛБИЦА (УССР)

В 1955 г. во время земляных работ у с. Здолбица, Здолбуновского района, Ровенской области, было случайно открыто погребение в каменной гробнице. находка обнаружена на территории колхозного двора во время сооружения силосных ям. Вещи, найденные возле костей погребенного (медное височное кольцо и лепной сосуд), были сданы в Ровенский краеведческий музей, а затем переданы Львовскому историческому музею. В 1955 г. место находки осмотрел Ю. В. Кухаренко¹; в 1957 и 1958 гг. оно было проверено раскопками Ровенской археологической экспедиции Львовского исторического музея², в результате чего дополнительно исследовано обнаруженное в 1955 г. погребение (№ 2) и вскрыты еще 4 захоронения.

Могильник у с. Здолбица располагался на небольшом плато невысокой возвышенности, плавно понижающейся к западу в направлении заболоченной низменности, где был водоем ныне совершенно заросшего древнего озера. В восточном, северо-восточном и северном направлениях от места находки 1955 г. были заложены два небольших раскопа и два шурфа, не давших никаких результатов. Третьим раскопом (общей площадью 74,5 кв. м) исследовано само место погребения, а недалеко от него к юго-западу обнаружено основное захоронение могильника (№ 1).

Погр е б е н и е № 1 (рис. 18—1). На глубине 0,75 м от современной поверхности вскрыта прямоугольная гробница размером 1×1,4 м, ориентированная длинной осью по линии восток — запад. Стены гробницы, высотой 0,5—0,7 м и толщиной до 0,3 м, были сложены из необработанных кусков камня среднего размера (10×15 см, 20×30 см). На дне гробницы лежало несколько крупных плоских камней, не покрывавших, однако, всего дна. Небольшие плоские куски камня составляли обвалившееся внутрь перекрытие гробницы. На дне обнаружен костяк мужчины в возрасте 40—45 лет³, лежавший на правом боку в скорченном положении и ориентированный головой на запад. Сохранность костей плохая: уцелели только обломки черепа, нижней челюсти, ребер, таза и кости конечностей.

Возле левой плечевой кости лежал каменный сверленный топор с короткой обушной частью, равномерно расширяющимся лезвием, круглой, слегка конически суживающейся кверху сверлиной (рис. 19—1); поверхность

¹ Ю. В. Кухаренко. Из материалов разведок на Воляни. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 85—87.

² В экспедиции принимали участие И. К. Свешников (руководитель работ), Г. М. Власова (научный сотрудник), В. Т. Любочко (топограф).

³ За определение костных остатков из могильника у с. Здолбица приношу благодарность старшему научному сотруднику Музея антропологии МГУ Т. С. Кондукторовой.

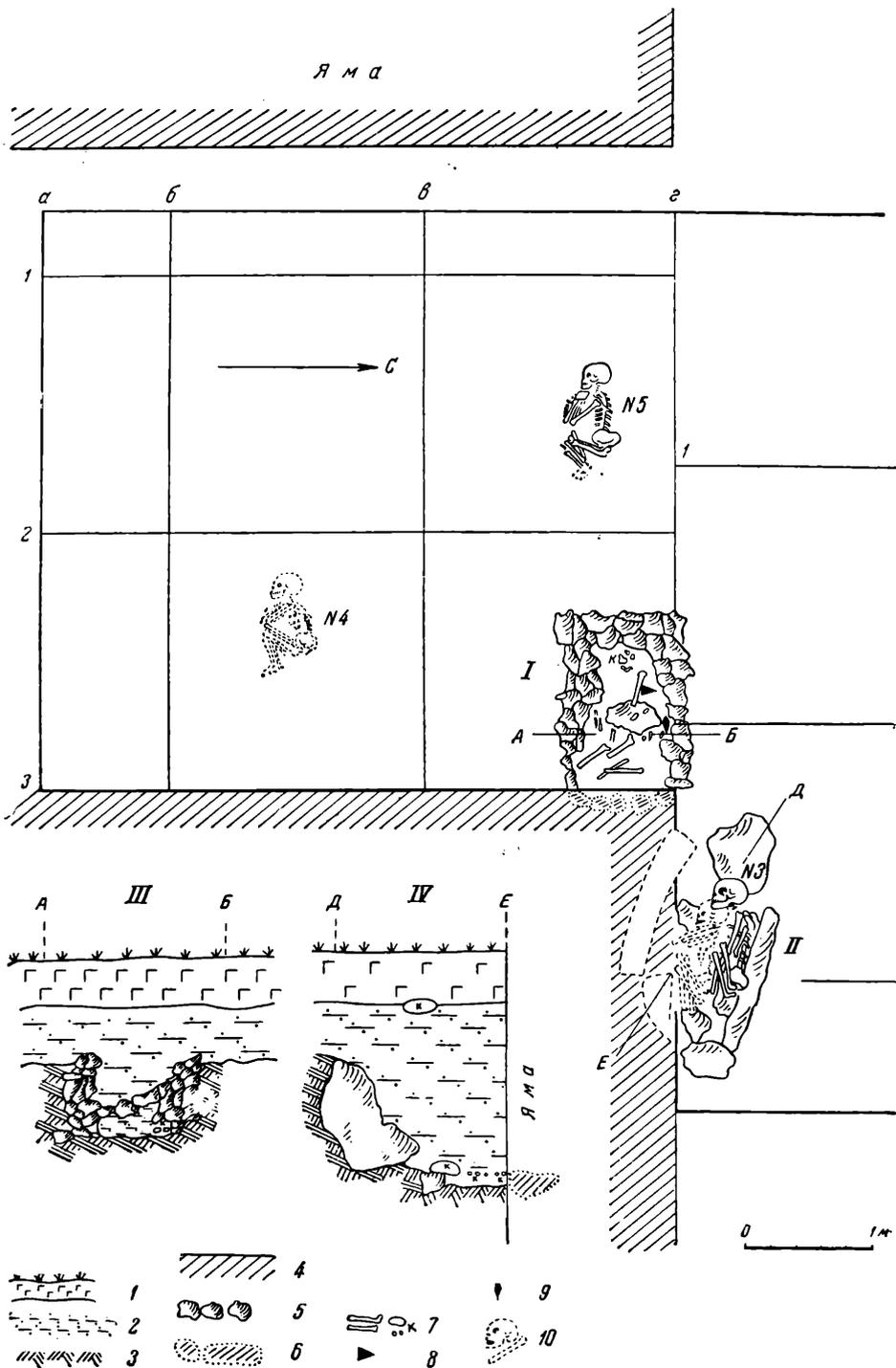

Рис. 18. Эдолбца, 1957—1958 гг. План могильника и вертикальные разрезы гробниц № 1 и 2.

I — граница погребения № 1; *II* — граница погребения № 2; *III* — разрез границы погребения № 1 по линии *A* — *B*; *IV* — разрез границы погребения № 2 по линии *D* — *E*; № 3 — № 5 — погребения № 3—5.

1 — верхний черноземный слой; 2 — суглинок; 3 — материк; 4 — края слосных ям; 5 — камни; 6 — предположительное положение смещенных камней; 7 — кости погребенных; 8 — каменный топор; 9 — кремневый книжал; 10 — предположительное положение смещенных костей.

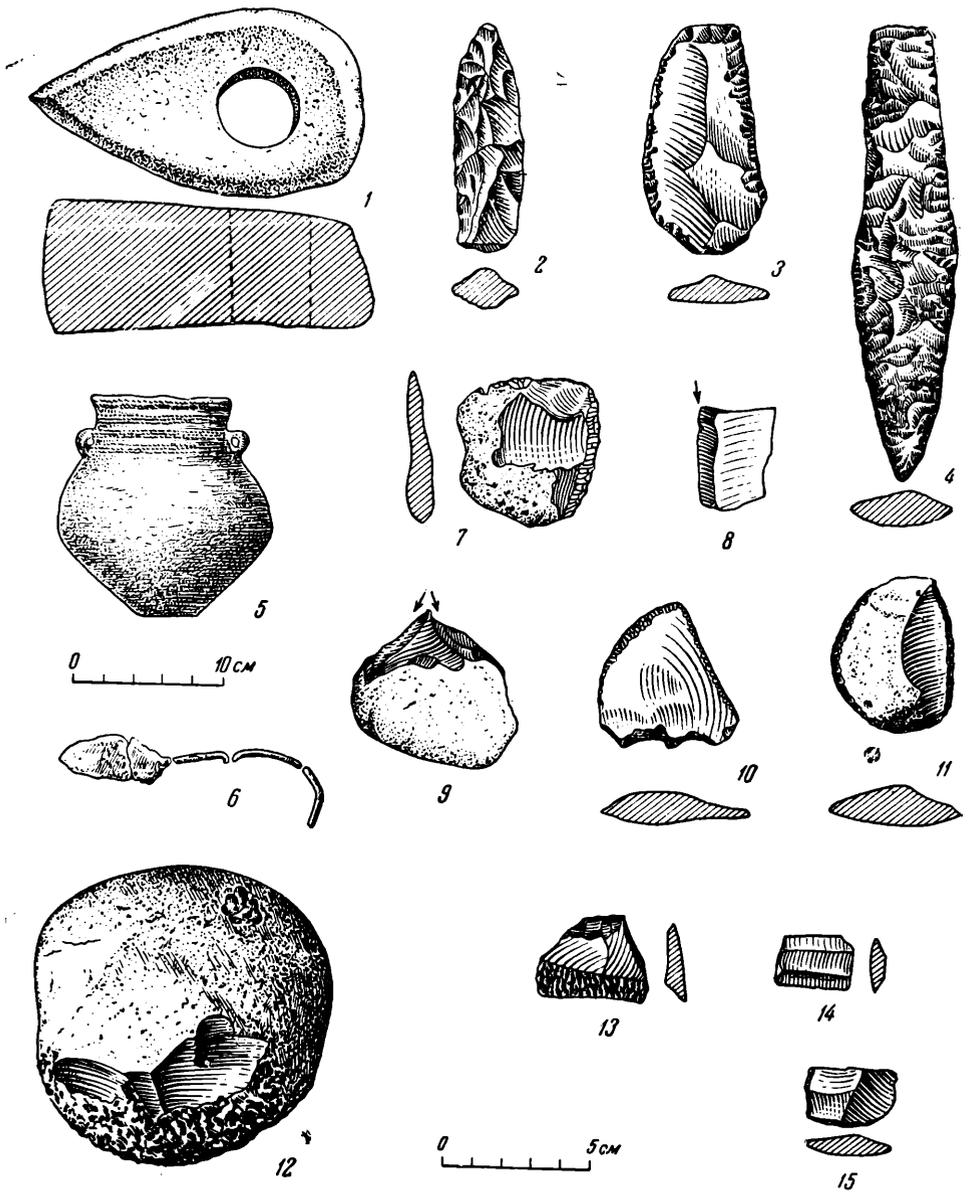

Рис. 19. Материал из могильника и с поселения у с. Здолбича.

1—4 — каменный топор, кремневые отжимник, нож и кинжал из погребения № 1; 5, 6 — амфорка и медное височное кольцо из погребения № 2; 7 — кремневый нож из погребения № 3; 8, 9 — кремневые резцы из землянки № 1; 10, 11 — кремневые скребла из раскопа VI; 12 — кремневый отбойник с поселения; 13 — кремневый вкладыш для серпа из хозяйственной ямы в раскопе VI; 14, 15 — кремневые вкладыши для серпов (подъемный материал).

отшлифована. Видимо, он был положен за спиной рукояткой вниз — к ногам погребенного. С внутренней стороны северной стенки гробницы, в области поясицы покойника, найден кинжал из серо-коричневого кремня, с уплощенным прямоугольным основанием для рукоятки и удлиненным треугольным лезвием, равномерно суживающимся к заостренному концу; поверхность сплошь покрыта отжимной ретушью, вдоль краев — двусторонняя ретушь (рис. 19 — 4); с обеих сторон на конце лезвия заметна слабая заполировка

от работы. Непосредственно над гробницей обнаружены кремневые нож и отжимник. Нож изготовлен из широкой, почти прямоугольной пластины с черными прожилками кремня. Края с обеих сторон подправлены ретушью (рис. 19—3). Отжимник — неправильно-округлая в сечении палочка с неровной обитой поверхностью — был местами покрыт патиной молочного цвета (рис. 19—2).

Погребение № 2 (рис. 18—II). Частично разрушено силосной ямой в 1955 г. Находилось в гробнице размером около $1 \times 2,0$ м, сооруженной в ногах погребения № 1. Она сложена из каменных плит и больших необработанных кусков камня и ориентирована по длине с юго-востока на северо-запад. Положение костяка точно установить не удалось. Гробница обнаружена на глубине 0,85—1,2 м от современной поверхности. Ее северную стенку образовала поставленная на ребро прямоугольная плита размером 0,5—0,6 \times 1,15 м и толщиной 0,15—0,2 м. Плита стояла несколько наклонно: ее западный конец находился на глубине 1 м, а восточный — 1,2 м от современной поверхности. По словам участников работ 1955 г., такая же плита, находившаяся от первой на расстоянии около 1 м, составляла южную стенку. С запада гробницу замыкал большой камень неправильной формы, размером около 0,6 \times 0,6 м и толщиной 0,65 м. Его западный край оказался на глубине 0,85 м, а восточный — 1,5 м от современной поверхности. Восточная стенка состояла из нескольких крупных камней, часть которых была смещена при сооружении силосной ямы. Дно гробницы находилось на глубине 1,7 м от современного уровня; оно было вымощено несколькими плоскими камнями средней величины. Голова погребенного, по словам колхозников, присутствовавших при находке, была в западной части гробницы. Судя по найденным внутри гробницы височному кольцу и сосуду, погребение принадлежало женщине.

Сосуд — это амфорка с небольшим ровным дном, выпуклым телом, низкой, слегка воронковидно расширяющейся шейкой и двумя небольшими ушками на переходе шейки в тело; шейка и верхняя часть тела украшены 4 полосками тройных горизонтальных отпечатков веревочки. Внешняя поверхность ушков орнаментирована продольными желобками (рис. 19—5). Поверхность светло-коричневая, с черными пятнами, лощеная. Височное кольцо разогнуто и разломано на 5 фрагментов. Оно имеет форму медного овального листика с гладкой поверхностью, переходящего в круглую (в сечении) проволочку (рис. 19—6). Поверхность покрыта зеленой патиной.

Погребение № 3. Залегало на глубине 0,4 м от современного уровня, над гробницей № 2. Скорченный костяк женщины в возрасте 20—25 лет лежал на правом боку, головой на запад. Колени сильно согнутых ног были подтянуты к грудной клетке, руки согнуты в локтях. Непосредственно возле погребения никаких вещей не было; над ним (на глубине 0,3 м) найден нож на почти квадратном тонком отщепе серого, дымчатого кремня. Вдоль двух краев проходит мелкая ретушь, на поверхности — остатки коры (рис. 19—7).

Погребения № 4 и 5. Обнаружены в слое чернозема на глубине 0,35 м от современного уровня, на расстоянии 2 м к югу и 1,1 м к западу от гробницы № 1. Костяки лежали в скорченном положении на правом боку и были ориентированы головами на запад. Большинство костей погребения № 4, принадлежавшего женщине примерно 25 лет, было смещено в 1958 г. во время обкапывания силосной ямы. Возле места погребения найдены два небольших обломка лепных сосудов коричневого цвета. Погребение № 5 было захоронением подростка, без вещей.

Вещи из могильника у Здолбицы позволяют отнести его к культуре шнуrowой керамики. Кремневые ножи, аналогичные найденным над погребениями № 1 и 3, известны в большом количестве из погребений этой культуры

в Прикарпатье и Западной Подолии⁴. Подобный найденному в Здолбице кремневый кинжал, обнаруженный у Кутов в Словакии, Л. Красковска относит также к памятникам культуры шнуровой керамики⁵. Каменный топор из гробницы № 1 принадлежит к наиболее распространенным находкам в погребениях этой культуры. Аналогичные топоры встречены, например, в погребениях у сел Качановка, Тернопольской области (курган VI)⁶, и Черница, Львовской области⁷. Медные височные кольца такого же типа, как и находка в гробнице № 2, известны из погребений культуры шнуровой керамики у сел Почапы⁸ и Чижикив⁹, Львовской области. Два обломка керамики, обнаруженные недалеко от погребения № 4, и амфорку из погребения № 2 по характеру поверхности и составу глины также следует отнести к памятникам упомянутой культуры. Это подтверждается и шнуrowым орнаментом, украшающим амфорку¹⁰.

На расстоянии 14 м к западу от могильника экспедицией открыто связанное с ним поселение, располагавшееся на западном склоне возвышенности. С его поверхности собрано небольшое количество подъемного материала: несколько фрагментов сосудов культуры шнуровой керамики, крупный кремневый отбойник (рис. 19—12), 3 ножа на кремневых пластинках (рис. 20—4, 5), 2 вкладыша для серпов (рис. 19—14, 15), 3 обломка широких ножевидных кремневых серпов (рис. 20—7, 8), обломок крупного линзовидного в сечении кремневого топора, заготовка кремневого топора. На территории поселения были заложены три небольших раскопа, из которых заслуживают особого внимания раскопы VI и VIII.

Раскоп VI, заложенный на расстоянии 7,5 м к западу от могильника, охватывал 84 кв. м; на нем собрано довольно много различных культурных остатков, обнаружены следы землянки I и ямы хозяйственного назначения. Культурный слой залегал на глубине 0,2—0,6 м от современной поверхности. Находки концентрировались, главным образом, в пределах жилища и хозяйственной ямы, а также в их непосредственном окружении. На площади раскопа VI найдены кремневые сколы, отщепы, обломки пластин, отбойник, ножи, резцы, скребла, вкладыши для серпов, куски широких ножевидных серпов, долота, обломки клиновидных топоров, костяная проколка, керамика и кости животных (крупного и мелкого рогатого скота и свиньи)¹¹.

Землянка I (рис. 21—I, III, IV) прослеживалась с глубины 0,9 м от современной поверхности. Она — овальной формы, ориентирована длинной осью по линии север — юг; ее размеры — 2,28 × 2,85 м. Дно восточной, северной и западной частей находилось на глубине 1,2 м; средняя и южная части были еще углублены на 0,4 м (до глубины 1,6 м от поверхности). В заплывавшей землянку серой мешаной земле найдены кремневые сколы, отщепы и пластины, нож, резец, несколько обломков керамики, в том числе фрагмент стенки сосуда с горизонтальными и вертикальными отпечатками шнура, ко-

⁴ Например, ножи из погребений у сел Колец (курган V) и Русилов, Львовской области, Колоколин, Станиславской области (курган III), хранящиеся во Львовском историческом музее.

⁵ L. K r a s k o v s k á. Kamenna dýka z Kútov na Slovensku. Archeologické rozhledy, t. VII, N 4, 1955, рис. 228.

⁶ J. В г у к. Neolityczne kurhany ze szkieletami skurczonemi w Kaczanówce, w pow. Skałackim woj. Tarnopolskie. Księga pamiątkowa ku czci prof. W. Demetrykiewicza. Poznań, 1930, рис. 1, N 8.

⁷ Хранится во Львовском историческом музее.

⁸ Нукові записки Товариства ім. Шевченка. Львів, 1933, т. CLII, № 2, стр. 75, табл. I, 1.

⁹ М. Ю. С м и ш к о. Богатое погребение начала нашей эры во Львовской области. СА, 1957, № 1, табл. I, 7, 8.

¹⁰ Находка хранится во Львовском историческом музее.

¹¹ За определение костей животных из раскопок у с. Здолбица приношу благодарность К. А. Татарину и Р. В. Билозору.

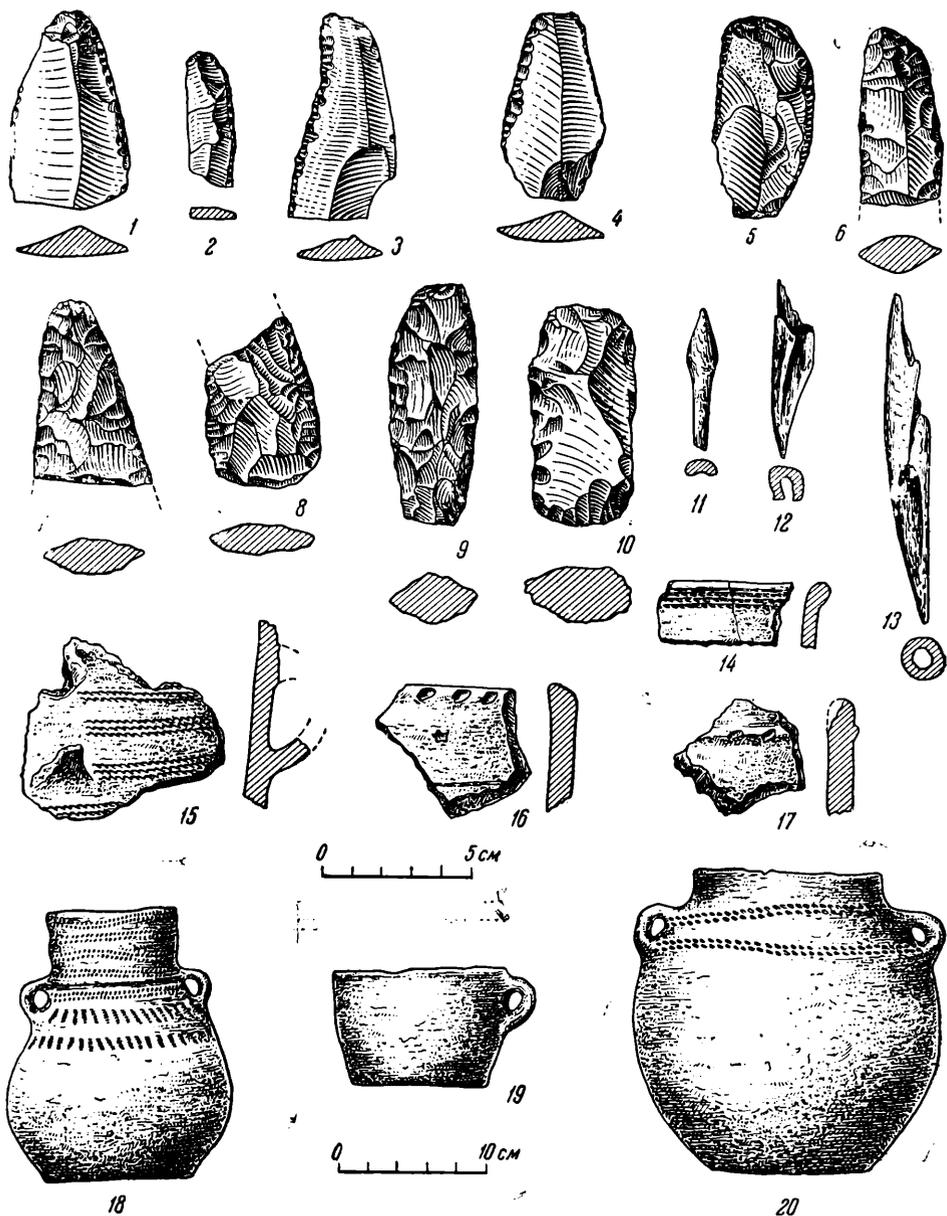

Рис. 20. Материал с поселения у с. Здолбца.

1—3 — кремневые ножи из раскопа VIII; 4, 5 — кремневые ножи с поселения; 6 — обломок кремневого серпа из раскопа VI; 7, 8 — фрагменты кремневых серпов с поселения; 9, 10 — кремневые долота из раскопа VI; 11 — костяной наконечник стрелы из раскопа VIII; 12, 13 — костяные проколки из раскопов VIII и VI; 14, 15 — обломки керамики из раскопа VIII; 16, 17 — обломки сосудов с очага в раскопе VI; 18—20 — амфора, чашка и сосуд с очага у землянки I.

сти крупного рогатого скота, отдельные куски обожженной глиняной обмазки и кусочки древесного угля. На дне землянки обнаружены 2 обломка кремневых пластин, кремневый нож, обломок стенки черного сосуда, украшенного на переходе тела в шейку двойным горизонтальным отпечатком шнура, и кость коровы.

Непосредственно у западного края землянки на глубине 0,4—0,6 м вскрыто скопление фрагментов лепной керамики, отдельных кусочков печи-

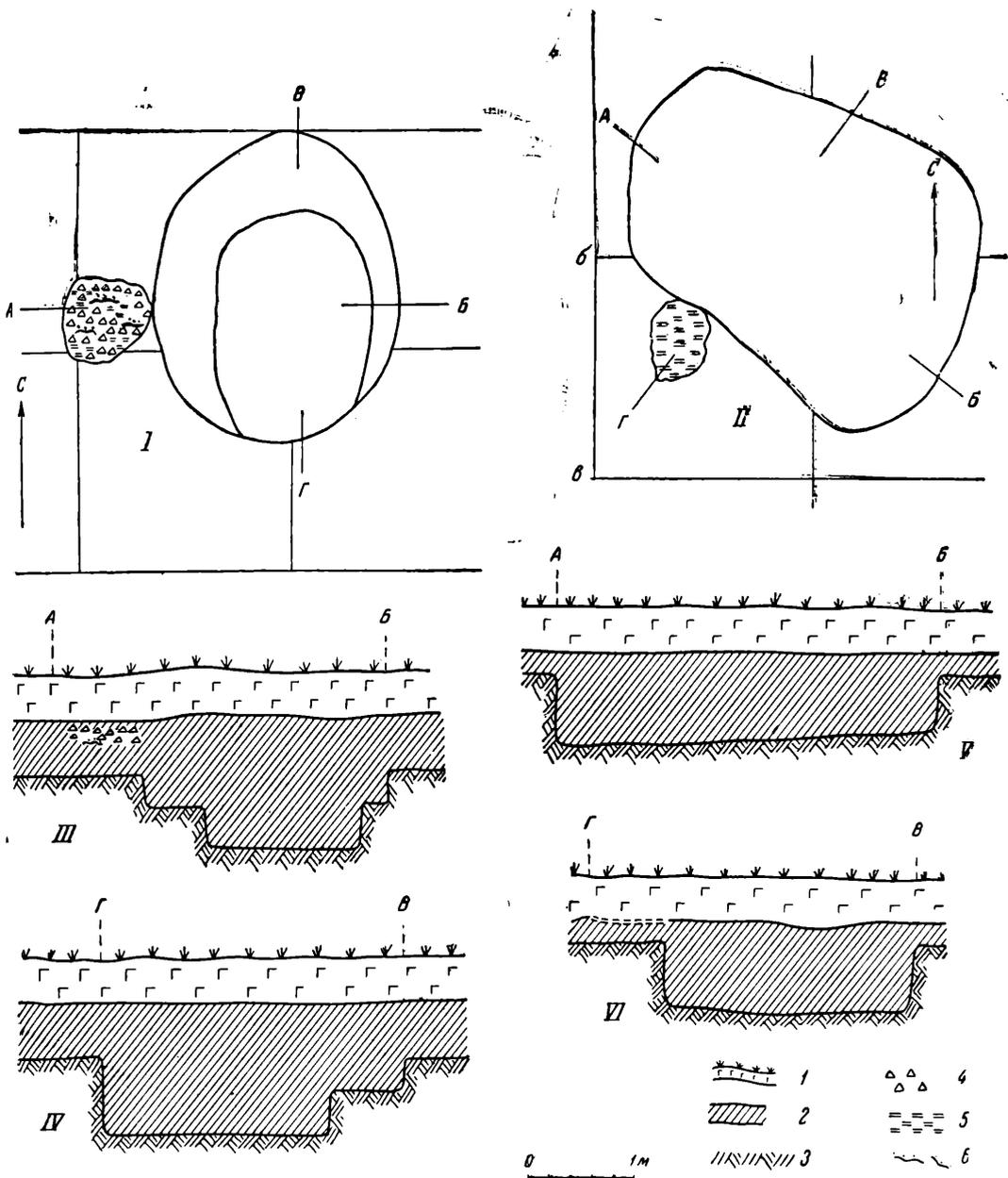

Рис. 21. Здобица, 1957—1958 гг. Планы и вертикальные разрезы землянок.

I — план землянки *I*; *II* — план землянки *II*; *III* — разрез землянки *I* и очага по линии *A—B*; *IV* — разрез землянки *I* по линии *Г—B*; *V* — разрез землянки *II* по линии *A—B*; *VI* — разрез землянки *II* и очага по линии *Г—B*; 1 — верхний черноземный слой; 2 — культурный слой; 3 — материк; 4 — скопление обломков керамики на очаге; 5 — обожженная глина; 6 — древесный уголь.

ны, угольков и костей крупного рогатого скота, занимавшее площадь диаметром около 0,8 м; толщина — около 0,2 м (рис. 21—*I*). Это скопление следует, видимо, рассматривать как остатки разрушенного очага, находившегося рядом с жилищем. Из керамики, найденной на очаге, внимания заслуживают 2 фрагмента сосудов, украшенных небольшим оттянутым расчлененным валиком (рис. 20—17); обломок черной миски с незначительно загнутым внутрь краем венчика, украшенным ногтевым орнаментом (рис. 20—16);

обломок глиняного сита с круглым сквозным отверстием в днище; фрагменты стенок черных сосудов с лощеной поверхностью, украшенных двойными отпечатками шнура. Кроме того, из собранных на очаге обломков удалось полностью реставрировать 3 сосуда: небольшую чашку (рис. 20—19), амфорку, украшенную шнуровым и штампованным орнаментом (рис. 20—18), и крупный сосуд с раздутым туловом и 2 ручками на плечиках (рис. 20—20).

Хозяйственная яма находилась на расстоянии 1,8 м к юго-востоку от землянки I. Она прослеживалась от глубины 0,6 м и была в форме неправильного прямоугольника размером 2 × 3,25 м, ориентированного по длине с востока на запад. Дно ямы залегало на глубине 1,25 м от современного горизонта. В ее заполнении найдены обломки керамики, кремневые отщепы, резец, костяная проколка (рис. 20—13) и кости домашних животных.

Раскоп VIII, заложенный в 35 м к северо-западу от раскопа VI, занимал 76 кв. м. Отмечено, что культурный слой в этой части поселения залегал на глубине 0,2—0,6 м от современной поверхности и был насыщен кусками печины, обожженными камнями, костями животных, кремневыми отщепами и поделками, обломками керамики. Найдены кремневый отбойник, заготовка кремневого орудия, долото, обломки ножевидных серпов, резец, скрёбла, кости крупного и мелкого рогатого скота. Особо интересны костяные поделки — наконечник стрелы (рис. 20—11) и проколка (рис. 20—12). Из керамики заслуживают внимания фрагмент широкой ручки ковша, днище толстостенного сосуда с отпечатками соломы и половы на внешней поверхности и обломок венчика небольшого серо-коричневого ковша со шнуровым орнаментом (рис. 20—14).

На глубине 0,4 м в юго-западной части раскопа вскрыты остатки разрушенного овального очага (размером 0,6 × 0,78 м) в виде слоя пережженной глины (толщиной 2 см) и отдельных обломков пода, а рядом с ним, на глубине 0,6 м, прослежены контуры землянки II. Кроме того, на площади раскопа VIII вскрыты следы еще 6 ям, видимо, хозяйственного назначения. В восточной части раскопа обнаружен очаг, относящийся, судя по найденным на нем 2 сосудам, к первым векам нашей эры.

Землянка II (рис. 21—II, V, VI) — неправильно-овальной формы (ее диаметры — 2,4 и 3,5 м) была ориентирована по длине с северо-запада на юго-восток. Дно северо-западной ее части находилось на глубине 1,3 м от современного уровня, юго-восточной части — на глубине 1,1 м. Очаг располагался непосредственно возле юго-западной стенки, на 0,2 м выше уровня, с которого прослеживалась землянка. Конструкцию очага восстановить не удалось. В заполнении землянки найдены кремневые отщепы, обломки керамики, куски печины и кости животных (коровы, свиньи и лошади). На дне в западной части прослежен слой пепла толщиной около 3 см.

С северной, северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон землянки II, на разном от нее расстоянии, вскрыты следы 6 ям почти правильной круглой формы, диаметром 0,85—1,4 м и глубиной 0,7—1,45 м от современной поверхности. Ямы были заполнены серой землей, в которой встречались куски сильно обожженных камней, фрагменты керамики, отдельные кусочки угля, обломки костей животных, кремневые отщепы.

Среди вещей из раскопок у Эдолбицы большую коллекцию составляют кремневые сколы, отщепы и отбойники. Они свидетельствуют о производстве кремневых орудий на самом поселении. Это подтверждается также находкой кремневого отжимника над погребением № 1 и двух заготовок кремневых топоров на поселении. Некоторые отщепы слегка подправлены ретушью вдоль края; на многих из них заметны царапины и другие следы сработанности. Отбойников найдено 4 экземпляра. Они — шаровидной или слегка эллипсоидной формы, частично покрыты коркой; на поверхности (в одном или двух местах) — следы многочисленных ударов (рис. 19—12).

Все кремневые изделия из Здолбицы изготовлены из черного или сероватого, отличного, по качеству, кремня. Коллекция мелких кремневых орудий состоит из ножей (13 экземпляров), резцов (4 экземпляра), скребел (7 экземпляров), вкладышей для серпов (3 экземпляра). Более крупные орудия представлены обломками широких ножевидных серпов (6 экземпляров) и клиновидных топоров (5 экземпляров), а также долотами (3 экземпляра).

Ножи изготовлены из широких — тонких или массивных — отщепов и пластин (рис. 20—1—5). Сторона, противоположная ударному бугорку, покрыта по краю мелкой круговой отжимной ретушью. На некоторых экземплярах ретушь довольно круглая. На внутренней поверхности некоторых ножей — следы от работы в виде косых царапин. Резцы на отщепах неправильной формы представляют типы бокового (2 экземпляра) и срединного резца (2 экземпляра). Рабочая часть некоторых из них изношена (рис. 19—8, 9). Скребла на отщепах и сколах разнообразны по типам: некоторые — подтреугольной формы, покрыты вдоль краев односторонней ретушью (рис. 19—10); рабочая часть других формована полукругом, покрыта односторонней ретушью, сработана (рис. 19—11). Один экземпляр изготовлен из овального массивного скола с обитой поверхностью; вдоль краев — круговая ретушь. У единственного в коллекции концевого скребка на отщепе — полукруглая, подправленная ретушью, рабочая часть.

Вкладыши для серпов сделаны из прямоугольных и трапециевидных обломков пластин, затупленных по бокам. Рабочая часть подправлена ретушью, в одном случае — сильно сработана (рис. 19—13—15). Широкие ножевидные, плоские в сечении, серпы, покрытые на всей поверхности отжимной ретушью, представлены только фрагментами (рис. 20—6—8). На одном из обломков (конец орудия) заметна двусторонняя заполировка от работы (рис. 20—7). Долота — линзовидные в сечении; их поверхность обита, а на покрытых ретушью, сильно изношенных рабочих частях — заполировка (рис. 20—9, 10). Один экземпляр, видимо, использовался как ретушер — его края забиты многочисленными ударами. Встречены также фрагменты линзовидных и четырёхугольных в сечении клиновидных топоров с обитой поверхностью. Лезвие одного из них было тщательно отшлифовано.

Обе найденные на поселении костяные проколки изготовлены из трубчатых костей. Один конец их заострен, тщательно обработан, заполирован, другой — обломан (рис. 20—12, 13). Из обломка трубчатой кости сделан также наконечник стрелы подтреугольной формы, с длинным черенком. Заостренный конец заполирован (рис. 20—11).

Среди керамики с поселения есть фрагменты сосудов, вылепленных из глины с примесью песка, шамота или толченого и предварительно пережженного кремня. Поверхность большинства сосудов лощеная, черного, серого или коричневого цвета; обжиг довольно сильный, в отдельных случаях — неравномерный. Сравнительно небольшое количество обломков принадлежит сосудам, поверхность которых до обжига была вытерта пучком травы или соломы, благодаря чему на ней образовались характерные штрихи. Орнамент располагается под краем венчика или на шейке сосуда. Он состоит из двойных или тройных горизонтальных отпечатков наискось перевитой веревочки (рис. 20—14, 15), небольшого оттянутого, расчлененного ногтевыми вдавлениями валика (рис. 20—17), реже — из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 20—18), или ногтевых вдавлений по краю венчика (рис. 20—16). Отдельные фрагменты украшены вертикальными отпечатками шнура. Продольными оттисками веревочки орнаментированы также ручки ковшей.

В числе сосудов — крупные толстостенные, с неровной поверхностью; амфоры, ковши со слегка отогнутым краем венчика и широкими ленточными ручками, миска с немного загнутым внутрь краем венчика, миска-сито. Кроме того, на очаге возле землянки I найдены чашка, амфора и крупный сосуд.

Стенки чашки почти вертикальные, под венчиком — небольшая широкая ручка (рис. 20—19); цвет черный, на внутренней поверхности сохранилась черная накипь. Амфора — небольшого размера; ее дно широкое, ровное, тулово раздуто в нижней части, шейка цилиндрическая. На переходе шейки в тулово — два небольших ушка. Шейка украшена четырьмя двойными горизонтальными отпечатками шнура и небольшим оттянутым валиком у основания. Внешняя сторона ушков орнаментирована продольными отпечатками веревочки, спускающимися на тулово сосуда; на верхней части его — 2 ряда коротких вертикальных отпечатков зубчатого штампа (рис. 20—18). Поверхность серая, лощеная, со следами сглаживания пучком травы. Третий, найденный на очаге сосуд — это горшок с ровным дном, шаровидным телом, низким, незначительно отогнутым венчиком. На переходе шейки в тело расположены два овальных в поперечном сечении ушка; на уровне их — две полосы двойных отпечатков шнура (рис. 20—20). Поверхность черная, с серыми пятнами, лощеная.

Аналогии первому и третьему сосудам отсутствуют среди известных нам памятников культуры шнуровой керамики, хотя их принадлежность к этой культуре не вызывает сомнений. Третий сосуд относится к типу амфор, характерному для так называемой стжижовской группы культуры шнуровой керамики, распространенной в бассейне верхнего течения Западного Буга на территории Польши. Он почти полностью аналогичен сосуду из Рациборовиц Люблинского воеводства¹². С керамикой стжижовского типа его объединяют широкое ровное дно, раздутая нижняя часть тулова, форма шейки и ушков, утолщение у основания шейки, характер орнамента и обработка поверхности. В одну группу с этим сосудом объединяется некоторое количество обломков керамики из поселения у Здолбицы, на поверхности которых сохранились штрихи от сглаживания поверхности пучком травы.

Синхронность поселения могильнику не вызывает сомнений; оба памятника относятся к культуре шнуровой керамики, а кремневым изделиям (ножам, найденным над погребениями № 1 и 3) и керамике из могильника находим полные аналогии среди материала поселения. Медное височное кольцо из погребения № 2, многочисленные аналогии которому известны в Средней Европе¹³ (главным образом, в круге памятников униетицкого типа), дает основание датировать могильник у Здолбицы первой половиной II тысячелетия до н. э.

Раскопки 1957—1958 гг. у с. Здолбицы значительно дополнили наши сведения о памятниках культуры шнуровой керамики. Подобные погребения в каменных гробницах известны в настоящее время по находкам у сел Кошиловцы¹⁴ и Поповцы¹⁵, Тернопольской области, Липа¹⁶ и Стадники¹⁷, Ровенской области. Особого внимания заслуживает то, что обычай захоронения в каменных гробницах сближает эту группу погребений культуры шну-

¹² J. Closik. Uwagi o ostatnich odkryciach w Gródki Nadbużnym w Wojewodztwie Lubelskim. Archeologicke rozhledy, t. IX, N 5, 1957, рис. 273, N 3.

¹³ Seger. Altschlesien, t. I, 1928, стр. 77, рис. 44; M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Rd. I, 1924, стр. 264; A. Knarowska-Mikolajczukowa. Wczesny okres epoki brazu w Wielkopolsce. Fontes Archaeologici Posnanienses, t. VIII, 1958, рис. 18; рис. 72, d-g; рис. 111, a (найденные на территории Польши височные кольца аналогичны встреченному нами по типу, однако отличаются от него большими размерами; кроме того, некоторые из них золотые).

¹⁴ Случайная находка. Один цилиндрический кубок, найденный в гробнице, хранится во Львовском историческом музее.

¹⁵ Раскопки 1953 г. Ю. Н. Захарука (Ю. Н. Захарук. Погребения в каменных гробницах около с. Поповцев, Тернопольской области, КСИА АН УССР, вып. 8, 1959, стр. 129—132).

¹⁶ Раскопки 1938 г. М. И. Островского. Материал не издан; хранится в Дубновском краеведческом музее.

¹⁷ J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Encyklopedia Polska, t. IV (часть I), Kraków, 1939—1948, стр. 206.

ровой керамики с мегалитическими погребениями Волыни и Западной Подолии.

Обе исследованные землянки по форме, размерам и глубине близки жилищам культуры шнуровой керамики, вскрытым при раскопках поселений у сел Городок¹⁸ и Ставок¹⁹, Волынской области. Особенность жилищ у Здолбицы заключается в расположении очага у западного края землянки. Описание 6 землянок культуры шнуровой керамики, исследованных И. Савицкой в 1926 г. у с. Городок, Ровенской области²⁰, в литературе отсутствует.

Находки на поселении — значительное количество вкладышей для серпов и обломков широких ножевидных серпов, днище сосуда с отпечатками половы и соломы, кости домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, коня) — позволяют установить, что основой хозяйства жителей были земледелие и животноводство.

Планировка могильника, на котором мужское погребение с предметами вооружения занимало по отношению к другим захоронениям центральное место, указывает на существование у племен культуры шнуровой керамики патриархально-родовых отношений. Интересно, что женские захоронения, окружавшие центральное мужское, различались по обряду и сопутствующему инвентарю. В погребении № 2 костяк лежал в каменной гробнице, а возле него находились амфорка и медное височное кольцо. Само положение гробницы, построенной в ногах погребения № 1, в непосредственной близости от него, как бы указывает на ближайшую связь погребенной с главой семьи, почивающим в центральной гробнице. Тела трех остальных женщин были погребены без гробниц, а единственным инвентарем этих захоронений были кремневый нож, найденный над погребением № 3, и мелкие обломки керамики, обнаруженные возле погребения № 4. Отмеченные признаки имущественной дифференциации и разницы в общественном положении погребенных, видимо, указывают на существование у племен культуры шнуровой керамики родовой знати.

¹⁸ J. Litzke. Badania w Gródki pow. Luck. «Światowit», t. XVII, 1938, стр. 337, 338.

¹⁹ Ю. Н. Захарук. Новое поселение культуры шнуровой керамики на Волыни. КСИА, вып. 7, 1957.

²⁰ J. Sawiska. Sprawozdanie z badań archeologicznych, wykopanych w lecie 1926 na Wołyniu. Przegląd archeologiczny, t. III. 1926—1927, стр. 206.

А. О. МНАЦАКАНЯН

ЛЧАШЕНСКИЕ КУРГАНЫ

(раскопки 1956 года)¹

Бассейн озера Севан богат памятниками материальной культуры. Здесь встречаются крепости доурартского и урартского времени, остатки поселений, большие и мелкие курганы, могильники почти всех типов. Все эти древние памятники свидетельствуют о том, что в течение тысячелетий бассейн озера был густо заселенным районом. В последние годы вследствие понижения уровня воды в озере Севан обнаружены новые археологические памятники.

Лчашен (бывшее Ордаклю) в археологической литературе давно известен по клинообразной надписи урартского царя Аргишти. В окрестностях Лчашена в 1906 г. Е. Лалаяном были произведены раскопки. Могильники на осушенной части озера в Лчашене состоят из курганов и кромлехов и расположены 4 группами, примыкающими друг к другу. На северной и южной частях могильного поля находятся курганы, а в промежутке между ними — кромлехи и мелкие курганы. Археологической экспедицией Государственного исторического музея АН Армянской ССР здесь раскопаны в 1956 г. 17 кромлехов и 3 кургана (два больших и один малый), расположенные в южной части могильного поля. В данном сообщении мы остановимся лишь на раскопках двух больших курганов у Лчашена.

Каменная насыпь Лчашенских больших курганов достигает в диаметре 15—18 м и высоты 0,8—1 м. Могильные ямы (находящиеся, как правило, в центральной части) выкопаны в грунте, затем в них были сооружены стены склепа из неотесанных глыб (весом до 5 тонн) и каменные перекрытия; вход обычно делался из более мелких камней. Высота склепов достигала 2,5—3 м, длина — 6—8,5 м, ширина — 3 м. Ни один из склепов в больших курганах не был засыпан землей после совершения погребения. Ил и земля просачивались в них на протяжении веков. Над погребениями сооружались также деревянные перекрытия, опиравшиеся на столбы, вкопанные в 4 углах склепа. Верхняя часть перекрытия состояла из мелких прутьев. Скелеты лежали скорченно, на левом боку.

В могильной яме первого кургана (рис. 22—1—3), вытянутой с севера на юг, находились скелет человека и деревянная четырёхколесная повозка; она была перевернута, дышло снято и положено под нее. Сохранность хорошая, за исключением колес. Повозка изготовлена целиком из дерева, все части скреплялись деревянными же гвоздями. Длина кузова — 1,5 м, ширина — 1,2 м; по бокам кузова — решетки. Дышло двухветвистое, в виде треугольника, длиной 3,5 м; общая длина повозки (кузова с дышлом) достигает 5,11 м. Ярмо изготовлено с большим мастерством и украшено

¹ Сообщение на заседании секции неолита и бронзы Пленума ИИМК 28 марта 1957 г.

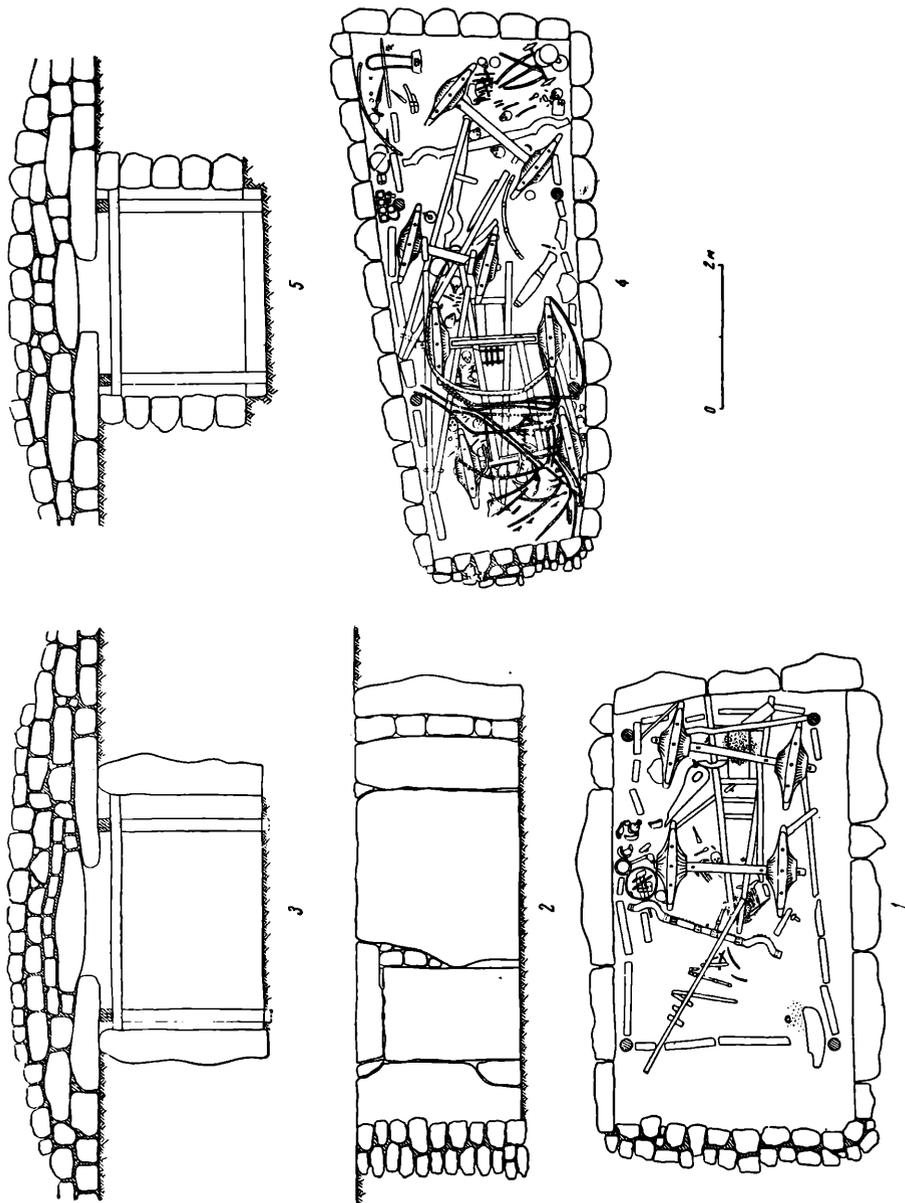

Рис. 22. Ачашенские курганы. План и разрез могил.

1—3 — план и разрез могил в кургане № 1; 4, 5 — план и разрез могил в кургане № 2.

выпуклыми бронзовыми гвоздями и широкими лентами; отверстий для прутьев нет. Ярма всех лчашенских повозок схожи; длина их — от 2,15 до 2,46 м. Колеса сплошные (из толстых отрезков бревен диаметром до 1,3 м); вращались они на неподвижной оси (рис. 23—1). Конец дышла украшен бронзовой фигуркой быка.

Между ярмом и осью повозки лежали 2 черепа быков и череп человека. У каждого черепа найдены более 30 больших бронзовых бубенцов, много бус из сердолика, агата, драгоценных металлов и другие украшения, среди которых выделяются 8 золотых пуговиц и бусы, отделанные зернью.

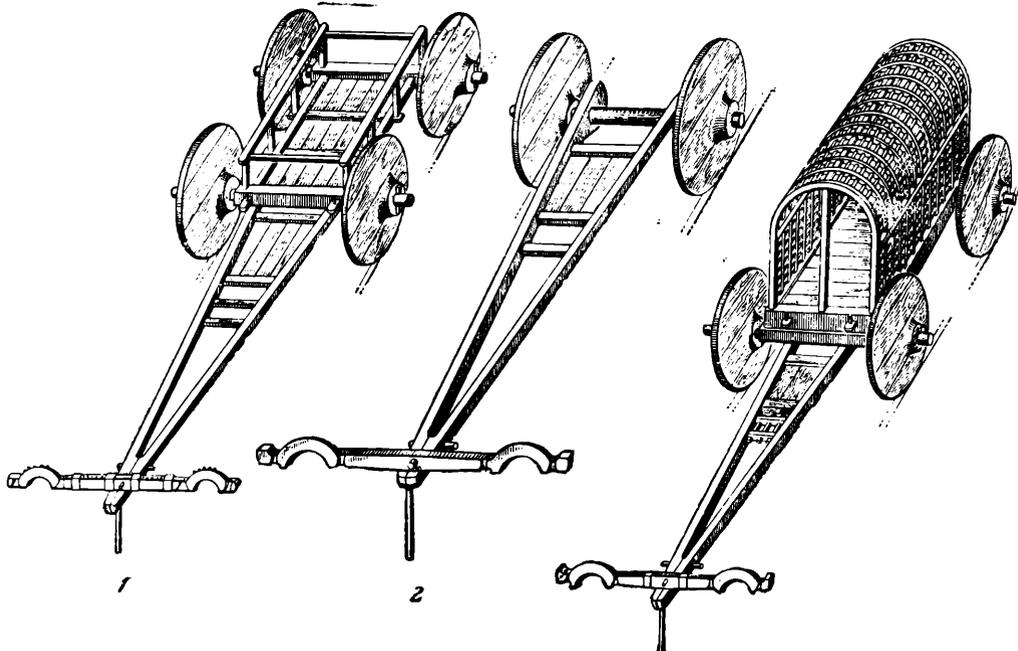

Рис. 23. Лчашенские курганы. Реконструкция повозок.

1 — четырёхколёсная из кургана № 1; 2, 3 — двухколёсная и четырёхколёсная из кургана № 2.
(Реконструкция выполнена архитектором Г. К. Кочояном).

У переднего колеса повозки найден медный котел, в котором оказались секира, плоский бронзовый топорик, бронзовые трёхзубые вилы и черпак с ажурной ручкой, украшенной фигуркой птицы на колесе — подставке (рис. 24—3). С двух сторон у колес повозки стояли глиняные «вазы-трубы» — возбудители огня.

Среди многочисленных гончарных изделий выделяются предметы кубической формы, в противоположных стенках которых сверху и снизу было от 2 до 5 отверстий (см. ниже рис. 25—8)²; под этими предметами находилась «священная зола». Можно полагать, что все это связано с культом огня.

Возле повозки в числе других предметов найден бронзовый меч, клинок и рукоятка которого были отлиты отдельно и затем спаяны вместе. Очень интересны вставки из красного дерева в рукояти; оно привезено, по всей вероятности, с северного и северо-западного берегов озера, в древности покрытых лесами.

Среди находок выделяется подковообразное изделие из бронзы, украшенное треугольными вырезами (рис. 24—4). Концы его полые и имели деревянную основу.

² В 1955 г. подобный предмет был обнаружен нами в погребении в 3 км к юго-востоку от Лчашена, вместе со скелетом овцы.

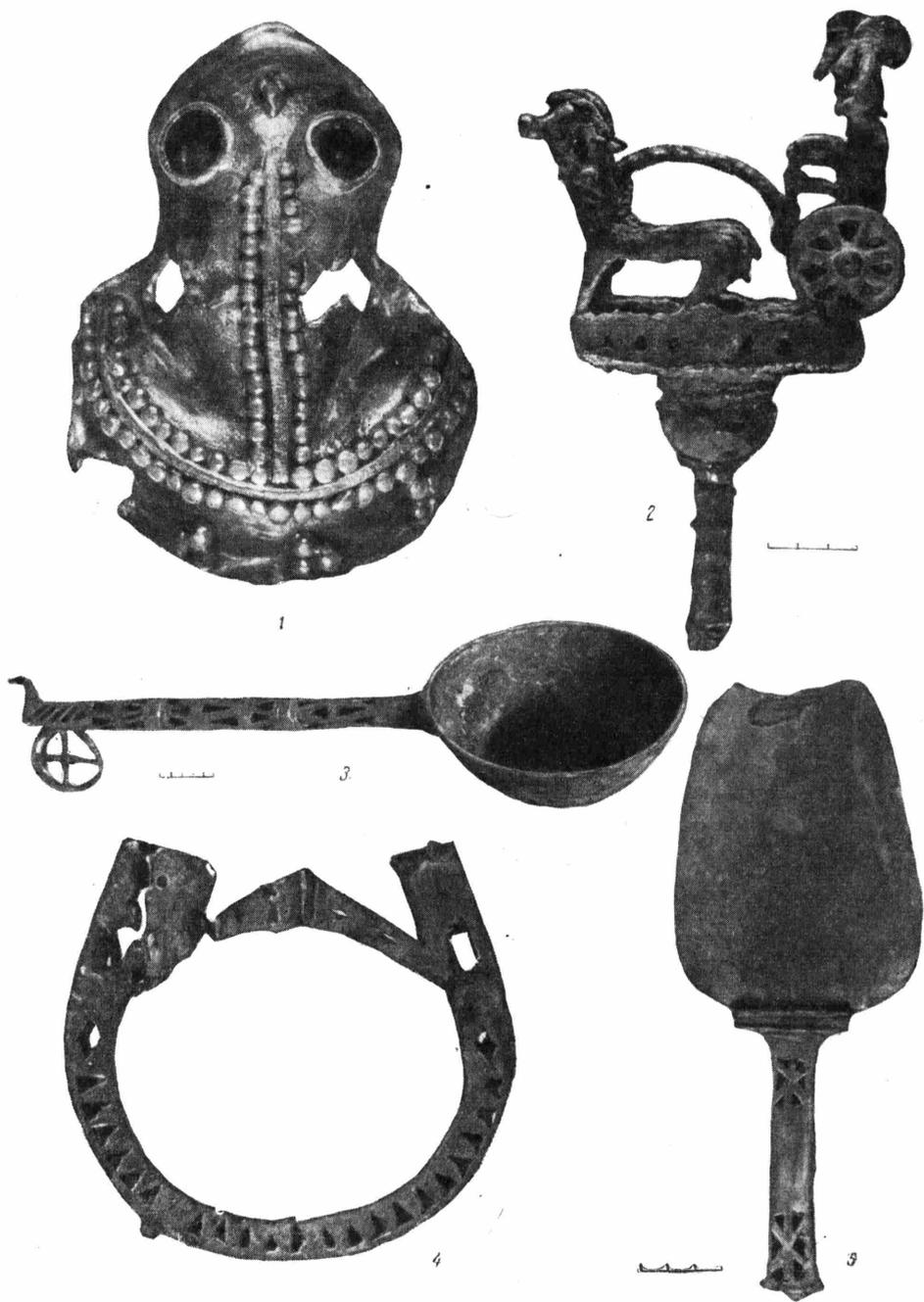

Рис. 24. Лчашенские курганы. Различные находки.

1 — золотая лягушка из кургана № 2; 2 — бронзовая модель колесницы из кургана № 1; 3—5 — бронзовый черпак, бронзовый предмет и бронзовое зеркало из кургана № 1.

Наиболее интересная находка в кургане — это бронзовая модель колесницы, части которой отлиты отдельно и затем соединены. На прямоугольной ажурной площадке, со штифтом внизу для закрепления, установлена колесница с запряженными конями. Два ее колеса с 8 и 9 спицами надеты на ось, которая при помощи полукруглого приспособления соединена с выгнутым дышлом, а последнее — с ярмом, украшенным 4 фигурками сидящих птиц. На колеснице стоят 2 воина в шлемах, с левой стороны у каждого висит кинжал; ладони приставлены к шлемам. Размеры площадки — $9,5 \times 6$ см, толщина ее — около 2 см, высота человеческих фигур — 7,5 см, копей — 7 см (рис. 24—2). Колесница представлена в движении, что очень характерно для изображений на закавказских поясах.

Склеп второго кургана обвалился, и камни раздавили находившиеся там керамику, бронзовые изделия и, частично, повозки (рис. 22—4, 5). В могильной яме обнаружены 4 повозки, в том числе одна маленькая (детская), трёхколесная, две двухколесные и одна четырёхколесная, находившаяся у входа; ее дышло (длиной 3,35 м) было снято и положено под повозку. Кузов и дышло такие же, как у первой повозки, лишь с некоторыми различиями в размерах.

Во втором кургане вскрыто 12 скелетов (в том числе один детский), находившихся в разных местах и в различном положении. У дышла двухколесной повозки лежали 3 скелета — мужской, женский и детский; сохранились следы охры и остатки одежды. Под осью четырёхколесной повозки найдены 2 черепа, два других лежали у дышла, остальные 5 черепов обнаружены в разных частях могилы. Под осью четырёхколесной повозки были положены черепа двух быков. Неподалеку открыт череп лошади, рядом с которым стояли деревянное ведро с крышкой и несколько раздавленных глиняных сосудов. У каждой из повозок находился плохо сохранившийся медный котел. В числе находок — 6 удил с дисковидными псалями, имеющими до 9 вырезов (рис. 25—4—6), и бронзовая толстенная трубка длиной около 0,6 м, внутри которой помещена спираль из квадратной в сечении проволоки. Следует также отметить изображение лягушки из золота (рис. 24—1).

Интересна конструкция четырёхколесной повозки (рис. 23—3). На кузове было шатровидное перекрытие из 12 прутьев, на каждом из которых сделано до 50 отверстий; сквозь них пропускались прутья, крепко связывавшие основание повозки. Длина кузова — 1,82 м, ширина — 1,26 м; высота перекрытия, по предварительным расчетам, — $1,7 \text{ м}^3$.

Модели повозок, называемых «кор сайл» («слепая арба»), встречаются не в первый раз. Такая повозка впервые была найдена еще в 1908 г. Е. Лалаяном в кургане в Мартунийском районе (Нижний Адиаман). Захоронения с повозками открыты также в Триалети⁴. Они были распространены и в более древнее время. В царских захоронениях Ура интересны находки четырёхколесных повозок, в которые было запряжено по 3 быка⁵. Любопытно, что обряд погребения и конструкция могил Ура напоминают то, что мы наблюдаем в Лчашене⁶. Близка по форме лчашенской повозке глиняная модель, обнаруженная в Гавре.

Из-за отсутствия источников трудно установить время появления колесниц в Армении. Известно, что они существовали в некоторых странах еще с конца IV тысячелетия до н. э. Но в памятниках Древнего Востока нет аналогий модели лчашенской колесницы. Изображения колесниц на колчане

³ Расчеты архитектора Г. К. Кочояна, выполнявшего на месте все обмеры и чертежи.

⁴ Б. А. Куфтин обнаружил четырёхколесную повозку в кургане № 29. См. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 81, табл. 107.

⁵ А. И. Тюленев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, табл. 15.

⁶ Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 229.

Рис. 25. Лчашенские курганы. Находки из кургана № 2.

1—3 — бронзовые кинжалы в ножнах; 4—6 — бронзовые удила; 7 — бронзовая птичка; 8 — керамический предмет.

из Кармир-Блура ⁷ и на поясе из раскопок Ж. де Моргана в Ахтале также не имеют общих черт с бронзовой моделью из Лчашена.

В настоящем кратком сообщении нет возможности описать все находки в Лчашене и указать аналогии им. Однако следует сравнить их с триалетскими. Правда, в Триалети бронза не достигла еще большого развития, тогда как в Лчашене она переживает свой расцвет. В курганах обеих групп изделия только медные или бронзовые, за исключением наконечников стрел, которые изготовлялись из обсидиана или кремня. В Лчашенских курганах не обнаружено бронзовых наконечников стрел.

В курганах Лчашена найден очень интересный материал, относящийся к эпохе бронзы. Здесь много новых вещей, не находящих аналогий. Бронзовые и золотые изделия изготовлены с большим мастерством. Отметим

⁷ Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, вып. 1, Ереван, 1950, стр. 66, 67, табл. 14 и 15.

бронзовое литое изображение быка на высокой подставке, у подножия которой поставлены две фигурки бородатых горных козлов с короткими рогами. Можно связывать это изображение с символическим значением быка как воплощения силы и с обожествлением его в хеттский период. Среди металлических изделий выделяются также фигурки птиц на подставках, отлитые с большим искусством (рис. 25—7).

В центре второго кургана, возле фигурки быка, и в северо-восточном углу найдены украшенные треугольными вырезами кинжалы в широких ножнах (рис. 25—1—3), привлекающих особое внимание; они не встречаются в знакомых нам группах бронзовых вещей. Одна сторона ножен украшена ползущими снизу вверх змеями и выпуклым линейным орнаментом, а другая — треугольными вырезами. На нижних концах — плоские дискообразные наконечники. Наибольшая длина ножен — 35 см.

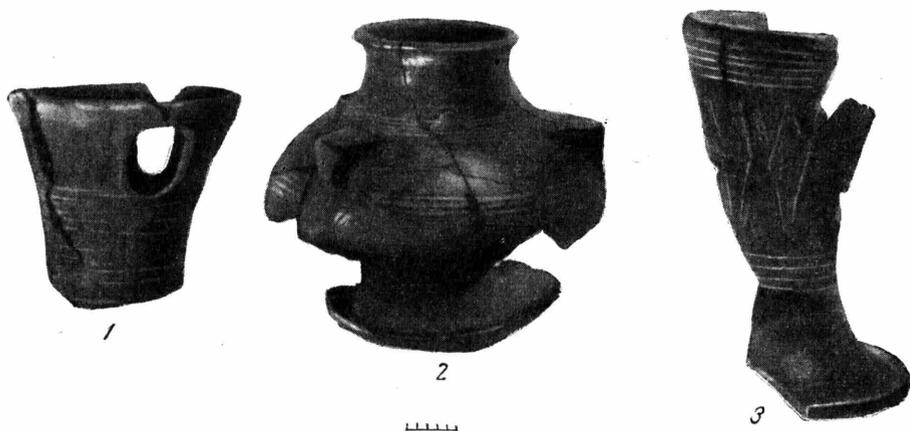

Рис. 26. Лчашенские курганы. Керамика.

1—3 — из кургана № 2.

Среди находок отметим также бронзовую булаву и зеркало с ажурной ручкой (рис. 24—5). Найденные здесь 3 секиры и 2 плоских топорика аналогичны обнаруженным в памятниках эпохи бронзы в Закавказье.

В большом числе встречены колокольчики, пуговицы и фигурки из различных материалов (бронзы, серебра, сурьмы и др.). Собрано свыше 1000 бус разнообразной формы, изготовленных из агата, сердолика, полевого шпата. В курганах обнаружено большое количество глиняных изделий (рис. 26) и много деревянных — ложки, черпаки, миски, поднос и приземистые столы на трех ножках. Найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, собаки и других животных.

На основании предварительного изучения материалов из раскопок курганов в Лчашене можно сделать некоторые выводы:

1. Культура больших курганов Лчашена, бесспорно, принадлежит местному населению, она возникла в условиях длительной оседлой жизни земледельческих и скотоводческих племен.

2. Металл, из которого изготовлялись найденные в курганах Лчашена предметы (золото, серебро, медь и бронза), по всей вероятности, добывался из местных залежей.

3. Курганы Лчашена принадлежали не владельцам известной крепости Ордаклю, а оставлены предводителями жителей большого поселения, которое находилось около курганов.

4. Курганы Лчашена представляют культуру местного населения Севанского бассейна, занятого в древности племенами земли Иштикуни.

О. Н. БАДЕР

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1958 ГОДУ

Двенадцатый сезон своего существования экспедиция работала в составе 5 отрядов. Наиболее крупный из них, отряд В. П. Денисова, провел раскопки на древнейших поселениях — Заюрчимском, Еловском, Ерзовском, Чернашке, Старушке и Лесном кордоне I. Отрядом В. А. Оборина исследовались более поздние памятники — 1 и 2-е Субботинские городища, Больше-Никольское I и Калиновское. Отрядом А. Д. Вечтомова изучались преимущественно ананьинские памятники — селища Гремяча, Першинское, Плетнево, Лепetalовское. Отряд О. Н. Бадера провел работы на Ольховско-Первомайской позднемезолитической стоянке и на 2 могильниках у дер. Турбиной. Отряд Е. Н. Черных вел раскопки на городище Алентау на р. Мулянке. Разведочные работы были небольшими (рис. 27)¹.

Раскопки неолитических стоянок не планировались в 1958 г., но на стоянке Чернашка (эпохи бронзы), где была вскрыта площадь в 486 кв. м, одно из трех изученных жилищ оказалось неолитическим. Тем самым получило объяснение большое количество найденной здесь ранне-неолитической керамики². Это жилище (№ 6) — длинная полуземлянка (13,5 × 7,5 м) с 4 нишами, расположенными вдоль продольных стен, как это отмечено в неолитическом жилище на Хуторской стоянке³ и жилищах борского типа. Керамика в нем была исключительно неолитическая; кремневые наконечники стрел иволчьи; следов металла не обнаружено. Остальные 2 жилища принадлежали к гаринскому типу, но, как и открытые ранее, отличались очень большой глубиной; по материалу они, так же как и три первых жилища, относятся к первой половине второго тысячелетия до н. э.

На открытом в 1951 г. поселении I у Лесного кордона (рис. 27—7), расположенном в нескольких километрах выше по течению Камы⁴, на раскопе площадью 56 кв. м вскрыта одна из 4 жилищных впадин. Жилище оказалось слабо углубленным, четырёхугольным, небольшим (5 × 5 м), с одним выходом и без кострища на дне. Найденная здесь немногочисленная керамика близка тонкостенной керамике гаринского типа в Чусовском Прикамье (с растительными примесями к глине, без талька); она орнаментирована нечастыми поясками из наклонных отпечатков мелкого зубчатого штампа. Среди поделок из камня, отличающихся в общем невысокой техникой,

¹ В экспедиции участвовали Т. А. Медведева (Федорова), И. С. Поносова, Г. М. Липсон, Т. Н. Буркова, а также Г. Власов, А. Иванов, В. Королёв, Г. Шокшуев, И. Фалин и др.

² О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959.

³ В. П. Денисов. Хуторская неолитическая стоянка. Зап. Пермск. ун-в., т. XII, вып. 1, 1960 г.

⁴ Н. О. Бадер. Памятники эпохи бронзы на Каме между Чусовой и Белой. Уч. записки Пермского университета, 1961 г.

есть один кремневый наконечник стрелы с усеченным основанием, скребки и типичные для этого времени на Каме каменные грузила из плоских галек с перехватом посередине.

В урочище Старушка, расположенном на том же, левом берегу Камы, но ниже по течению (рис. 27—8), кроме уже исследованного поселения Старушка I, где в 1956 и 1957 гг. было вскрыто 9 жилищ, рядом (к северу) обнаружено второе поселение со следами 12 впадин (в том числе — одной

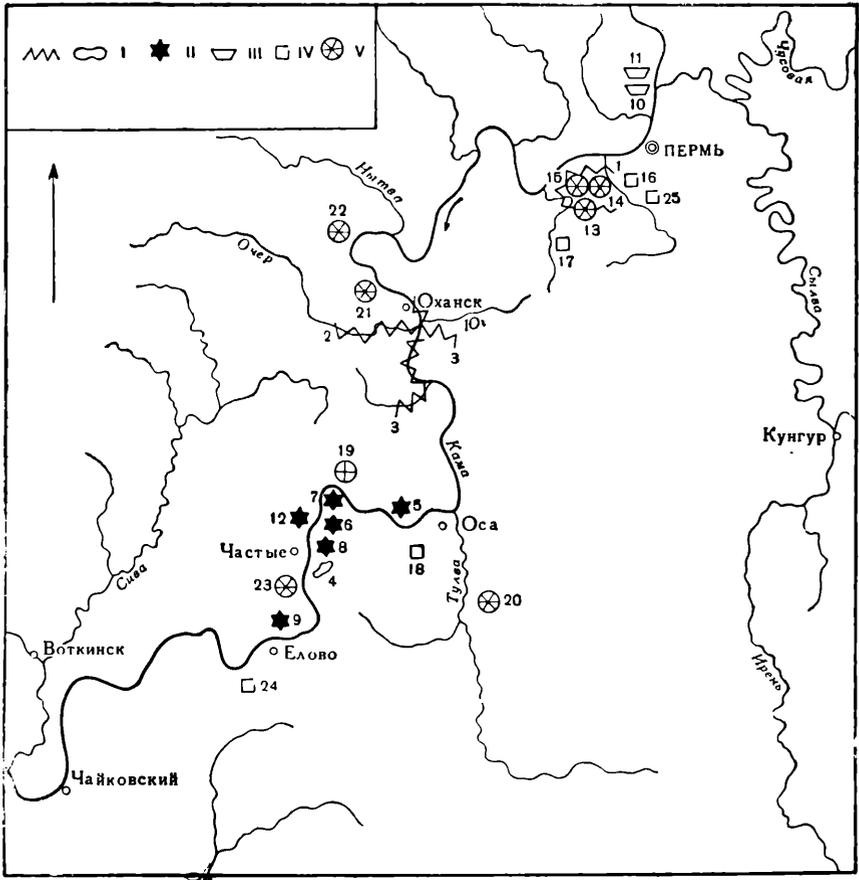

Рис. 27. Карта работ Камской археологической экспедиции в 1958 г.

Условные обозначения: I — поисковые маршруты и узкие районы разведок; II — поселения эпохи камня и бронзы; III — могильники; IV — городища; V — селыща эпохи железа.

Разведки: 1 — в бассейне рр. Верхней и Нижней Мулянки; 2 — по р. Очеру; 3 — по р. Ошапу и частью по Каме; 4 — у дер. Игнашиха в Частином районе.

Раскопки: 5 — Ольховско-Первомайская позднеэоэолитическая стоянка; 6 — поселение Чернашка; 7 — поселение I у Лесного кордона; 8 — поселение Старушка; 9 — Еловское I поселение; 10 — Турбинский I могильник; 11 — Турбинский II могильник; 12 — Ерзовское поселение; 13 — Заурчимское I поселение; 14 — Заурчимское VI селыще; 15 — Заосиновское IV селыще; 16 — Субботинское I городище; 17 — городище Алтен-Тау; 18 — Больше-Никольское городище; 19 — селыще Баской Лог; 20 — селыще Гремяча; 21 — Першинское селыще; 22 — Плетнево селыще; 23 — Лепetalовское селыще; 24 — Калиновское городище; 25 — Субботинское II городище.

длинной и трех больших, диаметром 17—18 м и глубиной до 2 м). При раскопках 1958 г. (площадь 100 кв. м) вскрыта полуземлянка, часть которой оказалась за пределами раскопа; видимо, она соединяется с соседней впадиной. Ширина жилища — 6 м; на дне его, по средней оси, обнаружены два очага-козрища; выход ориентирован на север. Рядом с жилищем открыты две кучки раковин беззубки и застывшие капли меди.

Керамика, найденная в жилище, отличается тонкими, непрочными стенками, приготовлена из глины с растительными примесями, без талька и украшена редкими поясками из наклонно поставленных отпечатков зубчатого штампа, как это уже отмечено для керамики из поселения I у Лесного кордона. Вместе с ней найдены кремневые наконечники стрел с усеченным основанием. Техника обработки кремня низкая, а качество кремневого сырья очень плохое. В соответствии с этим встречается сравнительно большое число изделий из металла: здесь обнаружены медные шило, пластинка-заготовка и небольшой нож или наконечник (рис. 28—1).

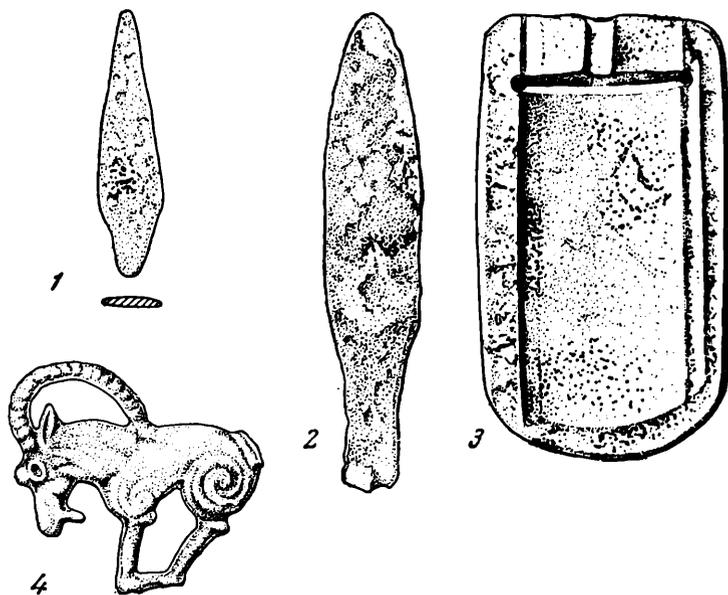

Рис. 28. Предметы из среднекамских поселений.

1 — медно-бронзовый нож с поселения Старушка; 2, 3 — медно-бронзовый нож и литейная форма с Еловского I поселения; 4 — медно-бронзовая бляха в виде козла с Ерзовского поселения.

Были закончены раскопки Еловского I поселения (рис. 27—9), на котором в 1958 г. вскрыта площадь 976 кв. м. Изучено 8 полуземлянок; всего с двумя открытыми в предыдущем году раскопано 10 жилищ. По форме, размерам и времени они неодинаковы. Так, жилище № 4 аналогично жилищам № 1 и 2, исследованным в 1957 г., т. е. оно четырёхугольной формы (около 6 × 5 м). Предметы, найденные в нем, относятся к ананьинской эпохе. Для объяснения этого факта напрашивается мысль, что здесь в свое время находилось очень бедное жилище эпохи бронзы, впоследствии использованное ананьинским населением.

Жилище № 3, также четырёхугольное, представляло собой неглубокую полуземлянку размером 7 × 6 м; в нем находился открытый очаг-коптище. Здесь найдены обломки тонкостенной керамики с растительными примесями в глине и с обычным орнаментом в виде поясков из наклонных зубчатых отпечатков. Наконечники стрел принадлежат трем типам: с усеченным основанием, миндалевидные и с треугольным черешком и двумя шипами, т. е. по форме довольно близки сейминским. Обнаружены оригинальная сверленная булава, хорошо отшлифованная, плоская, линзовидная в сечении, и кусочки меди.

Остальные жилища, кроме восьмого и девятого, аналогичны третьему по форме и культурным остаткам.

Жилище № 8 (7 × 6 м) — четырёхугольной формы; выход — в северном углу, прокаленный очаг отсутствует. У одной из стен обнаружена яма с сосудами. По находкам оно датируется более поздним периодом: плоскодонные сосуды в форме горшка, диаметром не более 20 см, с тонкими стенками и тонким, частью прочерченным орнаментом приближаются к керамике Ерзовского поселения, но, по-видимому, несколько древнее ее. Встречены 2 глиняных орнаментированных пряслица с поперечным сечением в виде полулинзы. Здесь же найдены многочисленные кусочки обожженной глины и сланца, каменная литейная форма для плоских прямоугольных кельтов (рис. 28—3) и медно-бронзовый двулезвийный нож архаичной формы (рис. 28—2). Кремневых изделий мало.

Полуземлянка № 9 также четырёхугольная, но очень большая (10 × 11 м) и мало углубленная — почти наземное жилище; по всем этим признакам она принадлежит к ерзовскому типу. Здесь найдены один медный нож и один железный и керамика ерзовского типа, но с еще более ясно выраженными чертами южных связей, что соответствует и более южному положению Еловского поселения. Таким образом, на Еловском поселении представлены 4 разновременных культурных комплекса: эпохи бронзы, предъерзовский, ерзовский и ананьинский.

Неожиданно богатый материал был собран на Турбинском могильнике⁵, который считался почти исчерпанным раскопками А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева.

Был также заложен разведочный раскоп (40 кв. м) на другой стороне Шустовского оврага, в пределах дер. Турбиной, у предполагаемого пункта находки известного бронзового ножа с фигурами трех баранов на навершии. Здесь обнаружена ножевидная, со следами пребывания в огне, пластинка, выполненная в хорошей технике. Эта находка дает надежду на то, что при продолжении раскопок могут быть открыты погребения.

Были закончены четырёхлетние раскопки Ерзовского поселения (рис. 27—12). Соединены первый и второй раскопы площадью 346 кв. м. Дополнительно исследованы жилища, которых оказалось на поселении три. Обнаружен еще один прокаленный глиняный очаг. Встречена керамика типа керамики с ананьинской дюны, а также приближающаяся к типу посуды из Курман-Тау. Из вещей особенно интересна массивная, с двумя петлями-ушками, бронзовая бляха в виде литой фигуры козла; по стилю фигура близка изображениям козлов на тагарских навершиях Южной Сибири, а также из Семиречья (рис. 28—4). Ерзовская бляха найдена между первым и третьим жилищами, сразу под дерном. Эта находка не противоречит датировке поселения первой половиной I тысячелетия до н. э., тем более что, по мнению С. В. Киселева⁶, трактовка рогов и горбатой морды ерзовской фигурки козла говорит об архаизме изображения и позволяет видеть в нем некоторые черты, свойственные изображениям из Базаихи и Горбунова.

Интереснейший комплекс культурных наслоений представляют собой Заюрчимское поселение (рис. 27—13) и некоторые соседние с ним памятники в южных окрестностях г. Перми. На Заюрчимском поселении в 1958 г. были заложены два больших раскопа (рис. 29—1) и проведена длинная рекогносцировочная траншея вдоль поселения (общая площадь — 1180 кв. м). Уточнена стратиграфия этого многослойного поселения, соотношение ранних и поздних слоев: 1) неолитический, 2) гаринский, 3) борский, 4) ерзовский ранний, 5) ерзовский поздний, 6) заюрчимский (предананьинский), 7) ананьинский. Три ранних комплекса — эпохи неолита и бронзы — в последних раскопках уже почти не представлены.

⁵ О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского I могильника. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции, вып. 1, М., 1959.

⁶ При обсуждении моего доклада о результатах экспедиции 1958 г. на Секторе неолита и бронзы ИИМК 13 декабря 1958 г.

Рис. 29. Заюрчимское поселение

1 — часть раскопа на поселении (на переднем плане — темные пятна жилищ);
2 — два скорченных детских погребения в траншее на поселении (после снятия верхнего, третьего).

Раскопками вскрыта часть жилища, углубленного в землю на 0,7 м и шириной (или длиной) 14 м. Контуры его окружены рядом столбовых ямок диаметром в среднем 0,2 м. В жилище оказался большой прокаленный глинобитный очаг, окруженный зольником. Очаг и зольник, судя по находкам, относятся к раннеананьинскому времени, но жилище принадлежит к типу, известному уже в более раннее время; оно близко ерзовским жилищам размерами 14 × 12 м (следует учесть, что описываемое жилище еще не докопано). Возможно, что оно было построено еще в предананьинское, позднезаюрчимское — гамаюнское время, т. е. не позже конца IX в. — начала VIII в. до н. э. Рядом оказалось округлое углубление более древней полуземлянки, форма которой точно не устанавливается. Судя по керамике борского типа и крупному каменному молоту с перехватом, эта полуземлянка относится к

концу II тысячелетия до н. э., т. е. к борскому этапу турбинской культуры. В разрезе стенок траншеи видны следы еще двух жилищ раннеананьинского времени.

Таким образом, на Заюрчимском поселении установлен тип раннеананьинских жилищ — больших, близких к квадрату, слабо углубленных в землю домов с прокаленными глинобитными очагами. Эта форма не имеет ничего общего с формой жилища, реконструированного на Концгорском селище А. В. Збруевой⁷, но тесно связана с более ранними формами ерзовского типа и, далее, местных жилищ эпохи бронзы. С заюрчимским типом раннеананьинских жилищ хорошо связываются и четырёхугольные жилища гляденовского времени, изученные В. Ф. Генингом на соседнем Федотовском городище⁸.

В той же длинной траншее на Заюрчимском поселении, в ее центральной части, на глубине 0,3—0,5 м обнаружены 3 детских скелета хорошей сохранности, в скорченном положении, на правом и на левом боку, ориентированные головой на север и юг. Погребения были помещены в тесную ямку (может быть, ящик?) размером примерно 0,6×0,5 м; 2 скелета лежали рядом внизу (рис. 29—2), третий помещался сверху, непосредственно на них. Среди костей найдены обломок обработанного костяного стержня и железный стержень (впрочем, оба эти предмета могут происходить и из перекрывающего культурного слоя). Над погребениями оказалось много мелких, пережженных, неопределимых косточек. Скелеты залегали в основном ананьинском слое; следовательно, они не древнее ананьинской эпохи. Для более точной датировки их объективных оснований нет.

Были произведены рекогносцировочные раскопки еще на 3 памятниках, близких комплексу раннего железа Заюрчимского I поселения. Так, на соседнем Заюрчимском VI селище вскрыта площадь в 28 кв. м; обнаружена предананьинская керамика заюрчимского типа, но не с круглой, а угловатой ямкой в орнаменте. На соседнем Заосиновском IV селище собрана ананьинская керамика и вместе с ней — обломки человеческих черепов; это позволяет предполагать здесь погребения.

В связи с результатами раскопок на Заюрчимском I и соседних ему поселениях особый интерес приобретают итоги разведок, произведенных в том же районе Г. И. Власовым. Им пройден 40-километровый маршрут вдоль водораздела между Верхней и Нижней Мулянками, по р. Юрчиму, к востоку от с. Нижние Муллы, в Верхнемуллинском районе, в черте г. Перми. Среди обследованных здесь 15 новых памятников два предананьинских или раннеананьинских — Заюрчимские VIII и VI селища, которые служат важным дополнением к синхронным памятникам заюрчимской группы. Кроме них, по этому маршруту открыто еще 10 ананьинских селищ, два гляденовских и насыпанный из глины курган у дер. Шумки.

Все перечисленные памятники расположены между Заюрчимским I поселением, Гляденовским костыщем и Федотовским городищем и в соединении с ними и несколькими другими пунктами, известными здесь раньше, образуют интереснейшую, единственную в своем роде группу ананьинско-гляденовских памятников.

В том же районе, но еще ближе к г. Перми, на правом берегу р. Верхней Мулянки, в 1,5—2 км к юго-востоку от с. Верхние Муллы были проведены раскопки на давно известном Субботинском I городище (рис. 27—16)⁹.

⁷ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30, 1952, стр. 216.

⁸ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, рис. 34.

⁹ На опубликованной нами археологической карте Средней Камы (О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 70, 1957, рис. 18) ошибочно дана обратная порядковая нумерация Субботинских городищ.

Культурный слой мощностью 0,2—0,4 м в центре городища и до 0,6—1,2 м у северо-западного склона, на краю оврага, хорошо подразделяется в этом последнем пункте на 2 слоя: нижний включает материалы раннеананьинской, а верхний — позднеананьинской культуры. Это дает возможность впервые на одном памятнике стратиграфически расчленить более ранний и более поздний этапы развития ананьинской культуры в этих районах.

В 3 раскопах (196 кв. м) найдены остатки 4 открытых очагов из обожженной глины со значительными скоплениями угля вокруг них. Обнаружены также 2 небольших углубления культурного слоя, из которых одно — почти правильной прямоугольной формы. У вала открыта хозяйственная округлая яма, глубиной 0,35 м, заполненная костями животных.

На городище найдены остатки железных предметов, каменные песты и обломки зернотерок, многочисленные кости животных, костяные наконечники стрел, фигурка из обожженной глины, медная, позднеананьинского времени бляшка с ложновитым орнаментом. В верхней части культурного слоя встречается позднеананьинская керамика с примесью толченой раковины в тесте, украшенная зубчатым и нарезным орнаментом; в нижней части — раннеананьинская керамика без примеси раковины в глине, со шнуровым и зубчатым орнаментом, по форме и орнаменту отчасти напоминающая сосуды позднего комплекса Ерзовской стоянки.

Таким образом, уже сейчас среди поселений Средней Камы и, в частности, в юго-западных окрестностях Перми известно несколько новых, своеобразных памятников, связывающих ананьинскую культуру с борским этапом турбинской культуры. Недостававшие звенья этой цепи следующие: 1) нижний слой Ерзовского поселения; 2) верхний доананьинский слой Ерзовского поселения; 3) предананьинские слои Заюрчимских поселений.

В том же районе, 300—400 м к юго-востоку от с. Баш-Култаево, на правом берегу р. Нижней Мулянки исследовалось городище Алтен-Тау (рис. 27—17), защищенное с напольной стороны двумя валами (внутренняя площадь его равна 4800 кв. м). В расчете на исследование поселения ломоватовской культуры здесь в трех раскопах вскрыли площадь до 282 кв. м. Собран обширный материал¹⁰.

Примерно к тому же, т. е. к ананьинскому и ломоватовскому времени относится и двуслойное Больше-Никольское I городище (рис. 27—18), близ г. Осы, раскопки которого начаты экспедицией в 1956 г. В 1958 г. здесь вскрыто 304 кв. м (3 раскопа и 1 траншея). В нижнем культурном слое толщиной не более 10 см во всех раскопах встречена керамика ананьинской культуры — «воротничками», шнуровым и зубчатым орнаментом. В этом же слое найдены фрагменты керамики зауральского усть-полуйского типа с прочерченным, ногтевым и прямоугольным штамповым орнаментом, но без примеси талька к глине. Из ананьинского слоя происходят также костяные наконечники стрел, глиняная статуэтка, железные ножи с горбатой спинкой, костяной амулет, медное четырёхгранное шило, круглая медная бляшка раннеананьинского типа, крупные плиты от зернотерок.

В основном (верхнем) культурном слое найдена керамика ломоватовского типа в форме невысоких чаш, без примеси раковины к глине, со следами обработки внутренней поверхности сосудов жестким предметом (щеткой или пучком травы?), с ямочным, нарезным и коротким зубчатым орнаментом. Венчик сосудов украшен защипами и нарезками по краю. Встречаются фрагменты с одним ямочным орнаментом, очень напоминающие позднюю керамику бахмутинской культуры в Северной Башкирии. Крупные сосуды ломоватовского комплекса не орнаментированы. Из верхнего же слоя происходят костяные наконечники стрел, обломки железных

¹⁰ Е. Н. Черныш. Городище Алтен-Тау. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции, вып. 1. М., 1959.

предметов и пр. На городище зафиксированы несколько очагов и хозяйственных ям, а также неглубокая канавка и несколько столбовых ям; возможно, что часть этих деталей принадлежала наземному жилищу, подобные которому изучены экспедицией севернее, выше устья р. Чусовой.

Произведены раскопки на ананьинском селище Гремяча, открытом в 1956 г. на правом берегу р. Тулвы, близ г. Осы (рис. 27—20). Как выяснено шурфовкой и распространением подъемного материала, поселение занимало очень большую площадь — до 20 000 кв. м. В 1957 г. на нем был заложен разведочный раскоп в 16 кв. м, а в 1958 г. вскрыто 240 кв. м. Культурный слой селища, распаханный сверху, подразделяется на 2 горизонта; верхний, более светлый, толщиной 15—30 см, содержит много ананьинской и частью гляденовской керамики, костяных трёхгранных наконечников стрел, костей животных и пр.; нижний слой, более темный, толщиной всего 10—20 см, характеризуется ананьинской керамикой более раннего типа и менее богат находками.

В толще обоих слоев располагаются многочисленные и относительно мощные прослойки белесоватых зольников почти без находок. Были прослежены также ямы, частью заполненные разбитыми гальками, частью — костями домашних и диких животных, среди которых предварительно определены медведь и бобр. Ямы с галькой и костями находились всегда близ очажных пятен, расположенных рядами.

Памятник весьма сложный, еще далеко не выясненный. Наряду с бытовыми, здесь можно предполагать и жертвенные комплексы. Материал очень богат и разнообразен. Кроме различных керамических изделий (рис. 30) и многочисленных костяных стрел — трёхгранных (рис. 31—4, 5), более крупных и плоских (рис. 31—6, 7), встречено немало сложных резных изделий из кости и рога (рис. 31—9—13).

Неподалеку, в 400 м на северо-запад от селища, на огороде сельской школы, на левом берегу Гремячего ручья обследовано второе Гремячинское селище, занимающее площадь около 15 000 кв. м. Обследование показало, что оно было заселено в то время, когда кончило свое существование первое Гремячинское селище, т. е. в конце ананьинской — начале гляденовской эпохи. Найденная здесь керамика близка отчасти кара-абызской, отчасти — керамике ананьинских городищ бассейна Вятки.

Ананьинский слой оказался и на Калиновском городище (рис. 27—24), на котором в двух раскопах вскрыто 188 кв. м. Это большое городище, расположенное ниже с. Елово, снабжено сильной системой укреплений: площадка его лежит на двух естественных террасах, усиленных подсыпкой склона и сооружением вала. Нижний, ананьинский слой городища в некоторых углублениях достигает мощности 1,3 м. В этом слое залегает керамика с «воротничками», толстостенная, крупных размеров, с примесью крупно толченой раковины к глине, с бедным шнуровым и ямочным орнаментом; форма ямочных отпечатков чаще косая и треугольная, реже круглая. В целом эта керамика аналогична керамике ананьинского времени в Северной Башкирии и принадлежит кара-абызскому варианту ананьинской культуры. В этом же слое встречены железные ножи с горбатой спинкой, костяные наконечники стрел трапециевидного сечения, костяные амулеты, железное шило, игрушечный сосудик, каменные песты, кости животных, рыб и пр. Обнаружена часть большого канавообразного углубления шириной 4 м и глубиной до 1,2 м, с большим очагом из обожженной глины и скоплением находок. Видимо, эта продолговатая естественная впадина на площадке использовалась для устройства жилища. Возможно, что на Конецгорском селище отмечено аналогичное явление.

Не менее интересны находки в верхней части культурного слоя городища. Они состоят прежде всего из своеобразных невысоких, сделанных из глины с примесью мелко толченой раковины, открытых чаш с тонкими стен-

ками, резким перегибом венчика и иногда наlepным валиком внутри; цвет красновато-серый, орнамент встречается редко, преимущественно в виде резко выделяющихся ямок. Из этого же слоя происходят обломки железных предметов и кости животных. Описанная керамика не находит аналогий среди известных нам камских комплексов. Вероятно, она относится к наиболее позднему, послеломоватовскому времени и поэтому очень интересна.

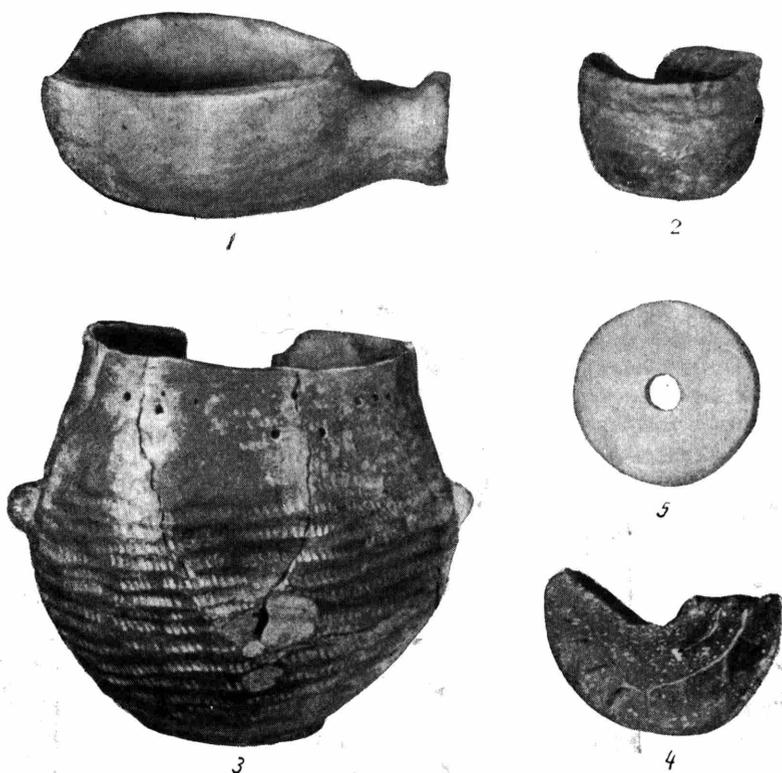

Рис. 30. Находки с селища Гремяча.

1 — тигель; 2 — маленький сосудик; 3 — сосуд с ручками; 4 — грузило; 5 — каменное пряслице.

В 0,5 км к востоку от городища, на пологом левом берегу р. Калиновки обнаружено селище позднеананьинского времени, одновременное нижнему слою городища.

Таким образом, в 1958 г. количественно преобладали памятники эпохи железа, как это и было намечено в общем плане работ экспедиции. Особенно многочисленными оказались поселения ананьинского времени: раскопками и разведками 1958 г. затронуто 24 ананьинских поселения. Такое обилие ананьинских памятников, непосредственно и органически смыкающихся с предананьинскими и гляденовскими, выделяет Среднее Прикамье как одну из наиболее заселенных областей распространения ананьинской культуры; при этом по своим особенностям среднекамские памятники могут быть выделены как особый, среднекамский вариант ананьинской культуры¹¹.

Наиболее интересным результатом изучения ананьинских памятников в 1958 г. следует считать установление несомненной связи наиболее южных

¹¹ В. А. Оборин. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 38.

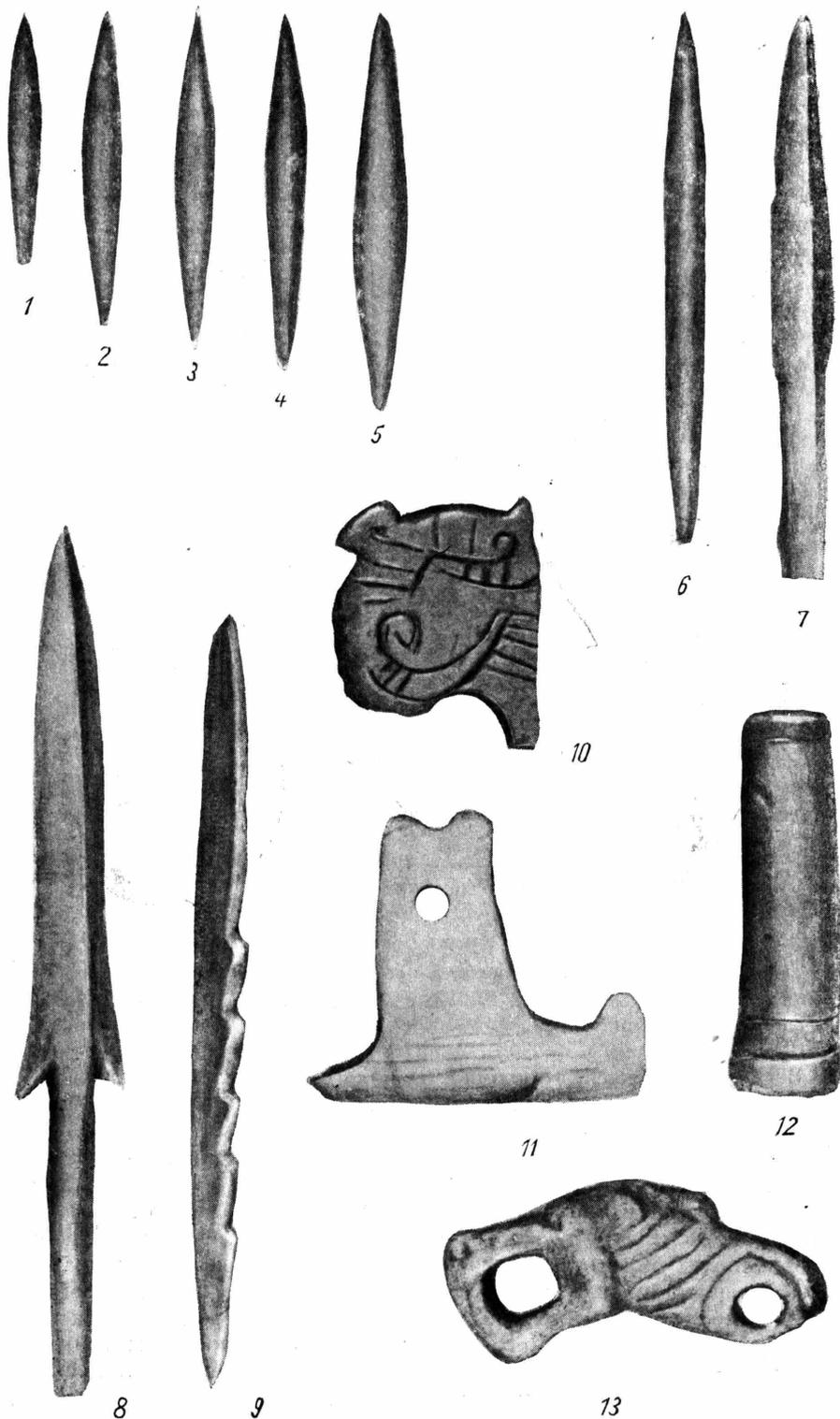

Рис. 31. Костяные изделия с селища Гремяча.

1—8 — наконечники стрел; 9 — гарпун; 10 — обломок изделия с орнаментом; 11 — обломок изделия; 12 — втулка, 13 — фигурное изделие.

Калиновского городища и Калиновского селища в Еловском районе с карабызскими памятниками Северной Башкирии. Керамика того же, карабызского, типа найдена при раскопках Еловского I поселения.

Для более позднего времени в верхнем слое Больше-Никольского I городища обнаружен керамический комплекс бахмутинской культуры I тысячелетия н. э.¹²; таков же и культурный облик Верх-Рождественского и Поздышкинского городищ в том же районе, исследованных в 1957 г. Эти факты позволяют ставить вопрос о заселенности Среднего Прикамья бахмутинскими племенами в позднемоловатовское время.

В связи с проблемой происхождения ломоватовского и более позднего населения Средней Камы были проведены некоторые ботанические обследования в районах между Осой и Кунгуром, в бассейне р. Тулвы. Они выполнены ботаником Э. Э. Аникиной (Пермь), проделавшей маршрут около 1000 км вдоль р. Тулвы и ее притоков, по западному водоразделу тулвинского бассейна, соседнему с Еловским и Больше-Усинским районами, по восточному водоразделу между притоками Тулвы с одной стороны, Бабки и Ирени — с противоположной, с заходом в сторону южного водораздела, от которого в р. Белую текут Быстрый Танып и Буй. Выяснилось, что, кроме двух-трех групп луговых ассоциаций Прикамья и двух полос тайги на восточном и западном водоразделах (с травянистым пологом широколиственного леса), где отсутствуют степные элементы, — все остальные типы растительности связаны со степью или лесостепью. Так, в редицах, на полянах, по лесным опушкам вдоль троп и дорог — везде присутствуют вишня степная, клевер горный, дрок красильный и другие степные и лесостепные виды. Леса на южных склонах разрезаются и прерываются кустарниковой или луговой степью, которой окружены и культурные поля, занимающие 70% всей площади. Особенно интересны сосново-дубовые леса крутых правобережных склонов Тулвы со степным пологом трав. Также остепнены и другие светлые леса — дубовые, березовые, сосновые. Более тенелюбивые леса — липовые, кленовые, ореховые с пихтой и елью — включают большую долю бетулярных элементов со степняками на осветлении лесного полога. Еще более велико участие степных элементов в ландшафтах луговой формации; здесь, кроме группы лугов, испытывающих влияние поемного фактора, остепнение сказывается везде.

Таким образом, установленные в бассейне Тулвы многочисленные реликты степной и лесостепной растительности позволяют предполагать развитие здесь степного ландшафта в прошлом, в периоды с более теплым и сухим климатом, как ксеротермический период I и ксеротермический период II¹³, когда открытый ландшафт этих районов способствовал проникновению сюда из южных степей Приуралья скотоводческих, возможно, и полукочевых племен.

Следует особо отметить, что среди лугово-степных и степных видов в бассейне Тулвы, по данным Э. Э. Аникиной, 20 видов имеют сибирский ареал, более или менее далеко проникающий в Европу в пределах степи и лесостепи и, только семь — европейский ареал, недалеко заходящий в Сибирь или совсем не проникающий в Зауралье. Такое соотношение здесь сибирских и европейских элементов весьма значительно; оно служит еще одним доводом в пользу высказанной мной гипотезы о существовании одновременного изолирующего фактора, своего рода барьера между Восточной Европой и Уралом по линии Дон — Каспий, в силу чего Приуралье и даже Поволжье по многим фито- и зоогеографическим, а частью и истори-

¹² В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

¹³ О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. 1950.

ческим признакам оказались в конце плейстоцена западной окраиной Сибирского мира ¹⁴.

Наконец, результаты ботанического обследования Э. Э. Аникиной интересны и в том отношении, что упомянутые 7 видов степной и лесостепной флоры европейского ареала (вишня степная, дрок красильный, астра степная, клевер горный, яминник красильный, поповник щитковый) большинством флористов рассматриваются в Приуралье как молодые, голоценовые мигранты. Более того, исследуя указанную группу флористических элементов, Ю. Д. Клеопов приходит к крайне интересному для историка-археолога заключению, что «совокупность всех данных заставляет отстаивать существование в постгляциале второго сухого суббореального периода на территории Восточной Европы» ¹⁵. Этот важный вывод может быть подтверждением существования ксеротермического периода II в начале нашего летоисчисления ¹⁶. Еще одним доказательством правильности выдвинутого нами положения о ксеротермическом периоде II служат последние исследования донных отложений озер области Урала; при этом озероведы, используя упомянутую нашу работу, принимают содержащуюся в ней номенклатуру: ксеротермический период I и ксеротермический период II ¹⁷.

Выводы, к которым приводят результаты ботанического обследования, позволяют, следовательно, реконструировать обширные районы древних степей и лесостепей между Кунгуром и Осой, по которым скотоводческие угорские племена в раннеломоватовское время, в IV в. н. э., т. е. на протяжении ксеротермического периода, II проникнув из степей Южного Приуралья на их северную окраину, прошли через территорию современной Башкирии, через Красноуфимскую и Кунгурскую степи еще дальше на север — по Сылве, Чусовой и Каме и на запад — на Среднюю Каму; здесь в результате этого движения возникли памятники типа Качкинских курганов и огромного, почти пустого Больше-Никольского II городища.

В соединении с данными выполненных экспедицией в том же районе антропологических обследований изложенных палеогеографические заключения усиливают нашу аргументацию в пользу принадлежности позднейших среднекамских городищ и селищ именно угорскому, а не какому-либо иному населению ¹⁸.

¹⁴ О. Н. Бадер. Некоторые проблемы первобытной истории Урала. Уч. записки Пермского государственного университета, т. XI, вып. 3, 1956.

¹⁵ Ю. Д. Клеопов. Основные черты развития флоры широколиственных лесов Европейской части СССР. Материалы по истории флоры и растительности СССР, т. I. 1941.

¹⁶ B. Visnyevszkij. Ugorok nyomai az Ural hergyzéd nyugati oldalán. «Ethnographia», 1958, I, Budapest; его же. Следы угров на Западном Урале. Уч. Зап. Пермск. ун-та, т. XII, вып. 1, 1960.

¹⁷ А. И. Дзэнс-Литовский. Палеогеографическая стратификация донных отложений озер и торфяных болот СССР. Труды лаборатории озероведения АН СССР, т. V. 1957; А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. Записки Географического общества СССР, новая серия, т. 16, 1957 и др.

¹⁸ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. записки Пермского государственного университета, т. IX, вып. 3, 1953. Некоторые интересные данные по этому вопросу есть и в законченной в 1958 г. старым осинским краеведом Ф. И. Петровых сводке собранных им по заданию экспедиции материалов по топонимике Прикамья.

Е. Е. КУЗЬМИНА

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА ЭМБЕ В 1958 ГОДУ¹

В 1958 г. было начато систематическое обследование территории по течению р. Эмбы, которая служит границей Европы и Азии. Район работ экспедиции представляет собой сухую ковыльно-разнотравную степь с щебенчатыми почвами, а на правом берегу — местами пески (Кум-Жарган, Кок-Жиде). Постепенно в нижнем течении Эмбы степь переходит в полупустыни и пустыни Прикаспийской низменности, и река превращается в цепь соединенных протоками озер². Ни у античных авторов, ни у китайских путешественников, ни у арабоязычных писателей и географов не содержится почти никаких данных о народах, населявших эту область.

Между тем коридор между Каспийским морем и Уральскими горами, восточной границей которого была р. Эмба, с глубокой древности служил ареной важнейших исторических событий, зоной стыка различных культур и этнических групп. В энеолите по Эмбе проходила граница ямной и позд-некельтеминарской культуры. В эпоху бронзы на этой территории осуществлялся контакт андроновской, срубной, а возможно, и тазабагъябской культур; эта территория была местом, где сталкивались волжско-уральские племена савроматов, массагеты, саки, аланы и др. В дальнейшем этот район стал полем деятельности тюркских племен; здесь прошли монголы, и, наконец, происходило сложение части групп казахского населения. Поэтому археологическое обследование данной территории имеет очень большое значение не только для изучения Западного Казахстана, но и для воссоздания истории всей евразийской степи.

Однако вплоть до настоящего времени систематического археологического изучения бассейна р. Эмбы не проводилось. Сведения, которые можно почерпнуть в дореволюционной литературе, касаются лишь очень немногочисленных средневековых памятников³. В советское время геологическими экспедициями были собраны материалы неолитической эпохи в песках на правом берегу, по среднему течению р. Эмбы⁴, а с нижней Эмбы доставлена

¹ Отряд работал с 16 по 31 мая 1958 г. (Е. Е. Кузьмина — начальник отряда, А. М. Мандельштам — научный сотрудник).

² А. Гаэль, М. Коликов, Е. Малюгин, Е. Останин. Пески Урало-Эмбинского района и пути их освоения. Труды Института пустынь АН Казахской ССР, Алма-Ата, т. I, 1949; т. II, 1950.

³ Галкин. Этнографический и исторический материал по Средней Азии и Оренбургскому краю, 1869, стр. 169; В. Григорьев. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости. Записки РГО, 1881, кн. 2, стр. 112; Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XIX, 1908, стр. 56; И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 88—95, табл. II, 4.

⁴ Сборы Б. Самодурова и В. Пономарева. См. А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 144; сборы Б. Борнемяна, И. Ларина, И. Герасимова (МАЭ, коллекция 3438/II 9/5).

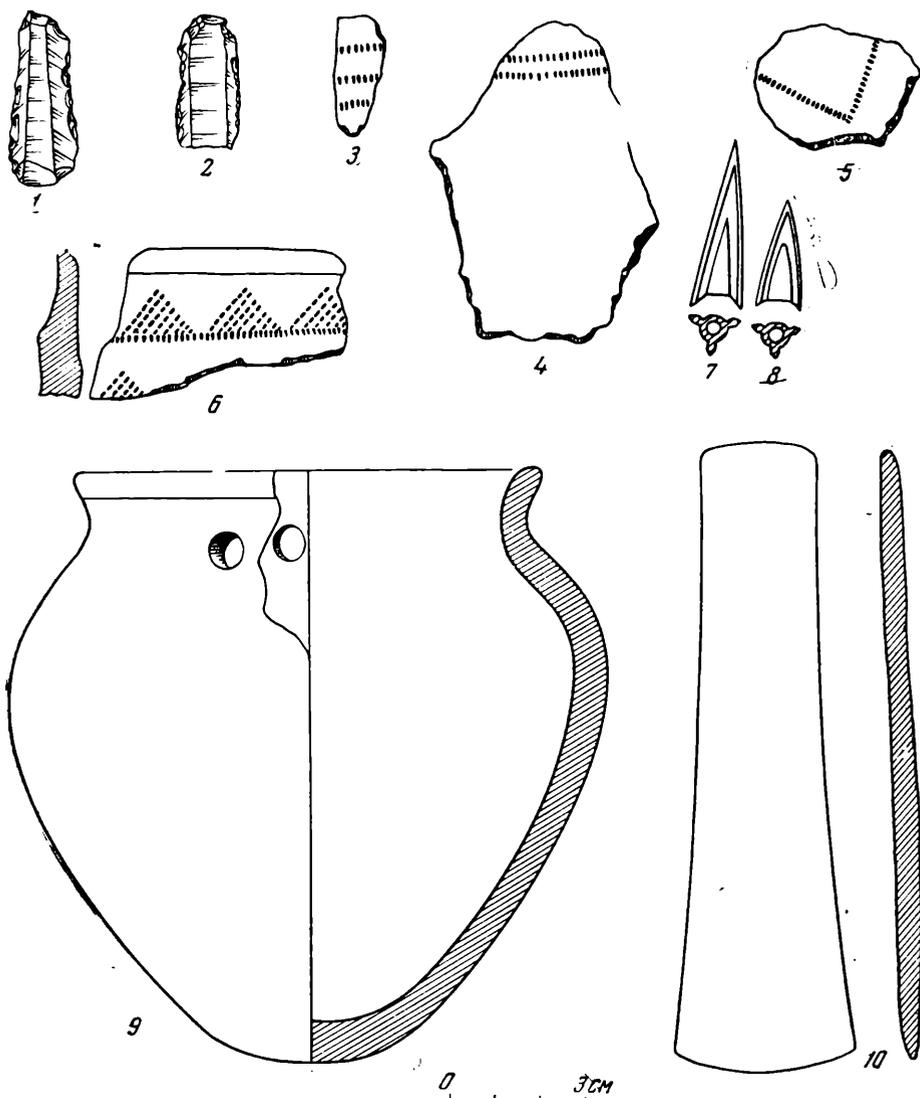

Рис. 32. Находки с берегов р. Эмбы.

1, 2 — кремневые орудия (1 — Ак-Кудук, 2 — Теректы-сай); 3—6 — фрагменты керамики и 10 — медное тесло (Эмба II, курган № 3); 7, 8 — бронзовые наконечники стрел и 9 — сосуд ямного типа (Низовья р. Эмбы).

коллекция, содержащая сосуд ямного типа и 38 савроматских стрел (рис. 32—7—9)⁵. В 1950 г. по нижнему течению р. Эмбы велись кратковременные работы Хорезмской экспедицией, открывшей у с. Кулакши поздненекельтеминарские стоянки⁶. В 1955 г. верхнее течение р. Эмбы на небольшом участке до аула Шенгель-Ший было охвачено разведкой В. С. Сороки-

⁵ Государственный Эрмитаж, отдел истории первобытной культуры № 1897; Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Вестник Центр. музея Казахстана, 1930, № 1, карта.

⁶ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 года, СА, XVIII, 1953, стр. 305, 306, рис. 3; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, 1958, стр. 16.

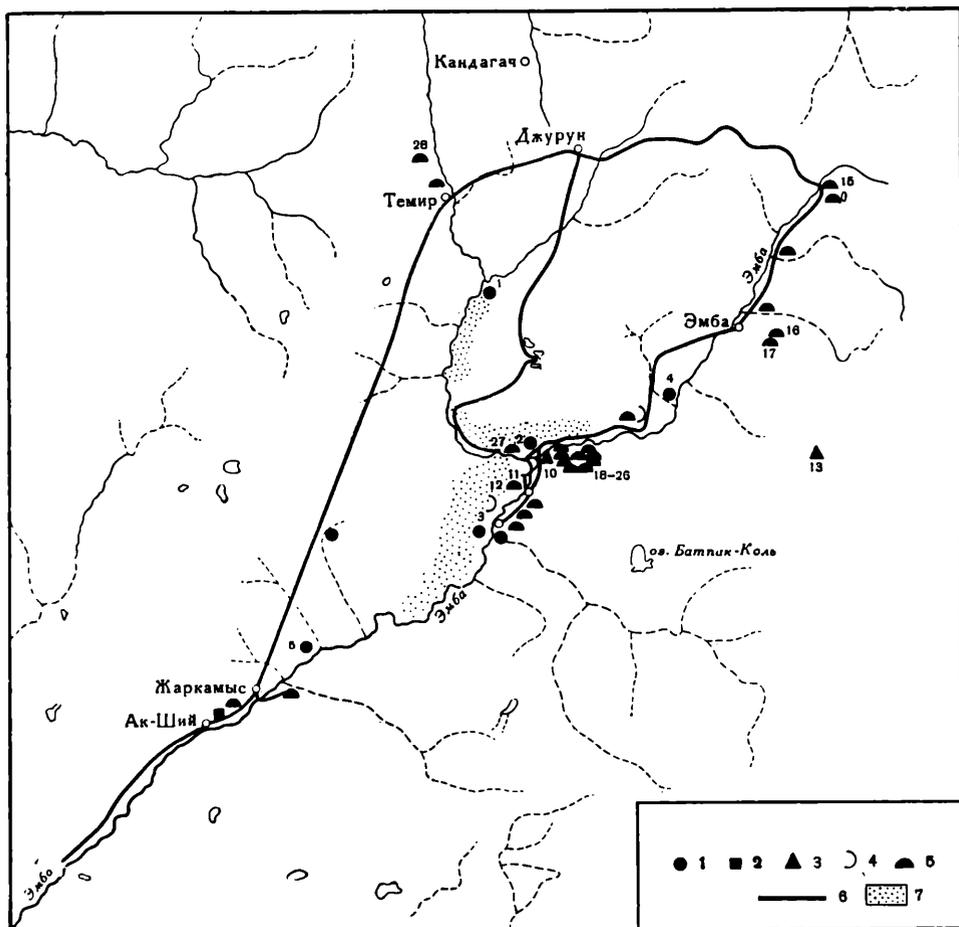

Рис. 33. Схематическая карта разведочного маршрута по Эмбе,

1 — памятники неолита; 2 — бронзового века; 3 — скифского времени; 4 — средневековье; 5 — курганы; 6 — маршрут; 7 — пески.

на, которым зарегистрировано несколько курганов⁷. Однако все работы носили случайный характер, и материал об этом интереснейшем районе отрывочен и ничтожен. В связи с этим на пленуме ИИМК 1958 г. было внесено предложение об организации Эмбинской экспедиции.

Экспедиция прошла разведочный маршрут около 1000 км вдоль по реке, начиная от поселка Михайловка, Джурунского района, Актюбинской области, до аула Акчий, Байганинского района. Обследованы также окрестности озер Батпак-Коль, Куйгень-Куль и Жарык-Коль и пройден маршрут до Джуруна через Ак-Кудук и Темир (рис. 33). Открытые памятники, как правило, тяготеют к воде и распространены, главным образом по берегам самой Эмбы в меридиональном направлении; в широтном направлении — по берегам притоков Эмбы, в том числе и на Темире — они почти не встречаются; в открытой степи их нет совсем.

Во время разведочного маршрута экспедицией зарегистрирован ряд памятников различных эпох. Среди них — 2 пункта находок кремневых орудий (рис. 32—1, 2) — Ак-Кудук (№ 13)* и Теректы-сай (№ 16); остатки

⁷ В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-запада Актюбинской области. КСИИМК, вып. 71, 1958, карта маршрута.

* Здесь и далее номера в скобках соответствуют номерам на карте (рис. 33).

разрушенного поселения, относящегося,— по собранным там фрагментам лепной керамики с характерными штрихами заглаживания поверхности,— к эпохе бронзы (№ 18); каменные выкладки (№ 17), которые, судя по характеру каменных сооружений соседних районов, предположительно могут быть отнесены к тюркскому времени (VI—VIII вв. н. э.)⁸. Однако основную массу обследованных экспедицией памятников составляют курганы и курганные группы. К сожалению, судить об их времени и характере только на основании их расположения и внешнего вида трудно. Все же сопоставление различных данных позволяет высказать некоторые предположения о типах курганов, встреченных экспедицией при разведке на р. Эмбе.

Тип I. Курганы округло-конической формы, среднего диаметра, высотой около 1,5 м, с насыпью из земли и камня или чисто каменной (камень колотый). Эти курганы часто расположены в одиночку (№ 1, 2, 9, 11, 12 и 15)⁹. По-видимому, большая часть их может быть отнесена к средневековью. В пользу этого предположения говорит и характер насыпи,— не оплывшей, не обрушившейся, не задернованной, покрытой молодыми лишайниками,— и то, что у местного населения сохранились воспоминания о похороненных здесь лицах.

Тип II. Курганы усеченно-конические, с покатыми склонами и уплощенной вершиной, в большинстве случаев окруженные рвом. Размеры курганов этого типа сильно варьируют: от 10—24 м в диаметре до 80 м. Несмотря на уплощенность вершины, они обычно довольно высоки — не менее 0,5—1 м, а часто значительно выше. Насыпи их земляные, в основании некоторых курганов иногда проступают камни — валуны. Обычно северный склон более крутой, чем южный. Эти курганы всегда расположены довольно большими группами на наиболее возвышенных участках вдоль берега Эмбы и вытянуты в цепочку с севера на юг (№ 3, станция Эмба 2; № 5, Саптугай; № 8, Жана-Жол). Особо интересен среди курганов этого типа могильник Саптугай, расположенный на высоком мысу, на правом берегу Эмбы, при впадении в нее Ащи-сая. Могильник состоит из десятка курганов средней величины, группирующихся вокруг огромных курганов (рис. 34), диаметром 50—80 м и высотой от 2 до 3,65 м¹⁰. Своим расположением в меридионально вытянутые цепочки эти могильники напоминают многочисленные курганные группы, относящиеся к сако-скифско-усуньскому времени в широком смысле этого слова.

В Западном Казахстане к началу эпохи ранних кочевников, синхронной савроматской ступени сарматской культуры Приуралья, относятся небольшие и очень крупные (до 3—4 м высотой) курганы с земляными насыпями, из подошвы которых торчат валуны внутреннего кольца и забутовки могильной ямы¹¹. А. Х. Маргулан отмечает, что в Центральном Казахстане для скифо-сарматского времени характерны курганы, вытянутые цепочками с севера на юг, с большим курганом в центре группы, повторяющие планировку кибиток в ауле. Насыпи земляные, иногда с камнями в основании, окруженные глубокими рвами с перемычкой в восточной части; вершина всегда уплощена. Таковы курганы Кара-агаш, Ботагара, Бес-Оба и другие¹².

⁸ См., например, Е. И. Агеева, К. А. Акишев. Археологические исследования Института истории в 1954 г. Вестник АН Казахской ССР, 1954, № 11, стр. 69; К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции в 1954 г. Труды Института истории АН Казахской ССР, т. I, 1956, стр. 29.

⁹ Шестой тип по классификации И. А. Кастанье. (Указ. соч., стр. 324).

¹⁰ По классификации И. А. Кастанье, это 2—5-й типы. (Указ. соч., стр. 332, 323).

¹¹ Б. Н. Граков. Краткий отчет о проведении археологической экспедиции 1930 года по течению р. Ори. Архив ИИМК, № 207; е г о ж е. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. 110, 1935; И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 66.

¹² А. Х. Маргулан. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) в 1947 г. Изв. АН Казахской ССР, вып. 2, 1950, стр. 5—8.

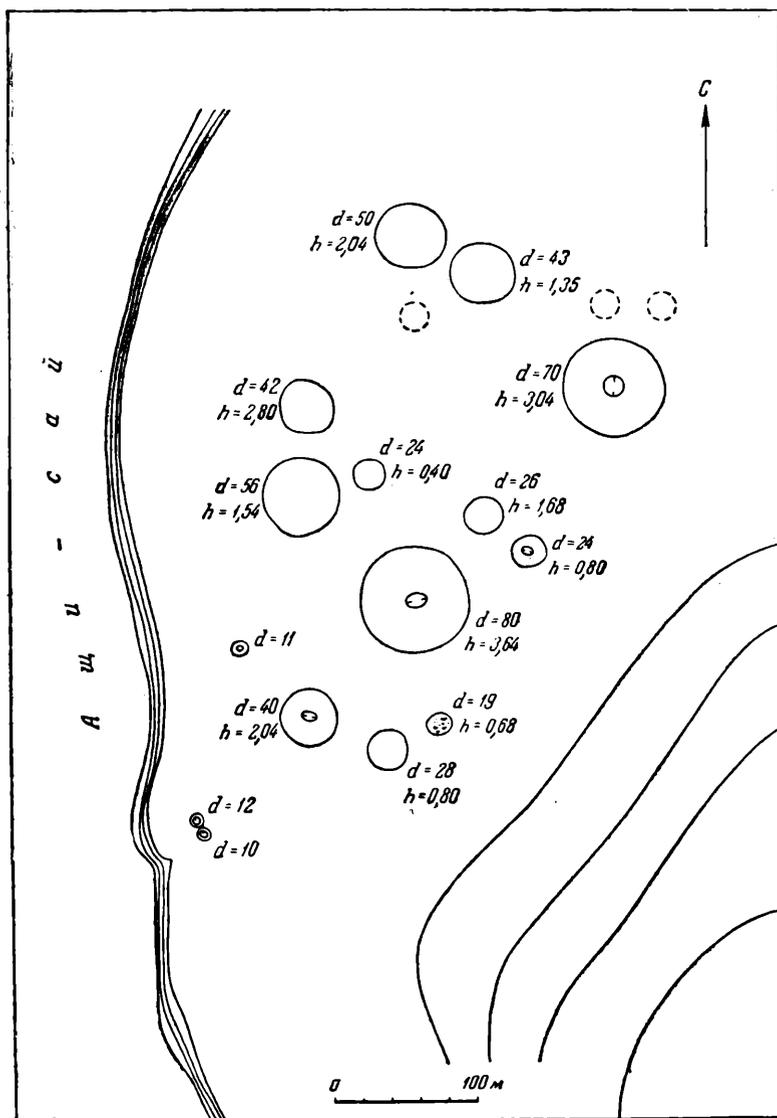

Рис. 34. Курганная группа Саптугай. Схема расположения курганов.

В более восточных районах могильника, вытянутые в цепочку с севера на юг, с небольшими курганами, группирующимися иногда вокруг очень крупных, с насыпью, сложенной из земли, с каменным кольцом и каменной забутовкой в основании,— характерны для усуньской эпохи¹³.

¹³ См., например М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1936, № 3, стр. 163—177; А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. Изв. АН Казахской ССР, вып. 1, 1948, стр. 80, 81; его же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Изв. АН Казахской ССР, вып. 2, 1950, стр. 70—72; Л. Я. Маловицкая. Тамлинский курганный могильник. Изв. АН Казахской ССР, вып. 2, 1949, стр. 119; Г. И. Пацевич. Отчет об археологической разведке в Джуваляинском районе Южно-Казахстанской области. Изв. АН Казахской ССР, вып. 1, 1948, стр. 92, 95; Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Отчет о работе Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 году. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. I (А-А), 1956, стр. 46; Е. И. Агеева, К. А. Акишев.

Указанные аналогии позволяют и Эмбинские курганы этого типа отнести к эпохе ранних кочевников.

Тип III. Курганы сегментовидной формы с сильно оплывшими склонами. Иногда с одной-двух сторон видны западины, образовавшиеся в результате выемки земли при сооружении насыпи. Некоторые курганы этого типа кажутся несколько асимметричными, по-видимому, в результате досыпки земли над впускными погребениями в материке. Диаметр курганов этого типа обычно равен 8—20 м (один раз — 24 м); высота, даже у больших, весьма незначительна — от 0,2 до 0,6 м, иногда до 0,8 м. Насыпи земляные. Курганы обычно расположены небольшими группами, причем, в отличие от двух предыдущих типов, иногда на 1-й надпойменной террасе, почти в пойме реки (№ 4, станция Эмба 2; № 7, Жана-Жол; № 14, «30 лет Казахстана») ¹⁴. Эти курганы, видимо, могут быть отнесены к эпохе бронзы.

На соседних территориях бронзовая эпоха представлена памятниками нескольких типов. В Челябинской области К. В. Сальников выделяет андроновские погребения в грунтовых курганах ¹⁵; у Оренбурга и на Илеке К. Ф. Смирновым открыты погребения бронзового века в грунтовых курганах, иногда с каменными ящиками внутри. К северо-востоку от этой территории известны погребения и в бескурганных могильниках (Алексеевка), и в грунтовых курганах (Петропавловск), и в каменных оградах (Ефимовка, Боровое) ¹⁶. Близ Орска М. П. Грязновым установлены два типа погребений андроновского времени: курганы с земляной насыпью, обложенной на поверхности камнем (Урал-сай), и каменные кольца (Киргильда, Кунакбай-сай), содержащие синхронный и идентичный материал ¹⁷. Б. Н. Граков, проводивший в 1930—1933 гг. разведки по течению р. Ори, отнес там к андроновскому времени памятники трех категорий: курганы земляные с каменными кольцами или с каменными ящиками и каменные ящики ¹⁸. В. С. Сорокин отмечает на севере Актюбинской области 2 типа могил андроновского времени: курганы с земляной насыпью (Ульке I и II) и каменные кольца (Каргала № 3 и 5, Ак-Жар, Тасты-Бутак, Бугет II), причем наиболее распространены каменные кольца ¹⁹.

Для Центрального Казахстана на основном типичны большие каменные ограды ²⁰.

Сравнение сегментовидных курганов Эмбы с курганами эпохи бронзы более западных и северных областей позволяет и эмбинские отнести, с большой долей вероятности, к эпохе бронзы. Об этом же свидетельствует расположение их на 1-й надпойменной террасе.

Разведочные раскопки кургана № 3 в первой группе у станции Эмба подтвердили правильность этого предположения. Диаметр кургана — 7,5 м, высота — 0,32 м; насыпь на поверхности земляная, с примесью гальки, однако уже в дерновом слое содержалось большое количество крупных камней. Ниже шел слой суглинистого песка с включениями гальки и камней,

Указ. соч., стр. 68, 69; К. А. Акишев. Указ. соч., стр. 28; С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 144 и мн. др.

¹⁴ Первый тип по классификации И. А. Кастанье. (Указ. соч., стр. 322).

¹⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 109; его же. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 51.

¹⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды Института истории и археологии АН Казахской ССР, т. V, 1958, стр. 263, 264.

¹⁷ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казахи», вып. II, Л., 1927, стр. 172—194.

¹⁸ Б. Н. Граков. Краткий отчет о проведении археологической экспедиции в мае — июне 1930 г. по течению р. Ори. Архив ИИМК, № 807; его же. Работы в районе южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. 110, 1935.

¹⁹ В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 78.

²⁰ К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат диссертации. Л., 1953, стр. 4—6.

а под ним была супесь — заполнение могильной ямы. В насыпи найдены бабки, ребра и несколько зубов, принадлежащие, по определению В. И. Цалкина, лошади.

Могильная яма вырыта в материке на глубине 14 м от вершины кургана; по-видимому, форма ее почти квадратная (230 × 230 см), хотя северная стенка прослеживается с трудом. В южной части ямы вскрыты остатки погребения, очень сильно потревоженного несколькими норами сусликов. Несмотря на потревоженность скелета, можно сказать, что покойник был погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на запад, лицом к югу. Здесь же были 2 сосуда: один — перед лицом, другой — за головой погребенного. Первый сосуд, судя по сохранившимся фрагментам, — лепной; тесто — черного обжига, низкого качества, с примесью дресвы и мелких частиц кварца. Наружная поверхность лощеная. Донце плоское, без поддона; венчик прямой, с утолщением к шейке. По венчику нанесен орнамент мелкозубчатым штампом в виде заштрихованных равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх, заключенных между двумя параллельными прямыми. На тулове сосуда в верхней части — орнамент в виде равнобедренных заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх; ниже — две параллельные линии (рис. 32—4, 5).

От второго сосуда сохранились обломки стенки. Тесто — очень слабого обжига, черного цвета, с большой примесью крупных частиц кварца. Один фрагмент украшен орнаментом в виде равнобедренного треугольника, нанесенного мелкозубчатым штампом (рис. 32—6). Перед погребенным было положено медное тесло (рис. 32—10), а у таза найдено несколько мелких плоско-цилиндрических бусин-бисеринков из белой пасты (аргиллита).

К какому же времени может быть отнесено вскрытое погребение? Обряд захоронения, — скорченно, на левом боку, — очень типичен для андроновской культуры; на севере Актюбинской области и в Центральном Казахстане обычна и западная ориентировка²¹. Обычай класть в могилу кости лошади был распространен с самых ранних ступеней андроновской культуры (в курганах с сожжением в Челябинской области, как правило, находят ребра и тазовые кости лошади)²². В более позднее время большей частью клали кости овцы и, реже, коровы — череп и ноги. Но известны погребения, в которых, как на Эмбе, были положены череп, ноги или ребро лошади²³.

Найденная в погребении керамика, к сожалению, слишком невыразительна, чтобы служить твердым основанием для датировки. Мелкие пастовые бусы встречаются в погребениях андроновской культуры повсеместно на всем протяжении ее существования. Таким образом, решающее значение для датировки погребального комплекса имеет тесло (плоский топор) удлиненно-трапециевидной формы (см. рис. 32—10). Оно прекрасно сохранилось, массивно; длина его — 14 см; наибольшая ширина лезвия — 4,3 см, у основания — 2,5 см; толщина — 0,5 см. Основание почти прямое, лезвие слабо изогнуто, боковые грани расширяются к лезвию постепенно. По определению, сделанному Н. В. Рындиной в лаборатории спектрального и структурного анализа на кафедре археологии МГУ, тесло изготовлено из меди с очень незначительными примесями никеля (0,5%), олова (0,5%)

²¹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 173—177; В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 78; К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана, стр. 6.

²² К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 101; К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана, стр. 5.

²³ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, стр. 63; М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 174; А. А. Формозов. Археологические памятники в районе г. Орска. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 120; М. Н. Лентовский. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав, 1928; К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана, стр. 7; Архив ИИМК, № 89; 1911, отчет Ю. П. Аргентовского, стр. 176; А. М. Орзабаев, Указ. соч., стр. 262.

и цинка (0,2%), которые можно считать случайными²⁴. Тесло было отлито, а затем для придания ему окончательной формы и большей прочности обух и лезвие дополнительно прокованы при невысокой температуре. По своим пропорциям тесло с Эмбы можно сопоставить с теслами привольненского этапа бронзового века Кубани, относящегося к 1700—1300 гг. до н. э. по хронологии, предложенной А. А. Иессеном²⁵.

О. А. Кривцова-Гракова считает, что развитие плоских топоров-тесел в Поволжье шло независимо, параллельно и синхронно развитию этой формы на Кавказе. По разработанной ею периодизации материалов срубной культуры тесла, аналогичные эмбинскому, относятся к начальному этапу срубной культуры и являются развитием полтавкинской формы, более широкой и короткой²⁶. Наиболее близки по форме эмбинскому тесло, найденное П. С. Рыковым в погребении № 5 кургана № 12 у Покровска²⁷, и 2 тесла из Царева кургана²⁸.

Особенно широко тесла были распространены в эпоху бронзы на Урале и в Приуралье, что позволило П. Н. Третьякову даже предположить уральское происхождение срубных тесел Поволжья²⁹. К эмбинскому по типу близки тесла из дер. Альменево Чувашской АССР³⁰, из Билярска³¹, из

²⁴ Малое процентное содержание олова и других примесей нельзя объяснить умышленным созданием сплава с учетом функционального назначения орудия, так как обычно ударно-строгальные орудия, к которым относятся и тесла, содержат очень большой процент олова для повышения их твердости (9—12% и больше). См. С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана, СА, XV, 1951, стр. 156, табл. VI.

²⁵ А. А. Иессен. К хронологии больших Кубанских курганов. СА, XII, 1950, табл. XIII, 7, стр. 171; его же. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, 1951, стр. 84, 91, 107, 108, 119, 120; рис. 20, 2; рис. 21, 7. Следует отметить, что тем же временем (1600—1300 гг. до н. э.) датируется и большая серия тесел, аналогичных по форме эмбинскому, происходящих из Луристана (см. S. Ptze w o r s k i. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor. Chr. Internationales Archiv für Ethnographie, Bd. XXXVI, Zeiden, 1939, табл. I, табл. IX, 4, 5, 9. Аналогичное эмбинскому тесло из Сачхаре Б. А. Куфтин относит к средней стадии бронзовой эпохи (Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 13—15, рис. 10, в), а О. М. Джапаридзе — к первой половине II тысячелетия до н. э. (О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, стр. 293, рис. 4). Что касается Передней Азии, то там процесс развития тесел шел независимо; они получили распространение очень рано и с середины II тысячелетия до н. э. уже были полностью вытеснены топорами, формы которых в Передней Азии были очень совершенны и разнообразны (H. V o n n e t. Die Waffen der Völker des Alten Orient. Leipzig, 1926; C. S c h a f f e r. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 30, 87). Простота формы тесла не позволяет сопоставлять казахстанские экземпляры с теслами из Западной Европы; следует только отметить, что процесс развития тесел в Европе шел тем же путем и в те же периоды, что и в более восточных областях (см., например, M o n t e l i u s. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. Stockholm, 1903, стр. 24—26, рис. 18—21, 44, 45; А. М. Tallgren. La Pontide phéscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsingfors, 1926).

²⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 57, 58, рис. 13; см. также А. М. Tallgren. Указ. соч., стр. 174—176, рис. 48, 101.

²⁷ П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае. Изв. Краевого института изучения Южновожской области, т. 1, 1926, стр. 129; его же. Die Chvalinsk Kultur. ESA, I, Helsingfors, 1927, стр. 77, 78, рис. 21, 1; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1935, стр. 74.

²⁸ А. П. Смирнов, А. В. Збруева. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла. ВДИ, 1939, № 4, стр. 193—197, рис. 8, 9; О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 13, 3.

²⁹ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 36, 37, рис. 20.

³⁰ А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового века). ИОАИЭ, т. XVII, вып. 4. Казань, 1901.

³¹ Там же, табл. I, рис. 9, К; А. М. Tallgren. Collection Zausailov. Helsingfors, 1926, табл. III.

Сорочинска, Чкаловской области³², с Верхне-Кизылского городища³³. Эти тесла могут быть отнесены к периоду от XVII до XIII вв. до н. э., хотя следует указать, что тесло с Верхне-Кизылского городища несколько отличается, сближаясь с теслами более позднего времени.

Таким образом, рассмотрение аналогий из сопредельных областей позволяет датировать тесло с Эмбы временем от XVII до XIII вв. до н. э.

При сопоставлении всего погребального комплекса представляется вероятным отнести раскопанный на Эмбе курган к начальному периоду развитой андроновской культуры. Тесло с Эмбы — вторая находка орудий этого типа в погребениях Казахстана. Аналогичное тесло найдено в 1934 г. близ Орска, в погребении, которое сближается с эмбинским, — в нем оказались кости лошади. А. А. Формозов датирует погребение временем развитой бронзы³⁴.

Кроме того, в Западном Казахстане известны тесла из случайных находок в районе Степняка³⁵. А. М. Оразбаев относит их к замараевскому этапу, однако по форме они различны. Однако из тесел служит близкой аналогией эмбинскому и, по-видимому, должно датироваться тем же временем³⁶. При этом следует указать, что на поселении Челкар, где найдено это орудие, наряду с керамикой замараевской, встречена алакульская с уступчиком и даже федоровская, на что указывает и сам автор. Два других тесла, более удлиненных пропорций, с более изогнутым и широким лезвием, сопоставляются с позднесрубными сталинградского типа и теслами костромского этапа; поэтому С. С. Черников, опубликовавший одно из них, и датировал его позднеандроновским временем³⁷. Следует указать, что в Западном Казахстане, наряду с плоскими теслами, применялись четырехгранные в сечении, с небольшой поперечной гранью посередине³⁸, которые М. П. Грязнов считает одной из ведущих форм андроновской культуры³⁹; они очень широко распространены в Центральном и Восточном Казахстане, а также в Киргизии⁴⁰. Вместе с тем плоские тесла в этих районах почти не применялись. Мне известны здесь только 3 экземпляра: из Мало-Красноярки, с р. Майкопчагай и с пункта Степанова⁴¹.

По-видимому, тесла II типа были ведущей формой на всей территории андроновской культуры; в то же время в Западном Казахстане, под влиянием уральского металлургического центра, получили распространение тесла II типа, бытовавшие и развивавшиеся здесь на всем протяжении существования андроновской культуры, причем тесло с Эмбы — первое звено этой типологической цепи.

³² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 113, 4.

³³ К. В. Сальников. Памятники абашевской культуры близ Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, рис. 24.

³⁴ А. А. Формозов. Археологические памятники в районе г. Орска, стр. 120, рис. 32.

³⁵ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана, рис. 2, 10; А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. XI, 9, 10, 11, стр. 275.

³⁶ А. М. Оразбаев, Указ. соч., табл. XI, 9.

³⁷ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз..., стр. 159.

³⁸ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, 1954, рис. 23—4, стр. 44.

³⁹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 211.

⁴⁰ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы...; Джусупов. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 1, 1956; МАЭ, коллекция Белослюдова, № 3211; А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области, табл. I; его же. Проблемы древней истории..., табл. XXXVIII, 88; И. И. Копылов. Пирамидальные курганы Ново-Алексеевского могильника. Уч. записки Казахского пед. института, вып. XV, 1958, табл. I; А. Кибиров, П. И. Кожемяко. Новые памятники эпохи бронзы. Тр. Института истории АН Киргизской ССР, вып. 2, Фрунзе, 1956, стр. 42.

⁴¹ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 67, табл. VIII, 2.

Таким образом, в результате работ Эмбинского отряда в 1958 г. установлено, что район верхнего и среднего течения р. Эмбы был обитаем, начиная с эпохи неолита и до позднего средневековья.

Очень немногочисленный кремневый материал — пластины и отщепы в урочищах Ак-Кудук и Теректы-сай (рис. 32—1, 2) — аналогичен другим находкам кремня на Эмбе и позволяет прийти к выводу, что в эпоху позднего неолита Эмба входила в зону распространения кельтеминарской культуры, охватывавшей Приаралье, Северный Прикаспий и Западный Казахстан и родственной другим микролитическим культурам⁴². Вместе с тем на нижнюю Эмбу, по-видимому, проникали племена — носители ямной культуры, о чем свидетельствует находка в 1926 г. в устье р. Эмбы круглодонного сосуда ямного типа со слегка отогнутым и утолщенным венчиком и характерными следами заглаживания поверхности. Решить, каковы были взаимоотношения племен — носителей ямной культуры с кельтеминарцами, где проходила граница между ними, какова была связь населения в бассейне Эмбы эпохи энеолита с андроновцами — явилось ли оно одним из компонентов при сложении андроновской этно-культурной общности, или было подчинено и ассимилировано андроновцами, — это задача будущих археологических работ.

В эпоху бронзы на Эмбе жило одно из племен — носителей андроновской культуры, хоронившее своих покойников исключительно в курганах. Видимо, оно отличалось некоторой этнической обособленностью от своих северных и восточных соседей, у которых господствующим типом погребальных сооружений были каменные кольца с каменными ящиками. Вероятно, эмбинцы были связаны с приуральским металлургическим центром, откуда они заимствовали некоторые типы своих орудий, например, плоское тесло.

В эпоху ранних кочевников на Эмбе обитало большое и могущественное племя, оставившее огромные царские курганы в урочище Саптугай. Район Эмбы оставался густо заселенным и позднее — в период средневековья.

Таким образом, продолжение археологических работ на Эмбе — задача весьма перспективная и важная, поскольку этот район, начиная с эпохи бронзы, видимо, составлял одну из самостоятельных культурных провинций Казахстана.

⁴² А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем..., стр. 147; его же. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, № 2; С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 63; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1950 году, стр. 306; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 16; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 55, 56; И. В. Сеницын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. I, 1956, стр. 90.

В. В. СЕДОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ ГОРОДА ВЯЗНИКИ

Высокий берег р. Клязьмы между городами Вязники и Гороховец изрезан многочисленными ручьями. В 5 км от г. Вязники при впадении одного из безымянных ручьев в р. Клязьму в 1956 г. было открыто древнерусское поселение. С тех пор археологическая экспедиция Владимирского и Вязниковского музеев под руководством автора настоящей статьи ежегодно ведет здесь раскопки.

Местность эта примечательна концентрацией археологических памятников, из которых большинство относится к древнерусскому времени. Открытое селище находится у подножия городища дьякова типа¹. Далее расположено большое городище древнерусского времени, отмеченное еще Доленга-Ходаковским². К. Веселовский, посетивший памятник в 1868 г., указал, что к западу от него, за оврагом, видны остатки распахиваемого (по всей вероятности, курганного) могильника³. С восточной стороны городища, за глубоким оврагом на берегу Клязьмы, расположена высокая горизонтальная площадка, ныне наполовину осыпавшаяся. В 1950 г. в этой осыпи жители с. Пировы Городищи нашли каменного идола⁴. Судя по рассказам находчиков, фигура была из камня (ее высота — около 0,5—0,6 м) и аналогична известному новгородскому каменному идолу и каменным идолам из Себежского музея, описанным Ф. Д. Гуревич⁵. По всей вероятности, на месте находки идола некогда было языческое святилище.

Исследуемое нами поселение занимает сравнительно невысокую часть правого берега р. Клязьмы, ограниченную с юга высокими холмами, на одном из которых находится упомянутое выше городище дьякова типа. Площадка поселения вытянута с запада на восток; длина ее — около 200 м, ширина — от 30 до 70 м, площадь поселения — около 10 000 кв. м. Безымянный ручей разрезает площадку примерно на две равные части (рис. 35). В 1956 г. на правобережной (относительно ручья) части поселения был заложен раскоп площадью 516 кв. м. В 1957 г. исследованная площадь здесь доведена до 868 кв. м. Кроме того, раскоп площадью 268 кв. м заложен и

¹ Городище обследовано в 1929 г. О. Н. Бадером. Материалы разведывательной шурфовки находятся в Вязниковском музее.

² Доленга-Ходаковский. Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских. Вестник Европы. 1820, № 18, стр. 108. Ближайшее к городищам село называется Пировы Городищи, почему открытое нами неукрепленное поселение названо Пировым селищем. В 1956—1957 гг. на древнерусском городище произведены небольшие раскопки, позволившие определить время жизни на этом поселении XII в. — первой третью XIII в.

³ К. Веселовский. Пировы Городищи близ г. Вязников. Владимирские губернские ведомости, 1868, № 51, часть неофициальная, стр. 2.

⁴ Находка утеряна.

⁵ Ф. Д. Гуревич. Каменные идолы Себежского музея. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 176—179.

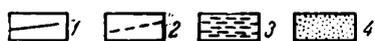
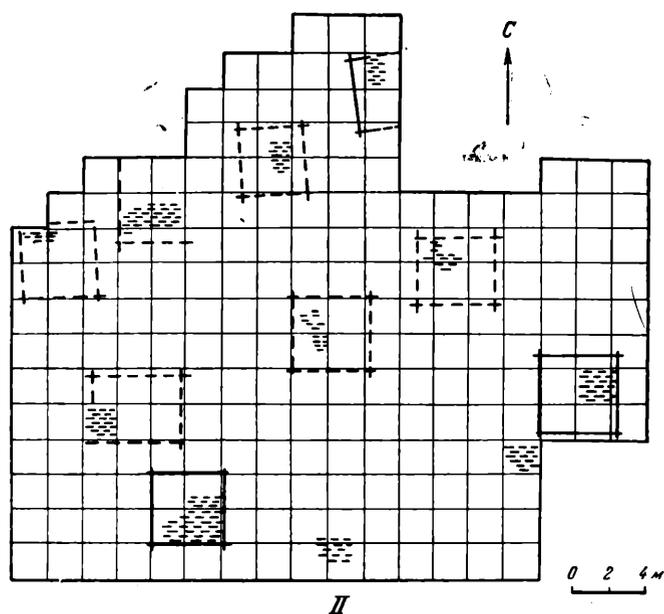
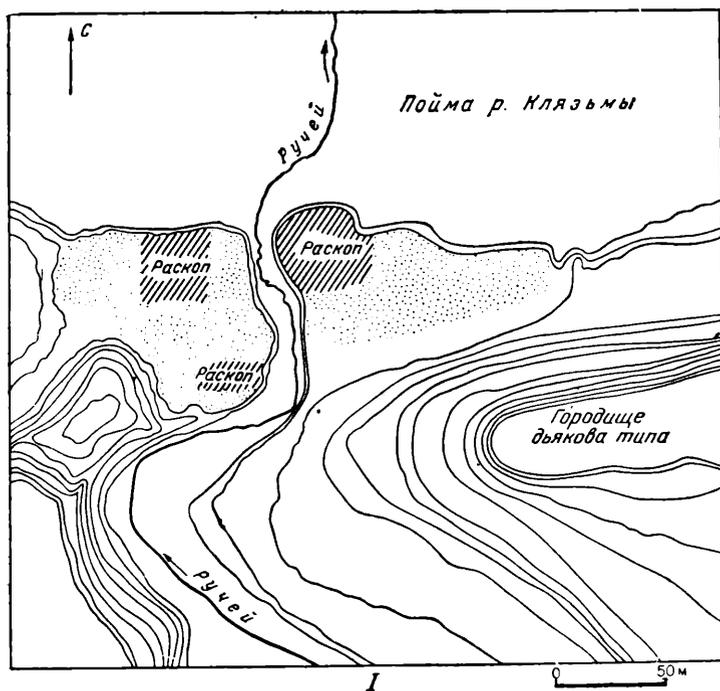

Рис. 35. Схематический план Пирова поселения близ г. Вязники (I) и план раскопа (слой конца XII в.—начала XIII в.) на правобережной части (II).

1 — граница жилых построек, реконструированных по остаткам сгоревших; 2 — граница жилых построек, реконструированных по концентрации находок и более темной окраске культурного слоя; 3 — остатки печей; 4 — площадь поселения.

на левом берегу ручья. В 1958 г. раскопки были сосредоточены на левобережной части.

Толщина древнерусского культурного слоя — от 0,6 до 0,9 м⁶. Это темно-серый, местами черно-серый супесчаный слой, стратиграфически не расчленяющийся на отдельные горизонты. На левобережной части поселения, в нижних частях слоя, вместе с ранней гончарной керамикой встречены многочисленные фрагменты лепной славянской; это позволяет определить начальную дату поселения концом X в. или самым началом XI в. На правобережной части такой керамики нет. Первые постройки здесь появились только во второй половине XI в.

Один из основных вопросов при исследовании древнерусских поселений — это характер жилых и хозяйственных построек. Изучение жилищ Пирова поселения связано с большими трудностями. Никаких остатков полуземлянок здесь не обнаружено. Жилища были наземные деревянные, но следов обмазки стен глиной (что характерно, например, для жилых построек Смоленщины) здесь не оказалось; нет и ям от угловых столбов-стульев. Дерево же в культурном слое поселения не сохраняется. Поэтому наиболее надежным признаком жилья здесь могут служить остатки печей.

В течение трех раскопочных сезонов на поселении открыты и исследованы развалы 70 печей, относящихся к различному времени. Свыше половины их — глинобитные. Как правило, в развалах, кроме глины, попадает небольшое количество мелкого камня. В зависимости от конструктивных особенностей глинобитные печи подразделяются на 2 типа. Печи первого типа сложены непосредственно на грунте. Основания их в некоторых случаях удалось изучить достаточно подробно. Развал верхней части одной из таких печей представлял собой массив обожженной оранжево-красной глины с включениями мелкого камня. Толщина массива — около 20—25 см, размеры в плане — около 1,7×0,9 м. Под завалом открылся в довольно хорошем состоянии печной под, овально-подчетырёхугольный в плане, размерами 1,4×0,7—0,8 м. Верхняя поверхность его была сильно прокалена и покрыта тонким слоем плотно слежавшейся золы. Глинобитная часть пода (ее толщина — 4—5 см) покоилась на подушке, сложенной из мелких камней (в один ярус), плотно пригнанных друг к другу. В свою очередь слой камней лежал на прослойке из серой необожженной глины (толщиной 3—5 см). С западной стороны к печи примыкала округлая в плане яма глубиной 0,4 м с горизонтальным дном. Подобные окоlopечные ямы характерны для печей с низким подом (в эти ямы спускались хозяйки при стряпне).

В других случаях под покоился на прослойке необожженной глины; подушка же из камней отсутствовала.

Более распространены были печи второго типа, основания которых покоились на деревянных конструкциях над подпечными ямами. При раскопках открываются только куски обмазки, обвалившиеся в подпечные ямы, и устройство этих печей не поддается реконструкции. Подпечные ямы были округлые или овальные, стенки их близки к отвесным, дно или горизонтальное, или воронкообразное. Размеры ям — от 1×1,5 м до 1,5×2 м, при глубине 0,4—0,7 м. В заполнении подпечных ям, кроме большого количества глиняной обмазки, обычно можно заметить следы деревянных конструкций, на которых покоились основания печей. На дне двух ям обнаружены камни.

⁶ Общая толщина культурного слоя этого памятника достигает 1,3—1,5 м. Его нижние горизонты — бурый суглинок — принадлежат эпохе бронзы (волосовская культура). На правобережной части поселения слой бронзового века залегает непосредственно под древнерусским, на левобережной — древнерусский слой и слой бронзового века разделены стерильной прослойкой глины толщиной до 0,3—0,5 м.

лежавшие так, как будто ими было выложено (вымощено) дно ям. Такие ямы одновременно служили для хранения продовольственных запасов.

Печи третьего типа устраивались из камня. По скоплению обожженных камней нельзя с уверенностью сказать, представляет ли оно остатки печикаменки, или просто открытый очаг, сложенный из камней. Два обстоятельства свидетельствуют все же о том, что большинство таких скоплений — развалы печей-каменок, а не открытых очагов. Во-первых, многие скопления — больших размеров (до 3—5 кв. м) и состоят из значительного количества камней, что не характерно для очагов. Во-вторых, часть скоплений камней обнаружена в печных ямах, совершенно таких же, какие были описаны при характеристике глинобитных печей. В одной из подпечных ям, наряду с крупными камнями (6—12 см в поперечнике), встречено небольшое количество мелких кусков глиняной обмазки, которой, как нам кажется, были замазаны отверстия между камнями печи.

Общее представление о жилищах Пирова поселения можно составить по остаткам нескольких сгоревших построек. Это были срубные дома, сложенные из бревен диаметром 18—25 см. В отличие от новгородских жилых построек, где была распространена подклеть, полы владимирских построек делались низкими, а в отдельных случаях и земляными. Об этом прежде всего свидетельствует устройство печей (печи первых двух типов не реальны при наличии подклетей). Кроме того, в одной жилой постройке конца XII в.— начала XIII в. открыта часть сгоревшего дощатого пола. Доски были выложены на прослойке желтого песка (толщиной 8—10 см), насыпанного прямо на грунт. Полевые наблюдения позволяют предположительно утверждать, что печи чаще всего занимали один из углов жилой постройки или примыкали к одной из боковых стен.

Наземные хозяйственные постройки (помещения для скота и т. п.) не поддаются изучению. Небольшие хозяйственные сооружения, несколько углубленные в землю, единичны. Котлованы их — всегда прямоугольных очертаний, стенки отвесны, дно горизонтально. На дне по краям обнаруживаются корытообразные канавки (шириной 15—20 см при глубине 5—15 см), а в 4 углах — ямы от вертикальных столбов. Стены таких построек были из полубревен или горбылей, концы которых впущены в пазы вертикальных бревен, поставленных по углам. Следов глиняной обмазки стен не обнаружено. Размеры одной из построек — $3 \times 1,9$ м (при глубине котлована 0,4 м), другая была размером $2 \times 0,9$ м (при глубине котлована 15—20 см). Открыты постройки этого типа и больших, и меньших размеров. В заполнении котлованов обычны находки рыболовных принадлежностей (глиняных грузил и железных крючков), а в одном из них, кроме того, встречены жернов, точильный брусок и дверной пробой.

Хозяйственные ямы на поселении, по всей вероятности, были погребам с наземными деревянными постройками над ними. В плане такие ямы овальные, реже — круглые. Наиболее крупные из них достигают размеров $2,2 \times 1,9$ м (яма № 1) и $2,2 \times 2,2$ м (яма № 17). Первая из них была неправильно-овальной очертаний, с выступом, вероятно, для входа в нее (глубина ямы — 0,5 м). В заполнении ямы найдены несколько глиняных рыболовных грузил, обломок жернова, глиняное пряслице, железный нож, пробой и железная дужка от ведра. Вторая яма глубиной 0,7—0,75 м была с таким же выступом, обозначающим вход в погреб. На дне ее найдены глиняные рыболовные грузила, костяная проколка, железная игла и костяной гребень. Следов обмазки стенок глиной, что характерно для южнорусских ям того же назначения, здесь не замечено.

О планировке Пирова поселения можно судить по расположению печей и остаткам сгоревших домов. Кажется, в XI в. постройки были расположены бессистемно (так называемая кучевая застройка). Для XII в. и начала XIII в. характерна трёхрядная планировка правобережной части поселения

(рис. 35—2). В восстановлении плана застройки, помимо печей и остатков сгоревших сооружений, известную роль сыграла густота расположения находок, относящихся ко времени существования тех или иных построек. Как правило, основная часть находок была сконцентрирована на их месте; там же, где построек не было, находки единичны.

По плану видно, что дома конца XII — начала XIII в.⁷ были расположены в 3 ряда вдоль берегов Клязьмы. Может быть, первые 2 ряда составляли улицу шириной 5—6 м. Очень интересно расположение построек в каждом ряду. Дома одного порядка (ряда) стояли не в одну линию, как это обычно устраивается сейчас, а каждый дом выступал против соседнего примерно на 2 м. Такой порядок застройки деревень сохранился во Владимирской губернии до XIX в. Н. Дубенский отмечал, что в старых деревнях Судогодского, Покровского, Меленковского, Муромского уездов и в правобережных частях Вязниковского и Гороховецкого уездов Владимирской губернии дома располагаются выступами: каждый дом против предыдущего выдвигался вперед на сажень или полсажени. На противоположной части улицы выступам первого ряда соответствовали уступы, так что ширина улицы оставалась одинаковой. Делалось это для того, чтобы волоковые окна в боковых сторонах домов не загораживались соседними и была видна вся предшествующая часть селения⁸.

Среди большого количества различных предметов, найденных при раскопках Пирова поселения, важное место занимают орудия рыбной ловли, свидетельствующие о широком развитии здесь этого промысла. Видимо, Клязьма в то время была многоводной артерией, изобиловавшей рыбой. Кроме того, на левом берегу реки много мелких протоков и озер, до настоящего времени очень богатых рыбой. За 3 сезона раскопок на поселении найдено около сотни рыболовных крючков и свыше сотни глиняных и каменных грузил от сетей. Основными способами рыбной ловли были крючковой и сетевой; гарпунов, острог и пешней не найдено. Все собранные рыболовные крючки железные и отличаются крупными размерами. Наиболее многочисленны крючки, сделанные из четырехгранного стержня, с зубцом на одном конце и острием или расплющенной лопаточкой на другом (рис. 36—11—13). Много реже встречаются железные крючки с петелькой для прикрепления к удочной леске (рис. 36—14). Последний тип составляют единичные крючки, рабочий конец которых заострен и лишен зубца, а противоположный конец или заострен, или расплющен в виде лопаточки (рис. 36—15).

Глиняные грузила — обычно яйцевидной, цилиндрической или биусеченно-конической формы. Реже они делались в виде шара (рис. 37—4—8). Встречено несколько экземпляров орнаментированных грузил. Каменные грузила и небольшие свинцовые грузики конической формы сравнительно малочисленны. Найдены также костяные иглы для вязания сетей.

Почвообрабатывающих орудий на поселении не встречено, находки железных серпов единичны. Малочисленность сельскохозяйственных орудий и значительное развитие ремесел позволяют думать, что земледелие здесь не было ведущей отраслью хозяйства. Хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами население поселка, по-видимому, снабжалось из окрестных земледельческих деревень.

Развито было скотоводство. Косы-горбуши обычного древнерусского облика встречались чаще, чем серпы. Osteологический материал обработан В. И. Цалкиным. Кости домашних животных составляют 94,2% общего количества определимого материала; на долю костей диких животных прихо-

⁷ План застройки последнего периода жизни на поселении (20—30-е годы XIII в.) восстановить не удается, так как слои, относящиеся к этому времени, повреждены.

⁸ Н. Дубенский. Сельские постройки во Владимирской губернии. Журнал Министерства государственных имуществ, 1855, VI, стр. 191, 192.

дится всего 5,8%. Соотношение между различными видами домашних и диких животных видно из следующих данных.

	Всего		Процент по числу особей
	костей	особей	
Крупный рогатый скот	1396	75	25,8
Мелкий « »	247	50	17,2
Свинья	1006	145	49,8
Лошадь	195	12	4,1
Собака	37	8	2,75
Кошка	8	1	0,35
Лось	61	7	38,9
Кабан	10	3	16,7
Медведь	3	2	11,1
Бобр	18	5	27,8
Заяц	2	1	5,5

О широком развитии железоделательного ремесла свидетельствуют находки криц, большого числа кусков болотной руды и железных шлаков.

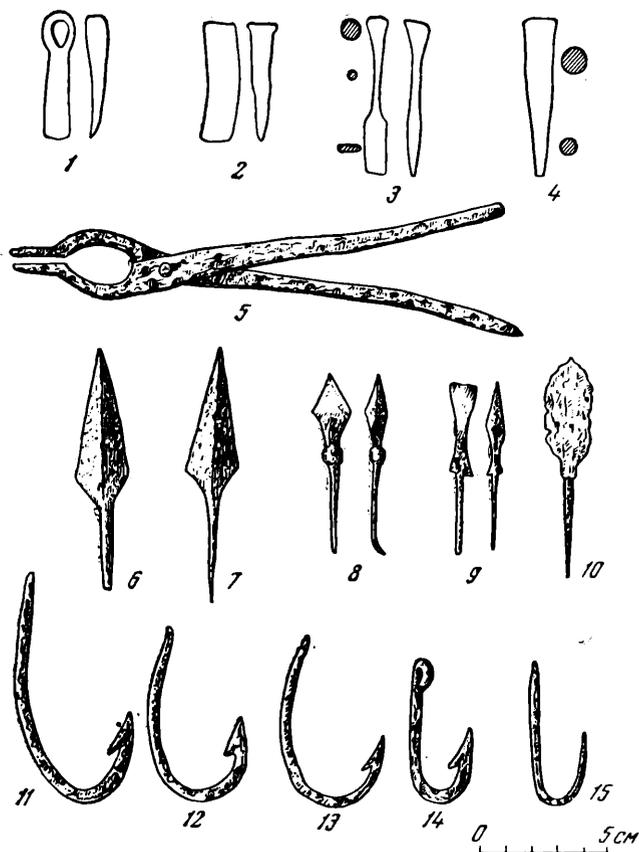

Рис. 36. Железные изделия из раскопок Пирова поселения.

1—5 — ювелирные инструменты; 6—10 — наконечники стрел; 11—15 — рыболовные крючки.

Железоделательное ремесло было основано на местном сырье — болотных рудах, которые в изобилии встречаются на левом берегу р. Клязьмы. Добычей железной руды занималась значительная часть населения, так как куски болотной руды встречены в очень многих постройках. Часть кусков руды

была использована для устройства печей-каменок. При раскопках 1958 г. найдена нижняя часть большого глиняного горшка, заполненная железом. По-видимому, здесь был распространен древнейший и простейший способ

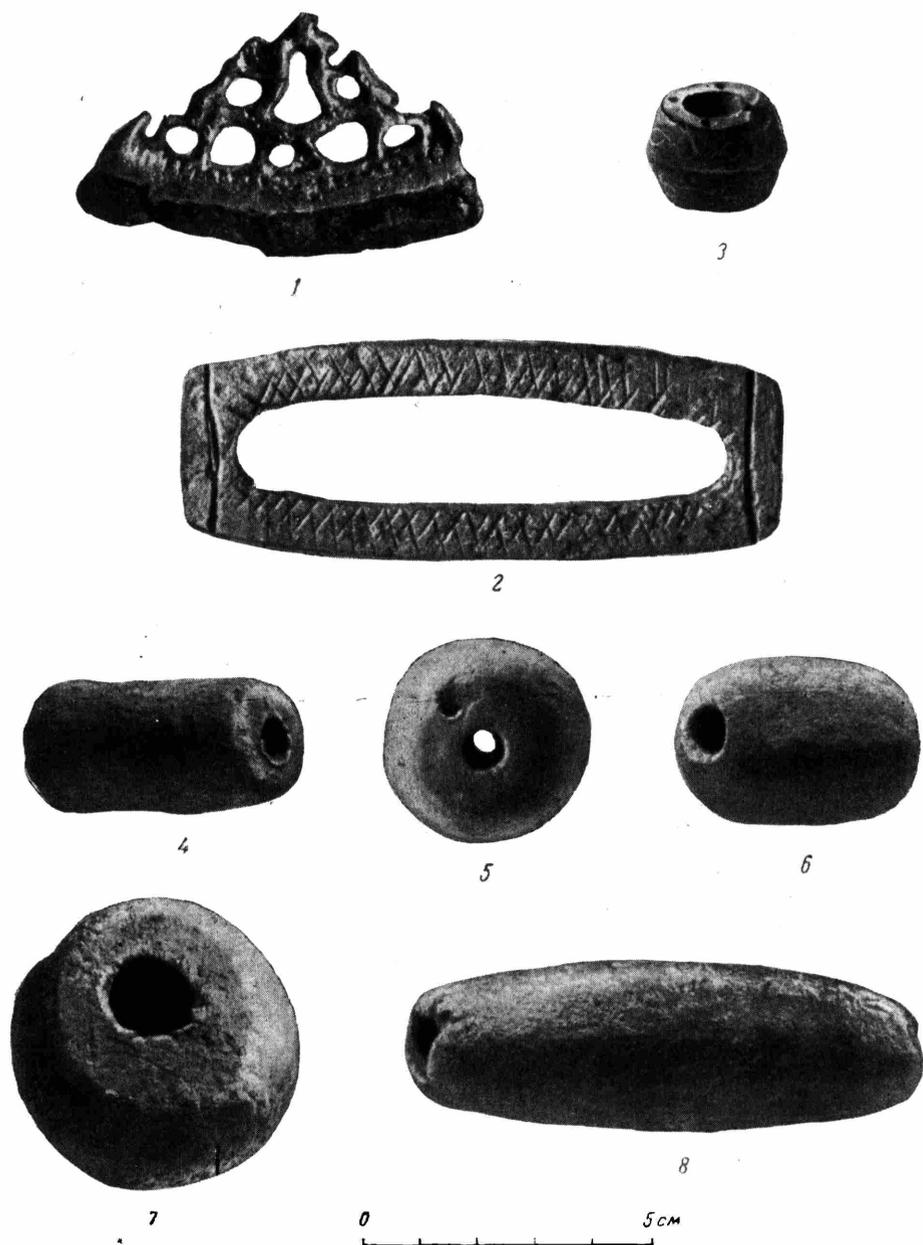

Рис. 37. Находки из раскопок Пирова поселения.
1, 2 — кресла; 3 — шиферное пряслице; 4—8 — глиняные грузики.

производства железа — «варка» его в горшках в домашних печах. Впрочем, о широком распространении домашней выплавки железа говорить нельзя. Большинство криц, обнаруженных при раскопках — округлой, лепешкообразной формы, весьма далекой от формы дна глиняных горшков.

Меднолитейное ремесло представлено находками двух каменных литейных форм, глиняными тиглями, льячкой, мелкими шлаками и каплями меди. Обе литейные формы принадлежали одному мастеру и найдены вместе.

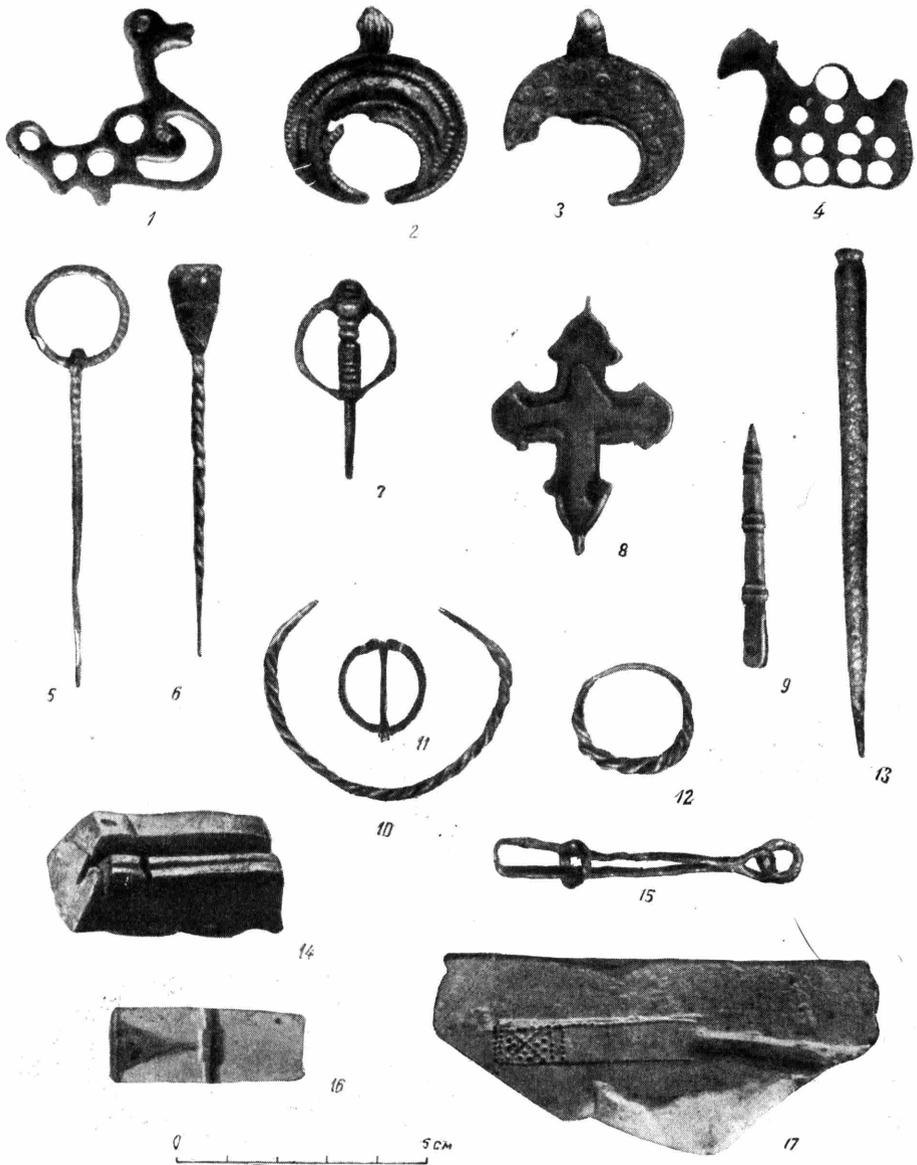

Рис. 38. Пырово поселение. Изделия из цветных металлов и литейные формы.

1, 4 — зооморфные привески; 2, 3 — лунницы; 5, 7 — булавки; 8 — крест-складень с изображением распятия (XII—XIII вв.); 9 — часть коромысла весов; 10 — витой тройной браслет; 11 — застежка; 12 — перстень; 13 — железный предмет из ювелирной мастерской; 14 — биллоновый слиток; 15 — пинцет; 16, 17 — литейные формы.

Одна из них предназначалась для отливки пластинчатых перстней, украшенных пунктирным орнаментом, другая — для небольших цилиндрических бус (рис. 38—16, 17). Изделий, отлитых в этих формах, пока нет. Стратиграфически эти находки датируются концом XII в. — началом XIII в. В раскопе 1956 г. были открыты две ювелирные мастерские. В одной из них, относящейся ко второй половине XII в., обнаружены ювелирные клещи, боро-

док, зубило и два железных штихеля — инструменты для гравировки на металлических предметах (рис. 36—2—5). Здесь же найдены лист меди, бронзовый стержень неизвестного назначения и каменный крестик-тельник с надписью: «Ги помъзи раб Асвъкму властѣ ви амин»⁹.

В слое другой мастерской встречены ювелирный молоток, зубило, бородок и оселок. Дата находок — вторая половина XII в. На левобережной части селища открыты следы мастерской, где изготовлялись и ремонтировались различные медные изделия. Здесь на площади около 6,5 × 9 м обнаружены многочисленные обрезки листовой меди, слитки и медные капли, куски медного шлака и очень большое количество медных заклепок. Мастерская на этом месте, по-видимому, существовала длительное время, так как остатки ремесленного производства встречены в слоях XI и XII вв. Здесь же в слое XI в. найдено оригинальное кресало, изготовленное из медной треугольной ажурной пластины, к которой приварена железная пластина (рис. 37—1). Аналогичные кресала известны в памятниках X—XI вв. (средневожские могильники). Пировское кресало сделано, по всей вероятности, местным ремесленником.

Среди предметов, изготовленных из цветных металлов и не связанных с мастерскими, заслуживают особого внимания две серебряные лунницы, украшенные зернью (рис. 38—2, 3). Они отлиты в одной литейной форме и датируются XI в. В слое XII в. найдены бронзовая круглая привеска с рельефным изображением богородицы на лицевой стороне и рельефным геометрическим орнаментом — на оборотной, а также позолоченный бронзовый крест-складень с двусторонним изображением (рис. 38—8): на лицевой стороне — рельефное изображение богородицы со сложенными на груди руками, на оборотной — распятие и процарапанные буквы греческого алфавита. В слое конца XI в. обнаружен другой позолоченный бронзовый крест-складень с пунктирной гравировкой и серебрянной инкрустацией по обеим сторонам. Найдены также несколько бронзовых перстнеобразных височных колец, подковообразная застёжка, круглая в сечении, с насечкой под витые и со спиральными концами (рис. 38—11), плоско-выпуклый браслет, браслет витой (рис. 38—10), пластинчатые и витые перстни (рис. 38—12).

Многочисленны предметы из кости — гребни, иглы, проколки, рукоятки ножей. Большинство гребней — трапециевидной формы; изготовлялись они из целого куска кости (или рога). Многие из них украшены циркульным или линейным орнаментом и датируются от XI до XIII вв. (рис. 39—6). В единичных экземплярах встречены прямоугольные гребни со срединной накладкой на медных заклепках. Эти гребни стратиграфически датируются концом XII в. — первой третью XIII в. В 1956 г. на городище была открыта мастерская костореза, в которой изготовлялись небольшие гребни трапециевидной формы. Есть основание полагать, что косторезным ремеслом занимались и на поселении; об этом свидетельствует находка обломка незавершенного гребня.

Среди костяных рукоятей ножей несколько экземпляров богато орнаментированы городчатым и циркульным узором (рис. 39—1—2). На одной шайбе рукоятки ножа процарапана буква, похожая на современную букву А (рис. 39—3). Прямая перекладина и длинный хвост передней мачты этой буквы несколько необычны для написания древнерусского А; может быть, здесь начертана буква Д — начальная в имени владельца ножа. В пользу этого говорит перерыв в начертании правой мачты. Аналогичное написание буквы Д есть на Стерженском кресте 1133 г.¹⁰ Костяная шайба с процарапанной буквой стратиграфически датируется XII в.

Набор бус довольно разнообразен; среди них преобладают стеклянные, зонные, разнообразной расцветки. Светло-зеленые зонные бусы аналогичны

⁹ В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова селища. СА, 1959, № 1.

¹⁰ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 121, рис. 16; а.

бусине, найденной при раскопках в г. Гороховце в 1956 г.¹¹ В Новгороде подобные бусы (зеленые зонные третьего варианта) датируются концом XI в.—40-ми годами XIII в.¹² Часто встречались зонные бусы желтого стекла, неоднократно попадались зонные бусы, изготовленные из полупрозрачного мутно-белого стекла; много шарообразных из белого прозрачного стекла, реже встречаются синие и зеленые бусы бочонкообразной формы, синие кольцевидные, в том числе двойные. Позолоченная цилиндрическая

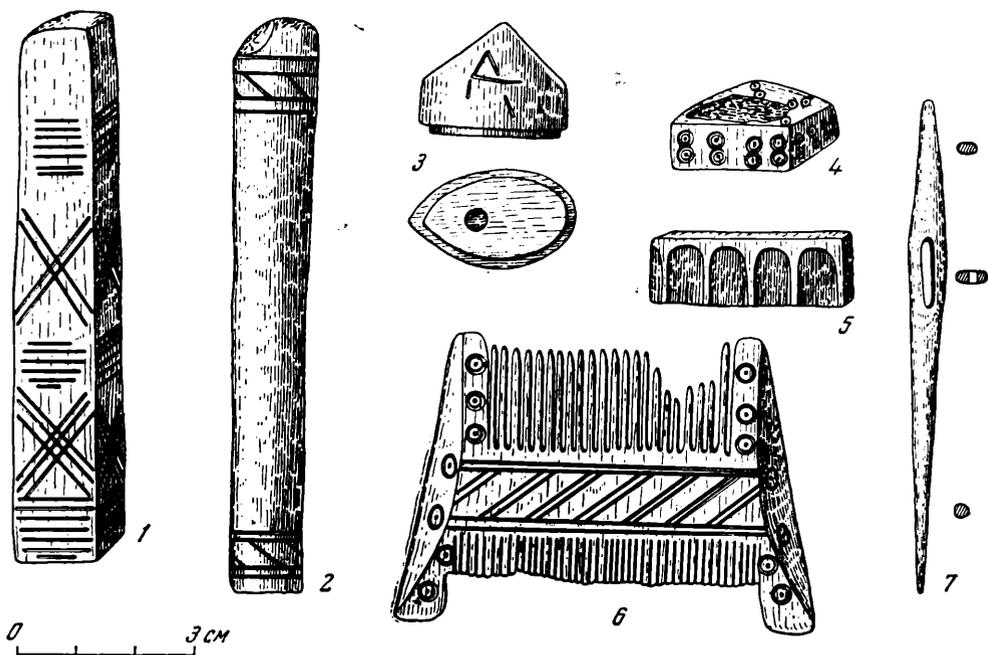

Рис. 39. Пирово поселение. Предметы из кости.

1, 2 — орнаментированные рукоятки ножей; 3, 4 — навершия рукоятей; 5 — накладка; 6 — гребень; 7 — игла.

бусина найдена только в одном экземпляре. Сравнительно редки пастовые бусы. Кроме того, обнаружено несколько сердоликовых бипирамидальных бус, янтарных бипирамидальных, янтарных шарообразных, хрустальных шарообразных.

Абсолютное большинство находок стеклянных браслетов связано со слоями XII—XIII вв.; в слое XI в. они почти не встречаются. Из общего количества обломков стеклянных браслетов, найденных на поселении, 74% составляют витые, 23,3% — гладкие и только 2,7% — рифленные с продольными каннелюрами. Процентное соотношение различных типов стеклянных браслетов совпадает с процентным соотношением тех же украшений Старорязанского городища (соответственно 75,2; 21,3; 2,7%)¹³ и, по-видимому, характерно для памятников домонгольской Руси. Расцветка пировских браслетов разнообразна. Резко преобладают браслеты черного стекла, затем по числу находок идут коричневые, зеленые, янтарного оттенка, голубые, желтые, бутылочного цвета, синие и фиолетовые. По одному экземпляру найдены браслеты из красного и сиреневого стекла. Редкие экземпляры витых браслетов перевиты нитью из желтой и красной пасты.

¹¹ В. В. Седов. Раскопки в Гороховце. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 86, 87.

¹² Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 168, 169, табл. 2.

¹³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 174.

При раскопчных работах замечено, что находки пряслиц территориально связываются с печными развалами. Основную часть находок составляют пряслица из розового шифера биусеченно-конической (рис. 37—3) или бочкообразной формы. Пряслиц из серого шифера только пять; кроме того, найдено два костяных и два глиняных пряслица.

Бытовые железные предметы исчисляются сотнями. Среди них — ножи, шилья, ключи, замки, пробой, дверные накладки, светцы, кресала, скобы, иглы, поясные кольца, пряжки и т. п. Ножей за 3 года раскопок найдено свыше 250 экземпляров. Преобладают ножи с прямой спинкой; они — средних размеров (длина лезвия — 7—12 см, длина с черенком — 10—15 см; самые крупные — длиной 22—23 см). Три ножа, скорее всего, боевые. Два из них — с загнутыми клинками, третий — с продольным желобком, как у кинжалов. Ножи из раскопок 1957 г. были подвергнуты в лаборатории ИИМК (Т. М. Смирновой) макроструктурному анализу; 17 ножей из слоя конца X в. — XI в. были сложной структуры, их клинки состояли из срединной стальной полосы и двух полос железа, органичивающих стальную сердцевину. Цельносталльных ножей среди исследованных оказалось пять, в том числе — два боевых. Остальные клинки — железные, с наварным стальным лезвием.

Из снаряжения всадника найдены шпоры и стремяна. Все шпоры — изогнутые и с шипом на конце. По новгородским аналогиям эти типы датируются концом XII—XIII в.¹⁴ Одна из шпор, с шипом в виде острия с шариком, украшена серебряной инкрустацией. Найденные стремяна — арочной формы; нижняя часть их, предназначенная для ступни, овальная. Дужка одного из стремян украшена пунктирным узором.

Железные наконечники стрел встречены пяти типов. Все они хорошо известны из памятников домонгольской Руси. Основную часть наконечников составляют треугольные ромбические в сечении и бронебойные четырёхгранные; и те, и другие — черешковые (рис. 36—6—8). Единичными экземплярами представлены срезни (рис. 36—9), бронебойные стрелы овально-четырёхугольного сечения и наконечник стрелы листовидно-рваных очертаний (рис. 36—10). В 1958 г. найдена железная многогранная булава.

Выше уже была названа начальная дата Пирова поселения. Все рассмотренные находки целиком относятся к домонгольскому времени. Находок второй половины XIII в. и моложе в культурном слое до сих пор обнаружить не удалось. Жизнь на поселении прекратилась внезапно, одновременно с жизнью на городище. В 1956 и 1957 гг. в самых верхних горизонтах открыто несколько человеческих скелетов — следы гибели поселения вследствие военной катастрофы. Нужно полагать, что оно прекратило свое существование в середине XIII в. в результате одного из набегов татаро-монголов на Владимирскую землю.

¹⁴ А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 229 и рис. 1, 3 и 4.

В. А. КУЗНЕЦОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДОЛЬМЕНООБРАЗНЫЕ СКЛЕПЫ
ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ¹

На территории Верхнего Прикубанья сохранились остатки интересных памятников эпохи средневековья, до сих пор почти не изученных. Это монументальные дольменообразные наземные склепы, нередко украшенные различными изображениями или орнаментом.

Большая часть известных нам дольменообразных склепов находится на вершине невысокого водораздельного кряжа, отделяющего долину р. Кяфар от балки р. Кривой, в 16—17 км южнее станицы Сторожевой. Расположенный здесь обширный могильник состоит из склепов и наземных каменных гробниц VIII—XII вв. Могильник обследовался археологической экспедицией Пятигорского педагогического института в 1952 и 1953 гг.², а в 1954—1957 гг. неоднократно осматривался автором. Всего обследовано 11 дольменообразных склепов. Среди них особенно выделяется массивный склеп, покрытый рельефными изображениями. Этот выдающийся по величине и многообразию изображений памятник привлек к себе внимание еще в XIX в.³, но тогда опубликованы были лишь две его плиты⁴.

Склеп (№ 1) ныне сильно разрушен — плиты стен лежат на земле, крыша не сохранилась, камера завалена камнями и землей. Однако в результате предпринятых расчисток оказалось, что основные части склепа уцелели и дают возможность представить более или менее полно его конструкцию и первоначальный вид.

Устройство склепа рисуется в следующем виде. На плоской площадке на восточном склоне кряжа был вырыт котлован, забутованный битым камнем на всю его глубину, достигающую до 0,8 м. Сверху, вдоль направления стен, положены толстые постельные плиты, плотно пригнанные одна к другой, образующие в плане четырёхугольник. Эти плиты должны были равномерно распределять нагрузку по площади фундамента. Сверху на них были уложены массивные тесаные плиты, образующие цоколь. Они уже постельных и ставились так, чтобы внутренние края тех и других совпадали и создавали стенку, а внешние края образовывали ступеньки. Часть такой ступеньки прослежена с южной стороны; ширина ее — 15 см. В кавказских «корочках»

¹ Доклад, прочитанный на Секторе скифо-сарматской археологии ИИМК 13 ноября 1957 г.

² В 1952 г. — под руководством П. Г. Акритас, в 1953 г. — под руководством В. А. Кузнецова. Фотограф В. А. Дерябин.

³ А. — Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Военный сборник, 1860, № 1, стр. 289.

⁴ Е. Д. Феліцын. Запіднокавказькі дольмени. МАК, IX, 1904, стр. 85, рис. 39, табл. X; А. М. Tallgren. Sur les monuments mégalithiques du Caucase Occidental. ESA, t. IX, Helsinki, 1934, стр. 15, рис. 16.

А. А. Спицына хранится рисунок передней стены исследованного нами склепа, где ясно видна образованная выступающим цоколем ступенька⁵.

Конструкция стен, возведенных на этом фундаменте, несложна. Три стены — северная, южная и западная — составлены из тесаных песчаниковых плит, причем северная и южная — из трех, а западная стена — из двух плит (рис. 40). Толщина их различна — от 16 до 26 см. Нижние плиты всех трех стен были поставлены торцом на цоколь, но так, чтобы с внутренней стороны остался карниз шириной до 20—25 см. Нижние плиты боковых стен концами упирались в нижнюю плиту задней стены и входили в пазы передней плиты; средние, одним концом упиравшиеся в плечи передней плиты, другим концом входили в паз, образованный вырезами в задней

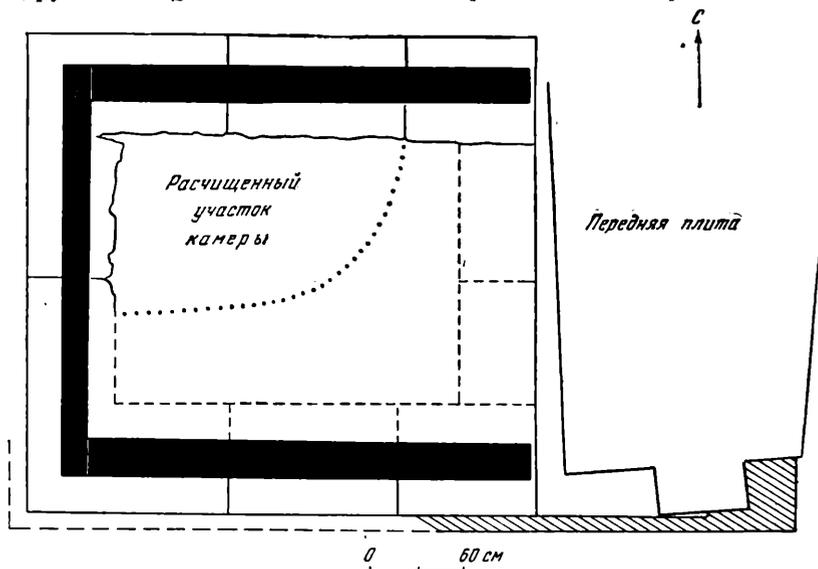

Рис. 40. Дольменообразный склеп № 1. План.

стене. Верхние плиты, подобно нижним, упирались в заднюю стену и входили в верхний паз передней плиты, особенно массивной. Она сделана из огромного куска песчаника толщиной 0,26 м и весит не менее 2 тонн. С двух сторон ее вырублены симметрично выступающие плечи размером 0,55 × 0,3 м. В целом получалась оригинальная система двойного связывания плит, составлявших склеп. Эта связь осуществлялась при помощи пазов в задней стене и плеч передней, причем они взаимно дополняли друг друга. Никакой иной связи плит не было. Очевидно, для увеличения прочности склеп сверху слегка суживался.

В передней плите, на расстоянии 0,8 м от нижнего края, сделано круглое отверстие диаметром 0,48 м. Среди камней, лежавших вокруг, найдена втулка, точно соответствующая отверстию. Внутренняя ее часть плоская, внешняя — слегка выпуклая. Толщина втулки — 15 см. Интересно, что крыша склепа была двускатной, о чем свидетельствуют слегка сходящие на конус передняя плита и верхняя плита задней стены (рис. 41—7). Крыша, по-видимому, состояла из двух цельных плит во всю длину склепа; никаких приспособлений для ее крепления на стенах не сохранилось. Более определенно можно представить устройство пола. Как отмечалось выше, в камере оставался карниз шириной до 20—25 см. Он служил опорой для пола, выложенного из каменных плит, плотно пригнанных одна к другой и, вероятно лежавших по ширине склепа.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 5, арх. № 307, л. 1117.

1

2

Рис. 41. Плиты из дольменообразных склепов.

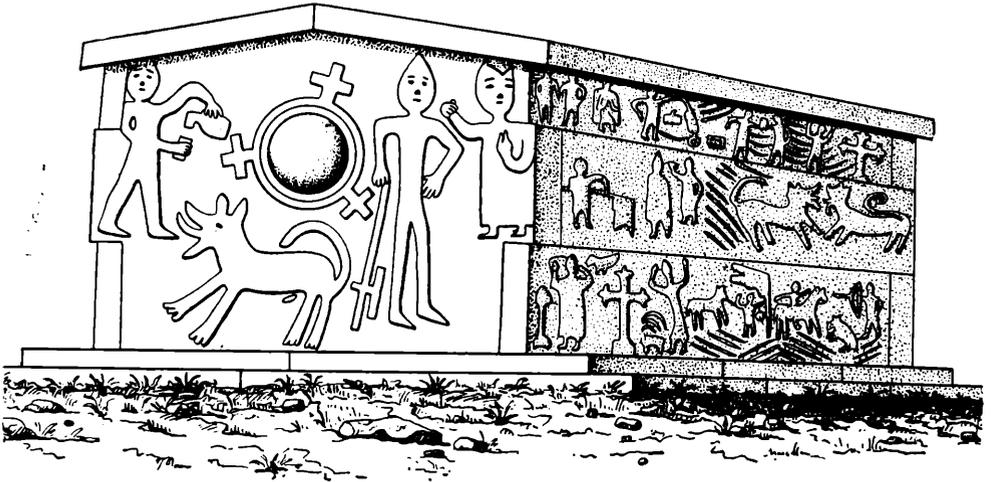
1 — плиты задней стены склепа № 1; 2 — передняя плита одного из разрушенных склепов и втулка от нее.

Расчисткой 1956 г. установлено, что постельные и цокольные плиты с восточной стороны выступают далеко вперед, образуя у передней стены нечто вроде площадки, длиной до 1,8 м; ширина осталась неопределенной, так как почти вся площадка занята рухнувшей передней стеной.

Такова конструкция дольменообразного склепа № 1 (рис. 42—1). Длина его составляет 3,05 м, ширина — 2,7 м, высота — 1,85—1,9 м. Размеры камеры: длина — 2,65 м, ширина — 2,2 м. Все плиты, составлявшие стены, покрыты рельефными изображениями людей, животных, птиц, несомненно, составлявшими какие-то сюжетные сцены. Изображения почти все плоские;

стремление к объемной передаче фигур чувствуется лишь на передней плите, отделанной наиболее тщательно (рис. 42—2).

По богатству и разнообразию изображений склеп № 1 можно считать уникальным. Интерпретация этих интереснейших изображений требует специального исследования. Сейчас можно лишь отметить, что на нижней плите северной стены мы видим военную сцену (рис. 43—3), на верхней

2

Рис. 42. Реконструкция дольменообразного склепа № 1 (1) и передняя плита (2) этого склепа (по МАК, вып. IX; прорисовка).

плита южной стены — пиршество и танец и т. д. (рис. 43—4). Рельефы передней плиты наводят на мысль о символическом значении ее изображений. Воин с секирой и собака охраняют вход, а две фигуры по бокам, возможно, олицетворяют скорбь по усопшим. Значение апотропея могут иметь и 3 креста, высеченные вокруг отверстия (рис. 42—2).

Всего христианских крестов — семь; они есть на каждой стене. Сочетание креста с языческими изображениями свидетельствует о синкретизме религиозных представлений людей, соорудивших склеп.

Следует обратить внимание на изображения собак (рис. 41—1). Их пять, причем все они трактованы одинаково: вытянутые вперед ноги, открытые лающие пасти с длинными языками, торчащие уши и завернутые вверх хвосты. Эта трактовка на Северном Кавказе традиционна и известна еще в эпоху Кобани⁶. Изображения собак на стенах склепа свидетельствуют о глубокой местной кавказской основе, с которой связаны изображения и на кобанской бронзе, и на стенах склепа.

По-видимому, значение собаки было велико в представлениях создателей склепа. А. А. Миллер изображение собаки связывал с сюжетом охоты⁷. Если это верно для эпохи Кобани, то вряд ли приемлемо для рассматриваемых рельефов. Здесь все 5 собак представлены вне охоты и никак с ней не связаны. Вероятно, это объясняется особой ролью собаки в религиозных воззрениях более позднего времени. Можно думать, что собаки, изображенные на плитах склепа, выполняют охранные функции, оберегая покой погребенных⁸. Такие представления были у многих кавказских народов⁹.

Очень интересно дважды помещенное изображение знамени (рис. 43—2, 3). Оба они одинаковы — с длинным вырезом в полотнище и прямоугольным выступом у древка. Такая форма в эпоху раннего средневековья, по-видимому, была довольно широко распространена на Северном Кавказе. Аналогичное изображение знамени в руках всадника обнаружено на скалах у селения Капчугай в Дагестане¹⁰. В северокавказском этнографическом материале подобные знамена известны также в Дагестане¹¹. Фигурные знамена иной формы недавно бытовали в Закавказье. Таково, например, знамя сванов «лем», представляющее собой полуоу фигуру льва¹².

Расчистка камеры склепа не дала никаких археологических материалов, которые могли бы быть использованы для датировки. Можно попытаться ее установить на основании описанных изображений. Прежде всего обращают на себя внимание христианские кресты. Как известно, христианство проникло в центральную часть Северного Кавказа уже в VII—VIII вв.¹³, а у адыгских племен оно появилось еще раньше — с VI в.¹⁴ В X в. христианизации подверглись аланы, жившие в верховьях Кубани¹⁵. Здесь развернулась весьма активная деятельность византийских миссионеров, археологическим свидетельством чего служат храмы, часовни, каменные плиты с заупокойными надписями, статуи с крестами, каменные кресты, во множестве известные в этом районе. Большинство их относится ко времени с X в. по XIII в.¹⁶ Вполне возможно и исследованный склеп включить в число этих христианских памятников Верхнего Прикубанья.

⁶ А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 321.

⁷ Там же.

⁸ В. Ф. Миллер. Значение собаки в мифологических верованиях. «Древности», т. VI, вып. 3. М., 1786, стр. 195.

⁹ Г. Ф. Чурсин. Культ собаки у кавказских народов. Бюллетень КИАИ, № 5, Л., 1929, стр. 20.

¹⁰ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 152, рис. 6, а.

¹¹ Дагестанский сборник. Махач-Кала, 1927, рисунок на стр. 41. По сообщению В. И. Марковина, в Дагестане и сейчас могилы почитаемых людей часто украшаются белым флагом с треугольным вырезом.

¹² Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 11.

¹³ СА, XXI, 1954, стр. 412, 413.

¹⁴ Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов. Труды Черкесского научно-исследовательского института, т. II, Черкесск, 1954, стр. 223.

¹⁵ Ю. Кулаковский. Христианство у алан. «Византийский временник», т. V, вып. 1—2, СПб., 1898, стр. 7 и сл.

¹⁶ См., например, МАК, III, 1893, стр. 110 и сл.; Н. Я. Динник. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба. Тифлис, 1899, стр. 11 и др.

Рельефные изображения склепа находят аналогии в некоторых каменных надгробиях эпохи средневековья. Назовем статую Дука-бек, происходящую из Пятигорья. На ее лицевой стороне — рельефные фигуры двух всадников, а выше — людей, черпающих из большого сосуда. Другие стороны покрыты изображениями животных, людей, стреляющих из лука, а на левой стороне статуи представлена сцена борьбы с чудовищем¹⁷. Сходны не только технико-стилистические приемы, но и сюжеты изображений. Оба памятника — дольменообразный склеп и статуя Дука-бек — принадлежат кавказским племенам, отражают сходные религиозно-мифические представления и относятся, очевидно, к одному времени.

Вопрос о дате Дука-бека вызвал различные мнения. Сохранившуюся в его надписи дату Попадопуло-Керамевс читал как 1623 г.¹⁸ Другое толкование даты — 1130 г. — было дано В. В. Латышевым¹⁹. Эту дату поддержал В. Ф. Миллер²⁰; к XI—XII вв. относил Дука-бека И. А. Бартоломей²¹, ко времени не ранее XII в. — Г. Д. Филимонов²²; XII в. принимает и Л. И. Лавров²³.

Таким образом, большинство исследователей датирует памятник XII в. или временем, близким XII в.

Следует, однако, отметить, что надгробные памятники с близкими по характеру рельефами на Северном Кавказе известны и позже — вплоть до XVI в.²⁴ Но относить дольменообразный склеп № 1 к такому позднему времени нет оснований. В этом лишний раз убеждают предметы, изображенные на плитах склепа. Среди них наиболее четко представлены лук, меч, щит, 4 секиры, котел на цепи и 3 кувшина с носиками. Все секиры — одного типа, Т-образные (рис. 42—2; рис. 43—5, 6); на Северном Кавказе они известны пока в небольшом числе, их хронология и типология не разработаны. Из центральных районов Северного Кавказа я знаю лишь две сходные секиры — из могильников Камунты²⁵ и Чми²⁶. Три Т-образные секиры происходят из верховьев Кубани²⁷. В станице Зеленчукской и в ущелье р. Теберда найдены две каменные статуи воинов, на поясе которых висят такие же секиры²⁸.

Датировка этих статуй не установлена. Более определенные указания мы находим у Т. М. Минаевой. Одна из опубликованных ею секир происходит из Усть-Тебердинского могильника IX—X вв., другая — из могил VIII—IX вв. на Амгате²⁹. Формы последней еще слабо развиты (как и у секиры из Камунты). П. С. Уварова относит погребения, из которых происходят верхнекубанские секиры, к первым столетиям II тысячелетия н. э.³⁰ В стра-

¹⁷ МАК, III, 1893, табл. LXII и LXVI.

¹⁸ ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, стр. CLXI. Близкой даты придерживается А. А. Иессен (МИА, № 3, 1941, стр. 34).

¹⁹ В. В. Латышев. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, стр. 45 и сл.

²⁰ В. Ф. Миллер. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. МАК, III, 1893, стр. 124.

²¹ ЗРАО, т. III, 1851, стр. 68.

²² Г. Д. Филимонов. Древние каменные изваяния в Пятигорске. Вестник Общества древнерусского искусства, № 11—12, М., 1876, стр. 77.

²³ Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье. Сб. статей по истории Кабарды, вып. 4, Нальчик, 1955, стр. 53.

²⁴ В. Ф. Миллер. Отголоски кавказских верований..., стр. 126 и сл.

²⁵ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. III, Paris — Lyon, 1887, табл. XI, 2.

²⁶ Хранится в ГИМ, инв. № 76990.

²⁷ МАК, VIII, 1900, стр. 348, рис. 274; Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7, 1955, рис. 3—8.

²⁸ МАК, VII, 1898, стр. 139, рис. 32; МАК, IX, 1904, стр. 150, рис. 60.

²⁹ Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 276—278.

³⁰ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК. VIII.1990, стр. 348.

нах Юго-Восточной Европы Т-образные секиры встречаются в комплексах IX в.³¹ и позже³².

По свидетельству П. С. Уваровой, секиры описанного типа находили вместе с высокими кувшинами с «губообразным носиком»³³. Речь идет о том же типе кувшинов, которые изображены на рельефах склепа (рис. 42—2; рис. 43—4). Аналогичные сосуды хорошо известны в верховьях Кубани³⁴, в Кабарде³⁵ и Осетии³⁶. Это довольно поздний тип высокого, обычно серого кувшина с высоким горлом, носиком-сливом и одной ручкой. Такие кувшины в большом количестве найдены во время последних раскопок Змейского катакомбного могильника, хорошо датировуемого XI—XII вв.³⁷

Нельзя также не отметить близкого сходства некоторых изображений склепа № 1 с фигурами на штампованной средневековой керамике Закавказья. Разумеется, это сближение следует считать в известной степени условным, так как параллели из Закавказья принадлежат иному этно-культурному кругу и выполнены в другой технике. Тем не менее сходство тех и других изображений велико: на штампованных поясах закавказских карасов мы видим такие же человеческие фигуры с кубками в руках³⁸, такие же изображения собаки³⁹, христианские кресты⁴⁰ и т. д. Датировка закавказских штампованных карасов установлена достаточно твердо — XI—XIII вв.⁴¹ Резюмируя все изложенное, мы приходим к выводу, что наиболее приемлемой датой для дольменообразного склепа № 1 будут XI—XII вв.

Как уже отмечалось, на том же могильнике исследованы остатки еще десяти дольменообразных склепов. Все они были, как и склеп № 1, ориентированы передними плитами на восток и ныне ограблены и разрушены. По конструкции они принципиально не отличаются от склепа № 1. Размеры их также близки. Так, обследованный нами склеп № 2 был длиной 3,16 м, шириной 2,35 м; длина камеры — 1,87 м, ширина ее — 1 м. В передней плите сделаны пазы и овальное отверстие диаметром 46 × 36 см. Такие же цельные или составные передние плиты сохранились и от остальных склепов (рис. 44—1—3). В них обязательно сделано отверстие, в большинстве случаев — овальной формы. Лишь в одной плите отверстие правильно круглое (рис. 44—3). Эта плита интересна тем, что имеет по 3 уступа с каждой стороны, а на ее поверхности выбиты 2 креста и 4 тамги⁴². На другой плите высечены два христианских креста (рис. 44—1). Встречаются знаки тамги (рис. 44—2) и среди изображений на других плитах, в том числе — боковых. Зафиксировать их на всех плитах не удалось, так как многие из них были перевернуты. На некоторых плитах выбиты концентрические круги; возможно, это солярные знаки (рис. 41—2). Неоднократно встречен орнамент в виде ломаной линии. Такие же зигзагообразные линии зафиксированы Е. Д. Фелициным на внутренней стороне дольмена в Кабардинском

³¹ А. Ч. Шош. Могильник II аварской эпохи в Юллэ, *Acta archaeologica*, t. VI, Budapest, 1955, табл. LXVI, 5.

³² Абова-Плисска. Альбом к X тому Известий Русского археологического института в Константинополе. Вена, 1905, табл. IX, 15.

³³ П. С. Уварова. Указ. соч.

³⁴ См., например, Т. М. Минаева. Указ. соч., рис. 6, 7.

³⁵ Материалы Кабардино-Балкарского музея краеведения.

³⁶ Материалы Северо-Осетинского музея краеведения.

³⁷ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 99, рис. 2, 1, 2.

³⁸ См., например, Н. Я. Марр. Ани. Л.—М., 1934, табл. XLV, 192а.

³⁹ В. Н. Левятов. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940, рис. 3, 7.

⁴⁰ Экспозиция Государственного исторического музея Армении.

⁴¹ В. Н. Левятов. Указ. соч.; Б. А. Шелковников. Художественная керамика двинских раскопок. Изв. Армянского филиала АН СССР, № 4-5, Ереван, 1940, стр. 183; Г. О. Караханян. Неполитивная орнаментированная керамика из раскопок Двина и Ани. Автореферат, Ереван, 1954, стр. 8.

⁴² См., например, В. П. Пожидаев. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. УЗ КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, табл. III, пятый и седьмой ряды.

ущелье и на дольмене у дер. Азербиевской. В других местностях Северо-Западного Кавказа такой орнамент на дольменах неизвестен⁴³.

Возле одной из плит обнаружена отлично сохранившаяся втулка, напоминающая шляпку гриба (рис. 41—2). В центре ее сделано сквозное отверстие диаметром 3 см.

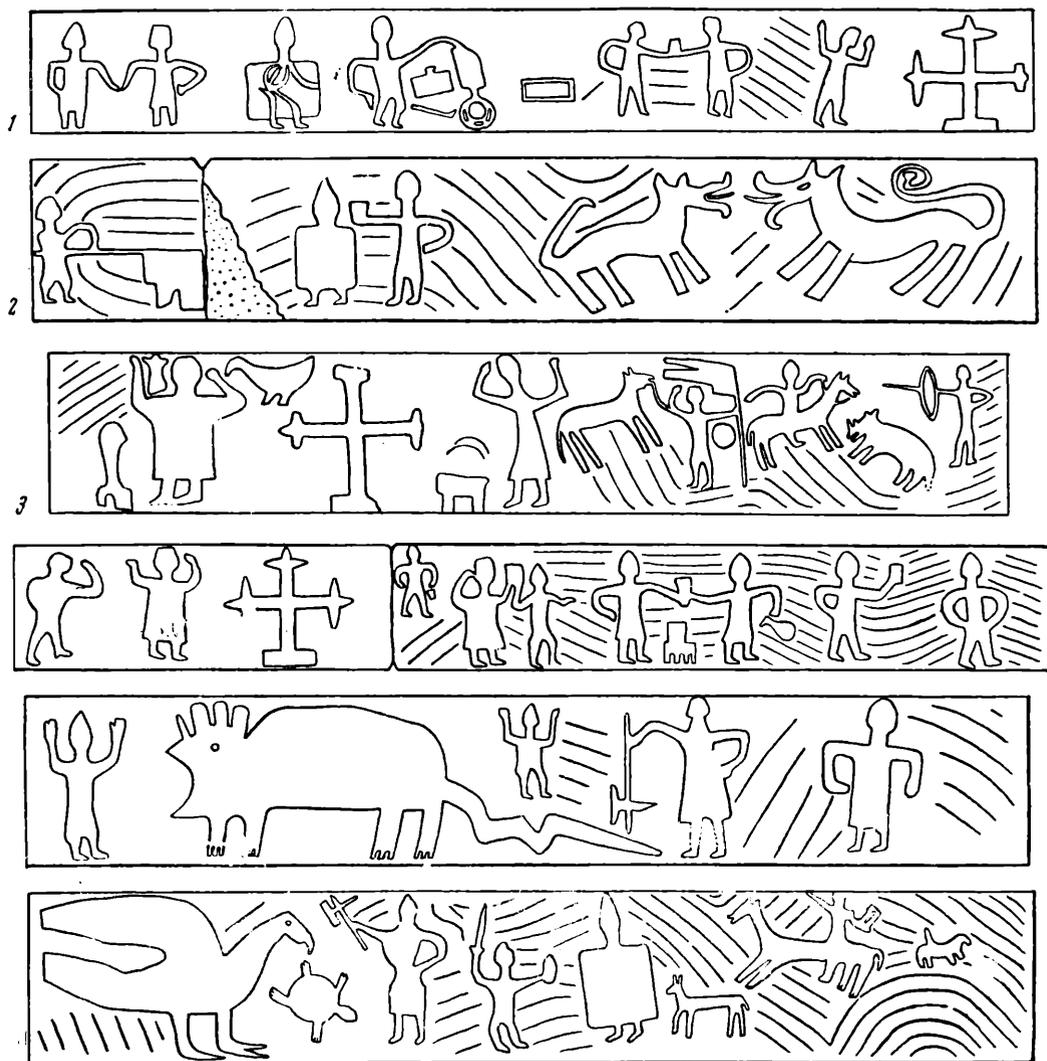

Рис. 43. Дольменообразный склеп № 1, прорисовка изображений на плитах.

1 — верхняя плита; 2 — средняя плита; 3 — нижняя плита (северная стена); 4 — верхняя плита; 5 — средняя плита; 6 — нижняя плита (южная стена).

Общность конструкции рассмотренных дольменообразных склепов с конструкцией склепа № 1 позволяет отнести их суммарно к тому же времени — к XI—XII вв.

Дольменообразные склепы известны не только в междуречье рек Кяфар и Кривая. Еще в прошлом столетии Д. Н. Анучин писал, что дольмены

⁴³ Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 31, 32, рис. 15.

есть «по слухам, в верховьях Кубани»⁴⁴. В 1940 г. в ауле Верхняя Теберда были зафиксированы остатки дольменообразных склепов одного типа со склепами р. Кривой⁴⁵. Отдельные их плиты были вывезены жителями аула Топаем и Идрисом Азаматовыми. В одной из них мы легко узнаём поломанную переднюю плиту с тамгой и рельефным всадником, держащим в руках лук (рис. 44—4). Две другие плиты были составными частями боковой или задней стены. На одной из них — семь человеческих фигур с поднятыми вверх руками (рис. 44—6), на другой — четыре бегущих оленя с теленком (рис. 44—5). Стилистически эти изображения тождественны рельефам дольменообразного склепа № 1 и должны относиться к той же эпохе.

Необходимо кратко остановиться на вопросе об отношении средневековых дольменообразных склепов к дольменам эпохи бронзы. Сходство некоторых могильных сооружений верховьев Кубани с дольменами было впервые подмечено Г. И. Куликовским⁴⁶. Позже А. А. Миллер высказал мысль об их генетической связи⁴⁷. А. А. Спицын считал дольменообразные склепы поздними дольменами и отмечал, что «на Кавказе чувствуется упорное сохранение дольменной традиции»⁴⁸. Имея в виду, вероятно, те же склепы и наземные гробницы, В. Н. Худадов считал их результатом длительной эволюции первоначальных дольменов⁴⁹. Исследователь прикубанских дольменов Е. Д. Фелицын, напротив, полагал, что эти два вида памятников совершенно разнородны, и не находил между ними никакой связи⁵⁰.

Судя по известным нам в настоящее время данным, более правильно мнение А. А. Миллера и А. А. Спицына о генетической связи дольменов и дольменообразных склепов и длительном сохранении на Кавказе дольменной традиции. Об этой традиции свидетельствуют, например, передние плиты склепов. Как и в дольменах, в них обязательно сделано отверстие по осевой линии плиты. Форма и размеры их там и здесь очень близки. Отверстия в склепах, как и у дольменов, закрывались каменной втулкой такой же грибообразной формы.

В целом ближайшее сходство передних плит дольменообразных склепов с передними плитами дольменов несомненно. Оно подтверждается другими важными чертами, сближающими оба вида памятников. Так, например, известны дольмены с двускатными перекрытиями⁵¹, как у дольменообразного склепа № 1. Однако у подавляющего большинства дольменов и дольменообразных склепов перекрытие было плоское. Известны дольмены Прикубанья, стены которых сложены из отдельных плит⁵²; известны, наконец, и пазы⁵³, и выступающие плечи⁵⁴, т. е. в дольменах Прикубанья хорошо прослеживаются основные строительно-архитектурные приемы, которые позже получают дальнейшее развитие в сооружении дольменообразных склепов.

Перед нами, таким образом, — то длительное сохранение дольменной традиции, которое отмечал А. А. Спицын. Вместе с тем нельзя обойти и тот

⁴⁴ Д. Н. Анучин. Доисторическая археология Кавказа. ЖМНП, т. 1-2, СПб., 1884, стр. 235.

⁴⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, д. 7/1940, л. 18, рис. 15—18.

⁴⁶ «Археологические известия и заметки», т. I, М., 1893, стр. 41.

⁴⁷ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 320; его же. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 38.

⁴⁸ А. А. Спицын. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927, стр. 68.

⁴⁹ В. Н. Худадов. Мегалитические памятники Кавказа. ВДИ, 1937, № 1, стр. 198.

⁵⁰ Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 18.

⁵¹ ОАК за 1898 г., стр. 33—37, рис. 48.

⁵² Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 14, 27, 28, рис. 9, 10.

⁵³ Там же, стр. 19.

⁵⁴ В. М. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г., МАК, IX, 1904, стр. 116, рис. 51; А. Лещенко. Материалы до орнаментики дольменов на пивнично-западному Кавказу. «Антропология», IV, Київ, 1931, стр. 245, рис. 6.

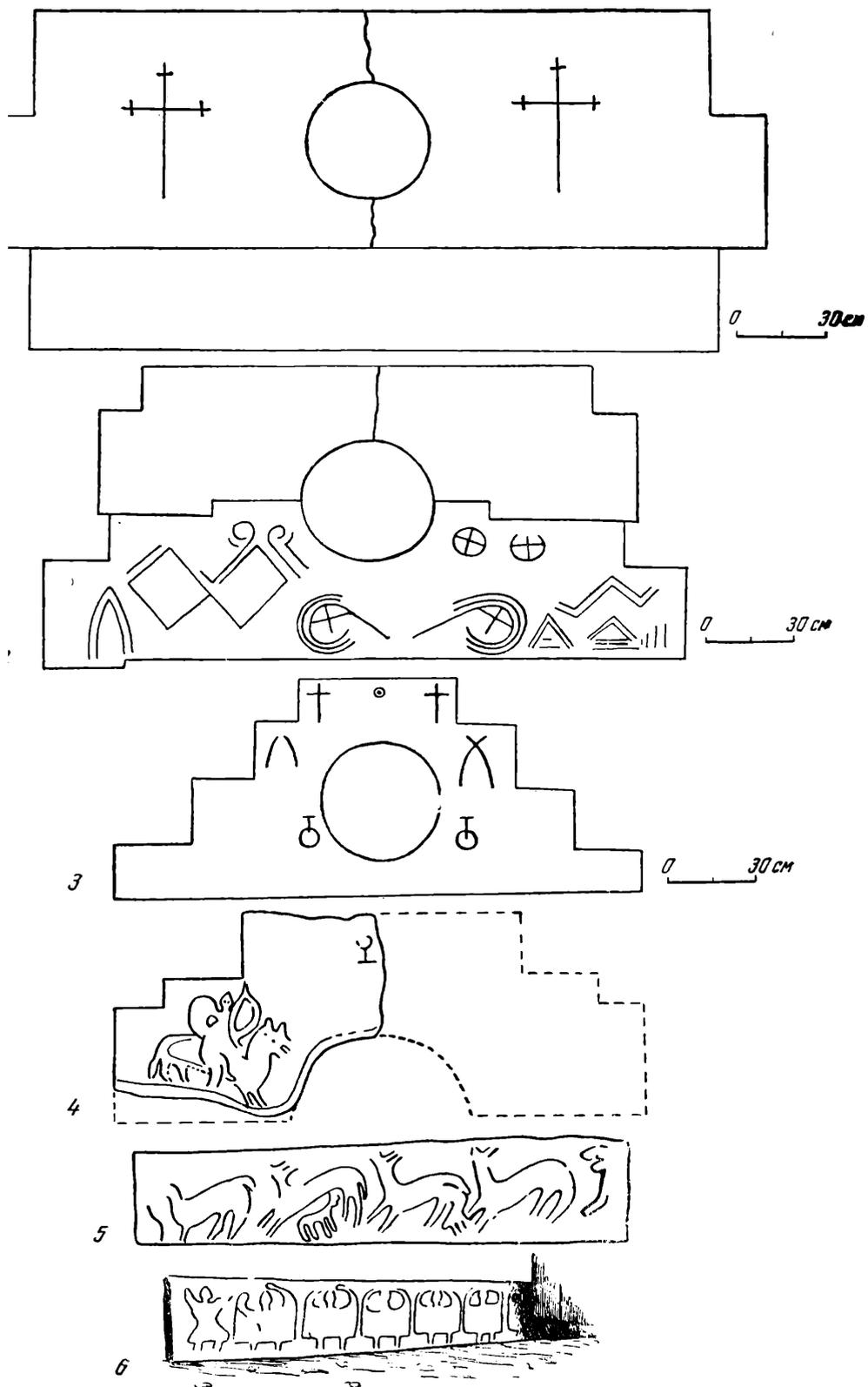

Рис. 44. Плиты дольменообразных склепов Северного Кавказа.

1—3 — передние плиты склепов на р. Кривой; 4—6 — передняя и боковые плиты дольменообразного склепа из Верхней Теберды.

факт, что до сих пор неизвестны промежуточные формы — связующее звено между дольменами и дольменообразными склепами. Мы знаем пока лишь то, что дольмены Прикубанья использовались для погребений и в более позднее время, вплоть до первых столетий нашей эры⁵⁵. Следовательно, местное население еще в начале нашей эры хорошо знало дольмены и их назначение. Но это не снимает вопроса о строительстве дольменных сооружений в промежуточную эпоху. Ответить на этот вопрос пока трудно, так как исследователи дольменов Прикубанья Е. Д. Фелицын и В. М. Сысоев из общего числа их (не менее 1200)⁵⁶ изучили незначительную часть. С тех пор раскопки прикубанских дольменов не производились, и наши представления о них базируются лишь на старых данных.

С другой стороны, дольменообразные склепы конструктивно связаны с наземными каменными гробницами, широко распространенными в Верхнем Прикубанье⁵⁷. Могильник, исследованный нами, состоит в основном из гробниц этого типа⁵⁸. В передней стене их обязательно проделано отверстие прямоугольной формы. В массе своей гробницы несложны по устройству и значительно проще склепов; но встречаются и более сложные сооружения переходного типа, сочетающие черты обычной гробницы и дольменообразного склепа⁵⁹.

Исследованные нами на р. Кривой наземные гробницы относятся к VIII—XII в. и, таким образом, синхронны с дольменообразными склепами. И те, и другие, взятые в совокупности, занимают вполне определенную область. Границы ее очерчиваются следующим образом: на востоке — до меридиана Эльбруса, на юге — по Кавказскому хребту, на севере — по линии предгорья, на западе — между реками Кяфар и Уруп. За пределами этой области ни дольменообразные склепы, ни наземные гробницы не известны.

Распространение на указанной территории Верхнего Прикубанья характерных именно для нее могильных сооружений свидетельствует о бытовании здесь в эпоху средневековья локальной группы родственных племен или одного крупного племени. Какова их этническая принадлежность?

Устанавливаемая генетическая связь дольменообразных склепов с дольменами ведет нас в Среднее Прикубанье, на территорию, исторически известную как прародина современных адыгов. Эта часть Прикубанья уже в III—II тысячелетиях до н. э. была тесно связана с древнейшим населением Черноморского побережья Кавказа⁶⁰. Исследованиями Л. Лопатинского⁶¹, И. А. Джавахишвили⁶² и других ученых установлено, что древние племена Черноморского побережья и Северо-Западного Кавказа (синды, меоты, зихи и др.) были далекими предками адыгов. Это автохтонные племена, истоки культуры которых уходят в глубокую древность и с предками которых можно связывать дольменную культуру Западного Кавказа.

Таким образом, на территории Северо-Западного Кавказа и Черноморского побережья в III—II тысячелетиях до н. э. бытовала дольменная культура, носители которой принадлежали к одной доадыгской (доадыгской) этнической общности, входящей в круг иберо-кавказских древних племен. С этим древнейшим доадыгским этническим массивом и связаны появление

⁵⁵ Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 56, рис. 78; стр. 59, рис. 29; стр. 61.

⁵⁶ Там же, стр. 13.

⁵⁷ ОАК за 1898 г., стр. 40, 41; ОАК за 1899 г., стр. 52 и сл., и др.

⁵⁸ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 83 и сл.

⁵⁹ Е. Д. Фелицын. Указ. соч., табл. XIII, 25.

⁶⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 74.

⁶¹ Л. Лопатинский. Заметка о народе адыге и кабардинцах в частности. СМОМПК, т. XII, Тифлис, 1891, стр. 1, 2.

⁶² И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 44.

и распространение в Прикубанье дольменов, первоначальным районом бытования которых было Черноморское побережье⁶³.

Приведенные связи показывают, что глубоко местный этнос, создавший дольменообразные склепы, должен быть признан адыгским или родственно связанным с меото-адыгами.

В. Ф. Миллером было установлено, что Верхнее Прикубанье в эпоху раннего средневековья было заселено племенами ирано-язычных алан⁶⁴. Действительно, письменные источники свидетельствуют об аланах в верховьях Кубани, а раскопки могильников эпохи раннего средневековья дают материал, близкий аланским памятникам Центрального Кавказа⁶⁵. В связи с этим средневековые памятники Верхнего Прикубанья вплоть до последнего времени было принято безоговорочно связывать с аланами, не углубляя внутреннего содержания этого этнонима.

В действительности дело гораздо сложнее (и археологический материал подтверждает это). Нельзя отрицать существования в Верхнем Прикубанье несомненно сармато-аланских памятников (Байтал-Чапкан)⁶⁶, и значительной сарматизации местной материальной культуры. В Верхнем Прикубанье появляются зачатки иранской письменности⁶⁷, иранская топонимика⁶⁸. Все это свидетельствует о включении ираноязычного этнического элемента в местную среду, но местные кавказские племена не исчезли и не были ассимилированы; они сохранили такой важнейший этнографический признак, как обряд погребения в наземных гробницах и дольменообразных склепах.

Эти местные племена и составили основу смешанного этнического массива, который мы знаем здесь под именем алан. Этнически неоднородное население Верхнего Прикубанья входило в политические границы обширного племенного союза, возглавлявшегося аланами. Письменные источники начинают называть его «аланы», хотя это и не раскрывает этнической сущности; в основе своей она остается глубоко кавказской, со значительной иранской примесью. Таким образом, в Верхнем Прикубанье можно наблюдать интересную картину многообразного этнического процесса, который начинает вырисовываться во всей его сложности.

Дольменообразные склепы свидетельствуют о большой социальной дифференциации. Простые по устройству и небогатые по инвентарю наземные гробницы принадлежали рядовым членам общества, дольменообразные склепы могли сооружаться только для знатных. Их создание стоило огромного труда и материальных затрат и было под силу, по-видимому, лишь феодализирующейся верхушке аланского общества, переживавшего период распада первобытно-общинных отношений.

⁶³ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 258 и сл.

⁶⁴ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 112—116.

⁶⁵ Раскопки Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой.

⁶⁶ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии. СА, XXVI, 1956, стр. 236 и сл.

⁶⁷ В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, III, 1893, стр. 110 и сл.

⁶⁸ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949, стр. 310, 311

А. В. НИКИТИН

РАСКОПКИ БРАТСКОЙ КРЕПОСТИ

В связи со строительством Братской ГЭС и затоплением огромных прибрежных районов Ангары ведутся большие археологические работы по выяснению и изучению историко-археологических памятников, находящихся в этой зоне.

Сохранившиеся две башни Братского острога и территория крепости изучались во время работ Ангарской экспедиции ИИМК 1957 г.¹ Ранее раскопки в Братске не проводились не только потому, что крепость слишком «молода», — она также и трудно доступна; кроме того, до недавнего времени здесь были церковь и кладбище. В 1957 г. велись раскопки, архитектурные обмеры и подготовительная консервация отдельных звеньев башен для подготовки их к перевозке.

Братский острог, построенный в середине XVII в., мало примечателен среди других городов и крепостей Сибири того времени. В 1654 г. он стал местом кратковременного, но сурового заточения протопопа Аввакума. По пути в Забайкалье его бросили в одну из башен крепости: «Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожки не дадут дурачки. Все на брюхе лежал: спина гнила»².

Строительство крепостей было решающим моментом в завоевании Сибири. Небольшие отряды — редко более 100 человек — завоевывали огромные территории и продвигались в глубь страны только в том случае, если им удавалось закрепиться в небольших крепостцах, построенных вскоре после победы. Поэтому история почти всех городов Сибири начинается с момента возведения таких укреплений (Иркутск, Красноярск, Енисейск, Нижне-Ангарск и многие другие).

Местное население сразу поняло значение крепостей и старалось прежде всего их разрушить; если это не удавалось сделать военным приступом, прибегали к хитрости.

Только покрыв Сибирь сетью крепостей, небольшим отрядам можно было удержать за собой огромные пространства. Понимая это, Московское правительство в строительстве оборонительных сооружений полагалось на умение и опыт первых отрядов, заботясь только о снабжении гарнизонов продовольствием и боеприпасами. Если при постройке и разработке обороны запада и юга Московского государства правительство всегда до мелочей руководило возведением крепостей, ревниво относясь к повседневным

¹ Начальник отряда — А. В. Никитин.

² «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Изд. «Academia», 1934, стр. 90, 91.

вопросам администрации, то в строительстве сибирских острогов наблюдается совершенно противоположное.

Большие пространства, трудности связи по неизведанным путям, чисто фискальный взгляд на новые территории лишь как на источник доходов, наконец, сложные проблемы взаимоотношений с западом и югом и восстановление экономики Руси после Смуты — все это отвлекало правительство от Сибири, где, таким образом, открывался широкий простор для проявления личной инициативы во всех областях жизни. В крепостном зодчестве это получило своеобразное преломление. Предводители отрядов руководствовались только своим знанием и опытом, не ожидая присылки из Москвы зодчих, планов и чертежей. Но среди «добывателей новых земель» не было ни одного человека, известного своими военно-инженерными способностями; хотя Хабаров, Бакетов, Перфирьев и многие другие прославились как умелые и решительные военачальники, их военно-инженерный опыт был ограничен. Да и трудно было требовать от них закомства с новшествами фортификации, поэтому в строительстве сибирских острогов отражались рядовые военно-инженерные представления предводителей сибирских отрядов.

Исследуя эти крепости, можно легко составить понятие об уровне инженерных знаний обычного воина, чаще всего лишённого какого-либо образования и постоянного контакта с центром Руси, откуда шел передовой опыт военно-инженерной техники. Эти знания ему заменяли традиция, природная смекалка, обостренная чувством самозащиты, глубокое понимание особенностей тактики противника и природных условий. Поэтому изучение крепостного зодчества Сибири очень интересно.

Братский острог по типичности и простоте занимает одно из первых мест. По планировке ему близки Андинский, Тюменский, Чечуйский, Киренский, Удинский, Бельский³ и многие другие. Определение деталей планировки Братска в какой-то степени уточняет и представление об этих, ныне исчезнувших, крепостях.

В задачи археологических работ 1957 г. входило исследование всех остатков Братской крепости⁴ — не только наземных оборонительных сооружений, но и жилых комплексов в черте крепости и за ее пределами. Первые раскопы и шурфы на предполагаемой линии стены выявили, что погребения находившегося здесь кладбища подходят к ней вплотную. Они расположены тесно, часто в два ряда, так что вся территория крепости оказалась сильно попорченной.

Не оставалось надежды найти свободное от погребений место вблизи церкви. В дневнике Спафария 1675 г. он упоминает «о церкви пресвятой богородицы Владимирской»⁵. Вряд ли приходится сомневаться, что кладбище существовало с момента основания церкви. За три столетия погребения заняли всю крепость, и старожилы помнят, что могилы были хорошо видны сравнительно недавно. Хоронили здесь до конца XIX в. Поэтому мы ограничились изучением периферии крепости (рис. 45).

Траншея № 1 заложена по линии северо-запад — юго-восток перпендикулярно прямой, идущей от северного угла башни № 1⁶. После снятия дернового слоя обнаружены следы могильных ям. В районе квадратов 2—2а и 3—3б с первого же пласта выявилась темная полоса, шедшая в направлении с юго-запада на северо-восток по предполагаемой линии стены между башнями. При углублении обнаружались остатки сравнительно хорошо сохранившейся стены типа тына или стоячего острога, причем бревна были

³ С. Р е м е з о в. «Чертежная книга Сибири 1701 г.». СПб., 1883, лл. 17, 18.

⁴ В работах принимали участие Э. Б. Адалева, Э. В. Ганевская, Н. Н. Маркина, Л. В. Майорова, Е. В. Сорокина, Л. А. Толкушева, Б. Р. Чесаков и др. Автор глубоко благодарен им за оказанную помощь.

⁵ Н. С п а ф а р и й. Путешествие через Сибирь... СПб., 1882, стр. 107, 108.

⁶ Так условно называется башня, расположенная в восточном углу крепости.

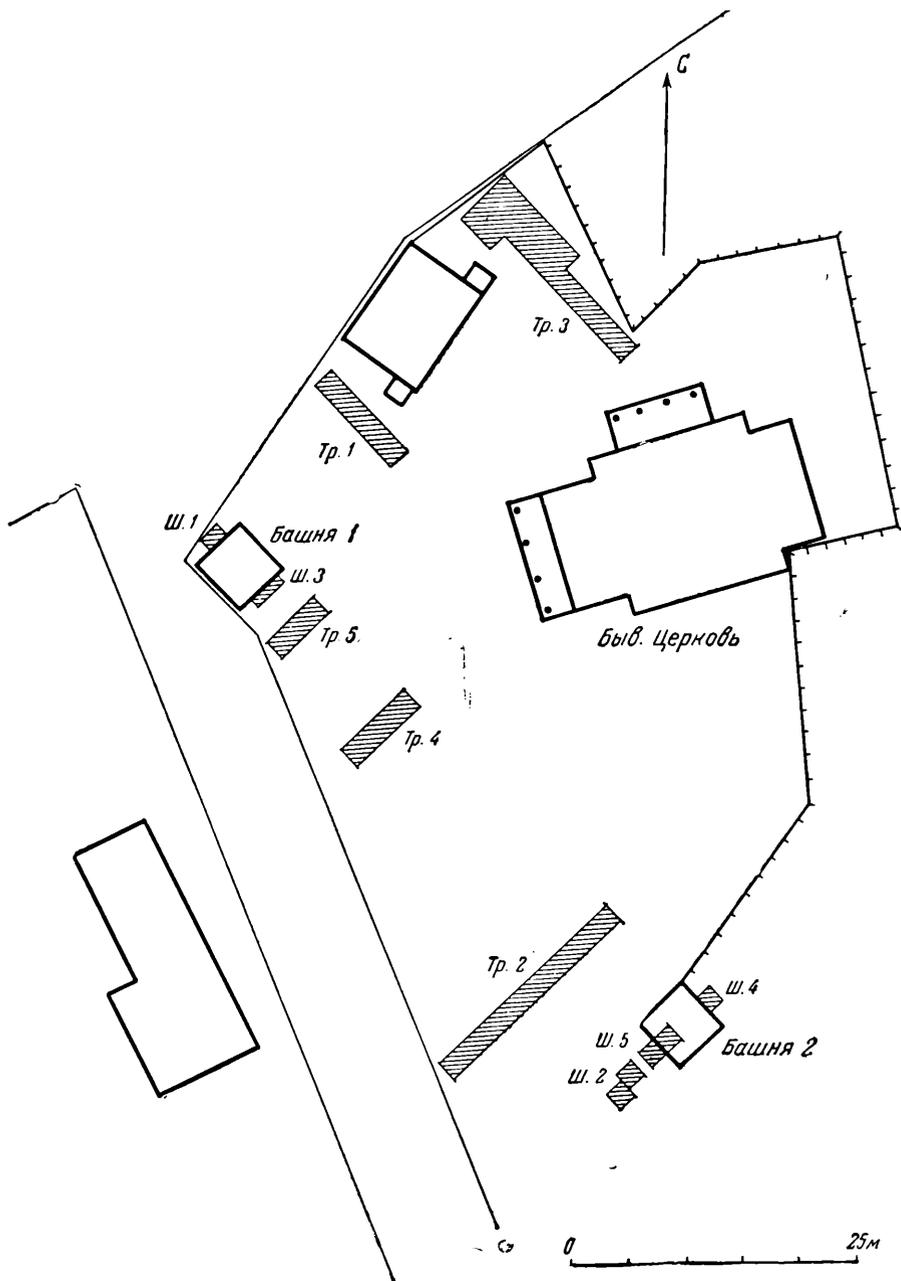

Рис. 45. План расположения раскопов в Братской крепости.

(Тр — траншеи; Ш — шурфы).

поставлены в два, а местами в три ряда (рис. 46). Это были следы так называемого «стоячего острога». Возникла необходимость решить два вопроса о соотношении между первым и вторым рядами и о назначении вплотную поставленных трех рядов свай. Острог был стоячим и, судя по выходу на башне, достаточно высоким; поэтому нужно было укрепить его дополнительными опорами. Ими и могли быть два ряда бревен, поставленных сзади и спереди острога. Передний ряд мог служить надолбами, а бревна сзади стены, возможно, были остатками тыловых креплений. Возможно также, что это так называемые «кровати».

Траншея № 2 заложена на юго-западной линии, между углами башен. Сразу же под дерновым слоем прослеживались темные пятна могильных ям. В первых двух пластах найдены остатки спекшегося черного стекла, обломок керамического тигля, а на одном из участков — большое пятно обгоревшей ржи. Все эти находки не связаны между собой, поэтому трудно говорить об их значении.

По мере расчистки в районе квадрата 3 выявлены следы частокола, а в квадрате 3 — остатки стоячего острога, сооруженного не совсем по прямой линии. Местами стояли по два бревна вплотную друг к другу, — вероятно, следы крепления отдельных звеньев ограды. Таким образом, выяснилось, что и с этой стороны крепость была ограждена стеной, аналогичной по конструкции стене, вскрытой в траншее № 1. Правда, здесь она была лишена дополнительных рядов креплений, что можно объяснить или меньшей высотой стены, или большей твердостью грунта в этой части крепости. Что касается остатков рва, вала или надолб перед стеной, то в траншее их не обнаружено.

Траншея № 3 заложена на предполагаемой линии стены, к северо-востоку от башни № 1. В отличие от других траншей, здесь попадалось сравнительно много керамики — грубой, плохо обожженной, с примесью песка к глине, хотя не было найдено ни одного обломка чернолощеной керамики XVI—XVII вв.

На глубине 0,4—0,6 м ясно выявились остатки деревянной стены (рис. 47). Конструкция ее такая же, как и в траншее № 1. Это два ряда бревен, вбитых в землю; расстояние между ними — 0,6—0,8 м. Бревна сохранились на высоту до 0,5—0,7 м. Их можно было довольно хорошо проследить, хотя остатки стены местами нарушены погребениями. Никакого особого заполнения между рядами стоячего острога не было.

На участке раскопа (вне стены) обнаружен нижний венец сруба дома. В южном углу четко было видно деревянное перекрытие пола. По всей площади сруба беспорядочно лежали куски перегнившего дерева. В центре избы находились ямы неправильных очертаний (может быть, небольшое подполье). Около юго-восточной стены сохранилась небольшая вымостка. Хотя во вскрытом жилище не встречены какие-либо уникальные находки, оно интересно тем, что было построено вскоре после крепости, так как следов позднейшего перекопа нигде нет; очевидно, постройки здесь довольно скоро оказались за пределами укреплений.

Площадь крепости небольшая, но и первоначальных ее обитателей было не более 50—60 человек. Расселение за пределы крепости свидетельствует о росте населения в связи с освоением близлежащих пространств, а главное, в результате установления мирных отношений с местным населением, особенно бурятами. Это небезынтесный факт, если вспомнить, что все события, предшествовавшие постройке острога, богаты военными столкновениями. Военные стычки с бурятами до сооружения острога были обычны, но уже после второй половины XVII в. нет известий о борьбе между русскими и бурятами. Налаживание мирных взаимоотношений и нашло, по-видимому, отражение в расширении строительства за пределами острога.

Траншея № 4 заложена на линии между башнями № 1 и 2. Со второго пласта на многих ее участках стало в большом количестве попадаться перегнившее дерево, обнаружены серое пятно и частично дерево от частокола; затем выявлены остатки стоячего острога. Расстояние между его рядами — 0,6—0,8 м. Бревна были вбиты вплотную друг к другу, причем в первом (внешнем) ряду местами сохранились остатки дополнительного, по-видимому, опорного ряда бревен. Таким образом, стены конструктивно ничем не отличались от других, что позволяет говорить об едином плане возведения оборонительных стен вокруг всей крепости. Следует заметить, что в крепостном деревянном зодчестве не всегда соблюдалось стремление сохранить

архитектурное единство стен. В одной и той же крепости стены могли рубиться и ставиться рядом стоячим острогом, который в свою очередь мог входить в систему земляных насыпей. Пестрота строительных приемов объяснялась, с одной стороны, стратегическими соображениями, а с другой — одновременностью сооружения отдельных звеньев, при которой соображения эстетического порядка далеко не всегда принимались во внимание.

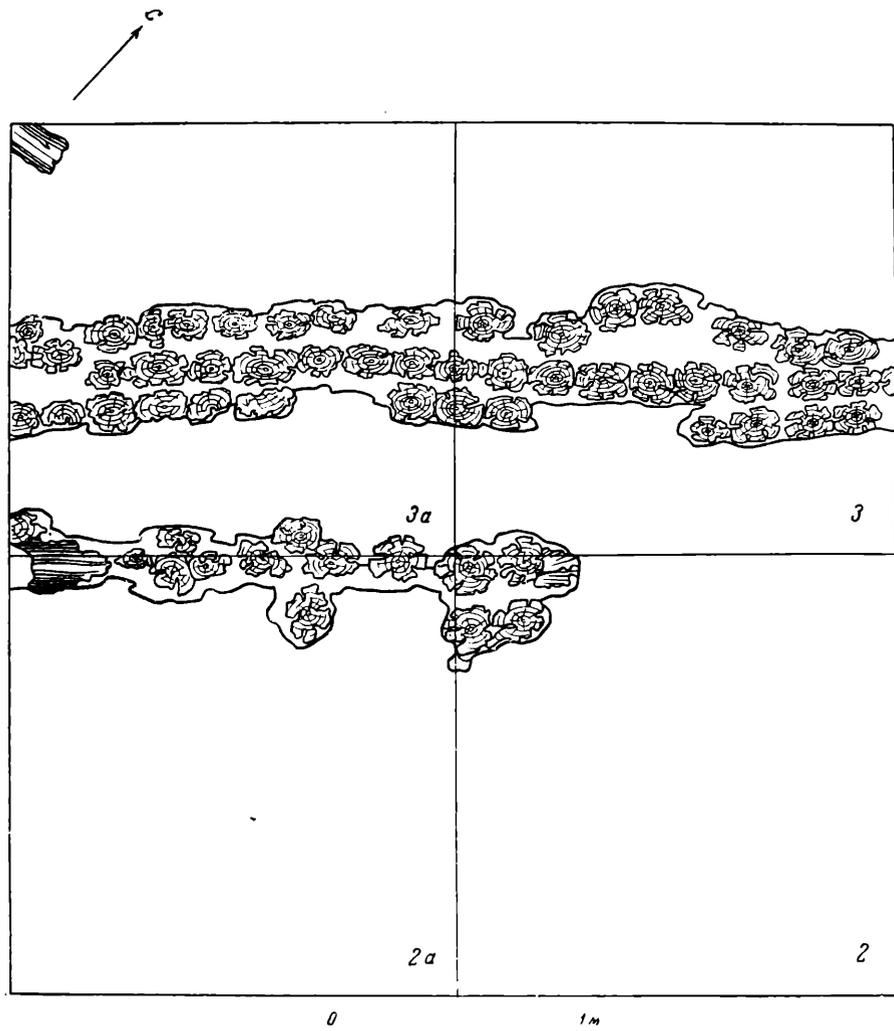

Рис. 46. Братская крепость. Траншея № 1. Остатки стены.

Заложенные нами шурфы сосредоточивались вокруг башен, причем заранее была ограничена возможность их расширения до раскопов или траншей, так как это грозило осадкой башен. И все же в данном случае шурфовка могла уточнить существенные стороны строительства и планировки крепости: выяснить строение фундамента под башнями, толщину культурного слоя вокруг них, а также определить смыкание стен с башнями и тем самым установить степень фланкирования.

Шурф № 1 заложен около северо-западной башни № 1, в центре. По мере расчистки выявились остатки двух венцов очень плохой сохранности. На глубине 0,2—0,4 м хорошо были видны следы обгоревших бревен вперемежку с углем и глиной. Вероятнее всего, это был небольшой местный пожар,

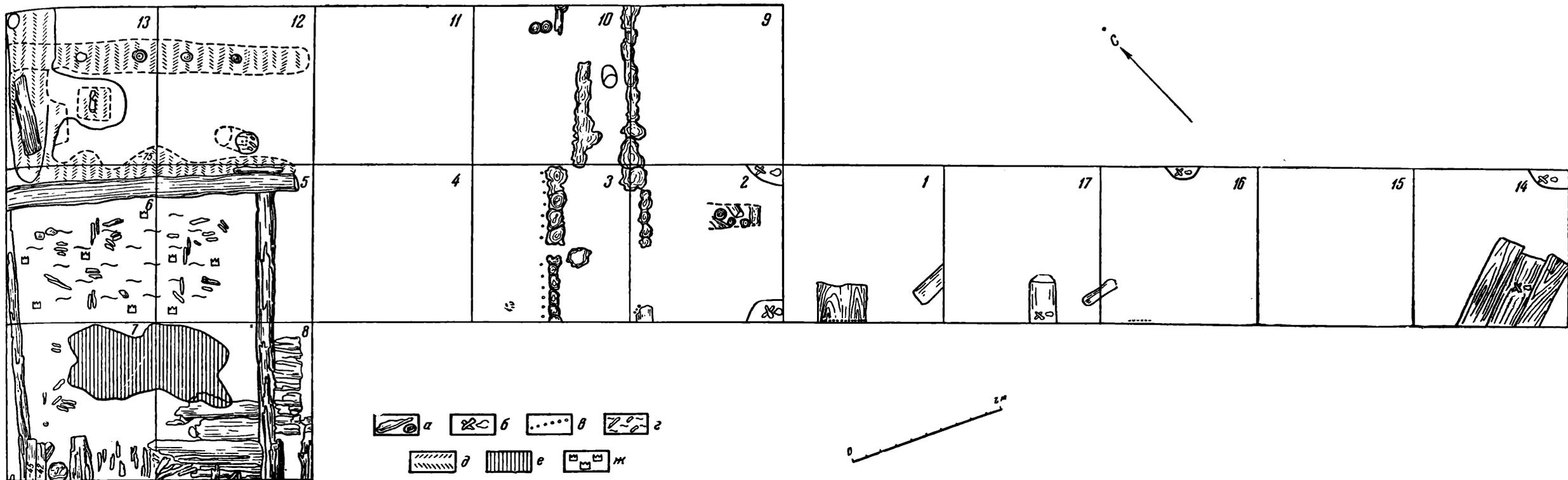

Рис. 47. Братская крепость. Траншея № 3. Остатки избы и укреплений.

а — дерево; б — захоронение; в — сожженное зерно; г — щеля; д — пятна черной земли; е — пятно кирпичной пыли; ж — щебень.

так как горелого слоя не оказалось ни в траншеях, ни в шурфах около второй башни. Под слоем бревен находилась щепка, лежавшая по всей поверхности и, видимо, оставшаяся от строительства крепости. На глубине 0,3 м залегал слой красной глины с вкраплениями черной земли. На глубине 0,6 м встретились остатки досок, положенных вплотную друг к другу и уходящих под нижний венец. Это было перекрытие пола башни. Такой способ настила пола встречается до сего времени в местных постройках.

Шурф № 3 заложен около противоположной — юго-восточной стены первой башни. Сразу же стали выявляться бревна, расположенные в различных направлениях, — видимо, остатки каких-то поздних построек и ограждений. Во втором пласте попадались вкрапления угля вместе со следами сгнившего дерева. При расчистке на глубине до 0,6 м обнаружены 3 венца стен башен. Все они плохо сохранились. На глубине 0,68 м проступило угольное пятно, а под ним после расчистки вскрылось обугленное бревно. Такое же обуглившееся бревно было и в квадрате 2 (глубина — 0,5 м). На глубине 0,6—0,8 м в профиле шурфа хорошо прослеживалась угольная прослойка. И дерево, и уголь лежали на глине, смешанной с песком и лишенной находок. Прослойка уходила под нижний венец башни; поэтому можно с уверенностью говорить о пожаре на месте крепости еще до возведения башен. Это обстоятельство довольно интересно в истории Братска, так как до сих пор считалось, что до момента постройки крепости здесь не было каких-либо сооружений. Впрочем, угольную прослойку можно было бы считать остатками каких-то временных сооружений, если бы не следы пожарища предшествующего острога, открытого в шурфе № 2.

Шурфы № 2, 4 и 5 были расположены около второй башни. Шурф № 2 заложили с целью выяснить глубину залегания нижних венцов. Около юго-восточной стены, на глубине третьего пласта, начали показываться ряды бревен — следы частокола, поставленного в один ряд. По верху шел небольшой слой угля и обожженной глины. Вскрытый частокол конструктивно не был связан с башней; он лежал ниже основания башни и шел под углом к ней (рис. 48). В дальнейшем при расширении шурфа выяснилось, что стена продолжается дальше в юго-западном направлении, но определить ее конец и поворот нельзя из-за построек. Можно считать, что перед нами — остатки острога, предшествовавшего постройке крепости. В верхней части вскрытого участка хорошо сохранились следы пожара — здесь видна прослойка угля и обожженной глины.

Из находок в этом шурфе следует отметить обломок каменного неолитического топора, найденный на глубине 0,45 м; хотя он обнаружен рядом с потревоженными слоями, но все же можно полагать, что и на левом берегу Ангары окажутся следы древней стоянки. На противоположной стороне реки неолитическая стоянка была в недавнее время открыта учителем М. Е. Карповым (частично исследована Е. Ф. Седакиной).

Шурф № 4, расположенный около северо-восточной стены второй башни, попал на разновременные перекопы.

Шурф № 5 был заложен внутри башни, около юго-западной стены, почти вплотную к шурфу № 2. Цель его — выяснить культурный слой внутри башни, наличие замощения и найти продолжение частокола, открытого в шурфе № 2. На глубине 0,3—0,35 м в восточном углу и на глубине 0,6—0,65 м — в западном выявлено 5 половиц, лежавших в направлении с юго-запада на северо-восток на опорной лаге. Интересно, что во многих местах под настилом пола была береста, положенная для предохранения его от загнивания (что нередко применяется в деревянных постройках и сооружениях). В северо-западной части шурфа вскрыто зольное пятно (толщина слоя золы — не более 5 см). Пятно нигде не заходило ниже половиц, так что его можно считать относящимся ко времени существования башни. Вблизи лежало горелое бревно, и можно предположить, что это следы небольшого

пожара внутри башни. Под обгоревшей половицей у северо-восточной стены найден сильно заржавевший топор, в другом месте — остатки навершия кинжала или ножа, покрытого эмалью.

Около юго-восточной стены виднелось темное пятно, при расчистке которого попадались обрезки сыромятной кожи, старые подошвы, мелкие обломки керамики, рыба чешуя и кусочки слюды. На глубине 0,73 м найден

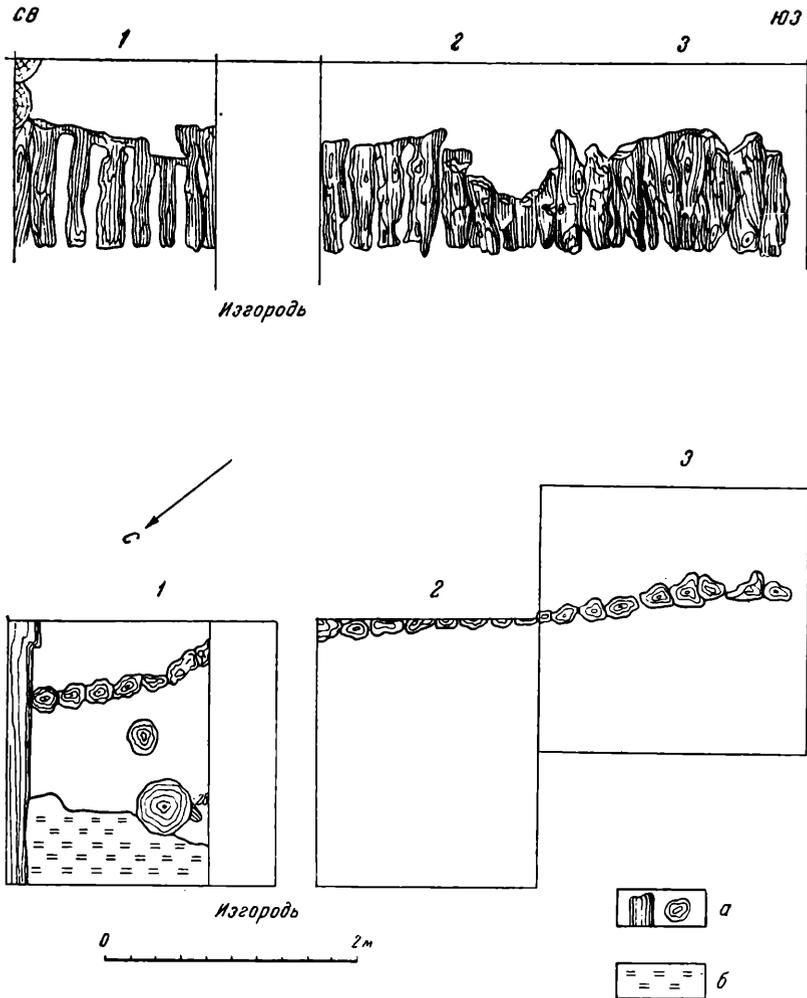

Рис. 48. Остатки острога, предшествовавшего Братской крепости. План и разрез шурфа № 2.

а — бревна; б — желтая глина.

обломок точильного бруска. Вероятнее всего, это были следы небольшого подполья. В юго-западной части шурфа, ниже венцов перекопанного слоя, на глубине 0,85—0,88 м обнаружено бревно, аналогичное открытым в шурфе № 2, т. е. остатки частокола, предшествовавшего постройке Братского острога.

Работая на археологических памятниках позднего времени, вряд ли можно рассчитывать на получение сведений первостепенной исторической важности; письменные источники занимают здесь неоспоримо первое место. И все же данные археологических раскопок могут принести заметную пользу. До сего времени не написано истории древнерусской фортификации, и

без археологических раскопок памятников эта тема никогда не может быть решена хотя бы удовлетворительно. Когда в письменных источниках возникают вопросы, связанные с материальной культурой, прийти к осязаемым научным результатам на основании одних только этих источников вряд ли возможно.

Археологическое изучение Братского острога может в какой-то степени служить иллюстрацией сказанному. Несмотря на то, что описание его существует (Н. Спафария, Гмелина) и есть даже относительно точные чертежи в атласе С. Ремезова, все-таки археологические работы 1957 г. позволили сделать дополнительные наблюдения, интересные для истории крепостного зодчества вообще, так как Братский острог типичен для Сибири XVII в.

Прежде всего следует заметить, что местоположение крепости не совсем соответствует сведениям письменных источников, говорящих, что Братск построен при впадении р. Оки в Ангару. Это следует понимать весьма условно; Ангара, разделенная множеством островов, образует здесь как бы параллельно идущие русла, сливающиеся ниже в один поток, и устье Оки лежит значительно выше Братского острога. Кроме того, острог в настоящее время находится в 60—80 м от берега Ангары (как и в XVII в.), и его строители ни в какой степени не могли использовать природные преимущества в обороне крепости. Они создали простую оборонительную систему — одинаково защищенную со всех сторон, почти квадратную в плане, тыновую ограду с башнями по углам. Археологические раскопки помогли уточнить конструкцию этой ограды.

О том, что Братский острог был окружен «стоячим острогом», можно было заключить из чертежа С. Ремезова. В результате раскопок выявились две особенности: 1) острог должен был быть сравнительно высоким, так как местами сохранились двойные ряды свай, крепивших ограду; 2) его стены сильно выступали за пределы башен, и большая часть их находилась внутри крепости.

Такая конструкция сильно затрудняла ведение флангового огня, поэтому не может считаться достижением строителей; впрочем, такие просчеты не единичны и находят свое объяснение.

Крепостные башни довольно рано начали использоваться как жилые или служебные помещения; иначе не было бы необходимости в настиле пола, не всегда имевшегося и в избах того времени. Наличие открытого боя — облам вокруг обеих башен, отсутствие хорошо простреливаемого пространства вдоль стен показывает, что строители не рассчитывали на сильно вооруженного противника. Нет никаких данных, что у бурят было в то время огнестрельное оружие. У русских создавался несомненный перевес в вооружении. Вероятно, только этим и объясняются конструктивные просчеты при возведении крепости; они указывают, что строителями крепости были казаки, среди которых вряд ли можно было найти людей, основательно знакомых с деталями фортификационной техники.

Результаты исследований позволяют считать, что население внутри крепости росло сравнительно быстро, и это заставило обитателей крепости выслиться за ее пределы. Следовательно, можно предположить налаживание мирных отношений между бурятами и русскими уже к концу XVII в., когда крепость потеряла свое оборонительное значение. Но самый интересный факт — это находка остатков острога, существовавшего до постройки ныне известной крепости. Ни один письменный источник не говорил об этом. Велись споры о первоначальном местоположении острога (см. подробности в работе А. И. Михайловской⁷), но укрепления, существовавшие до сооружения острога, никому не были известны.

⁷ А. И. Михайловская. Братский острог. Иркутск, 1928.

Уточнять вопрос о первоначальном остроге — это увеличивать число гипотез, но факт существования здесь укрепления до постройки Братского острога вряд ли может подвергаться сомнению. Можно даже говорить о причинах возведения нового острога — слишком хорошо видны следы пожара.

Таким образом, в результате работ 1957 г. удалось внести некоторые уточнения в известия о Братской крепости, и это, как нам представляется, небезынтересно для истории крепостного зодчества Сибири, еще мало исследованного⁸.

В 1959 г. северо-западная башня (№ 1) была разобрана. Все детали XVII в. были обработаны синтетическими смолами, предохраняющими от гниения, и перевезены в Москву. Здесь, на территории Филиала Государственного исторического музея («Село Коломенское») башня была восстановлена согласно археологическим данным и по архитектурным обмерам XIX в., зафиксировавшим первоначальный облик перекрытия. Теперь этот уникальный памятник русского военно-оборонительного искусства экспонируется в Музее деревянного зодчества.

⁸ Подробнее об архитектурных особенностях сооружений Братского острога см. в статье — А. В. Никитин. Братский острог. СА, № 2, 1961, стр. 213—226.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

Ю. Д. БАРУЗДИН и А. Г. ПОДОЛЬСКИЙ

БРОНЗОВАЯ ЖЕНСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ КАРА-БУЛАКСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1954 г. при раскопках Кара-Булакского могильника близ районного центра Баткен, Киргизской ССР, в женском погребении кургана № 8 было обнаружено круглое бронзовое зеркало с рукояткой в виде статуэтки, изображающей стоящую женскую фигуру¹ (рис. 49).

Курган № 8, в котором найдена статуэтка, относится к наиболее характерному для Кара-Булакского могильника типу. Погребальное сооружение состояло из могильной ямы, ориентированной длинной осью по линии север — юг, и двух подбоев в западной и восточной стенках на глубине 2,7 м. В западном подбое открыто мужское захоронение в деревянной колоде. Около костяка и на нем найдены 2 железных ножа, 2 глиняных сосуда, 3 железных трёхгранных черенковых наконечника стрел и деревянное блюдо с костями барана.

В восточном подбое, также в деревянной колоде, обнаружен костяк женщины. На черепе находились 2 серьги — бронзовая и серебряная, а на груди и около шеи — бусы. Между левой рукой и грудной клеткой, в матерчатом чехле, от которого сохранились лишь фрагменты, лежало бронзовое зеркало (диаметром 12 см), ручкой которого служила женская статуэтка.

В середине зеркала — коническая выпуклость; по краю — высокий (около 2 см) бортик; внешняя поверхность вокруг центральной выпуклости покрыта орнаментом в виде концентрических окружностей. Ручка-статуэтка (длина 16,5 см) изображает женскую фигуру, одетую в легкую ткань, плотно облегающую тело. Фигура стоит прямо, слегка склонив голову к левому плечу; правая рука опущена вниз, левая — опирается на бедро. Прическа состоит из отчетливо выраженного, возвышающегося на макушке пучка и разделенных посередине лба прядей волос ниспадающих на плечи несколькими крупными локонами. Головной убор представляет собой обруч или диадему с двумя дисками над висками; к этим дискам, в их центре, прикреплено по перу или крылу. Шею женщины двукратно обвивает довольно толстая цепь или ожерелье, длинной петлей опускающаяся между грудей до пояса. На руках и ногах надеты большие обручобразные браслеты.

Особенности исполнения статуэтки, — в частности, таких деталей, как линии ткани одежды, черты лица и т. п., — позволяют считать, что фигурка вместе со стойками, которыми она прикреплялась к диску зеркала, выполнена в технике выплавленной восковой модели.

¹ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Труды Института истории АН Киргизской ССР, вып. II. Фрунзе, 1956.

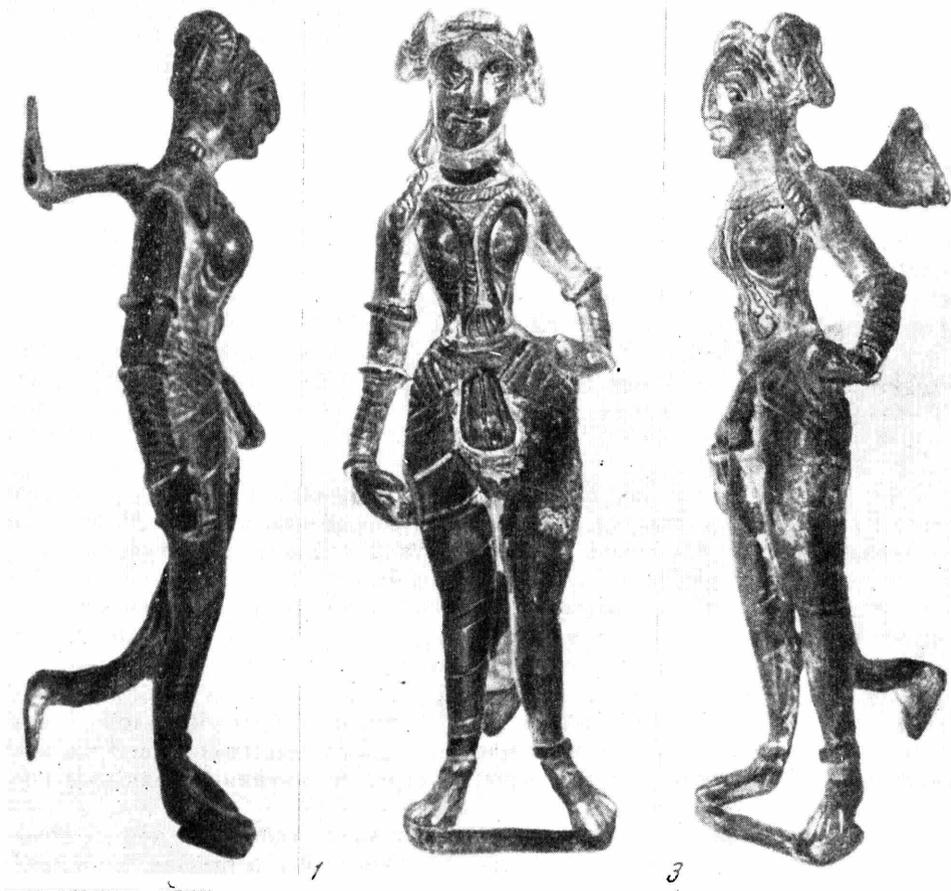

Рис. 49. Бронзовая статуэтка из Кара-Булакского могильника.

1 — вид спереди; 2, 3 — вид сбоку.

При достаточной детализации одежды и украшений, формы лица и тела переданы сильными, выразительными и вместе с тем обобщенными чертами нередко отступающими от анатомически правильных пропорций. Эти черты представляются, несомненно, связанными с определенными художественными канонами и традициями.

Насколько нам известно, подобного рода произведения бронзовой пластики на территории Средней Азии еще не обнаружены. При широком распространении женских статуэток в коропластике Средней Азии кара-булакская статуэтка по форме и иконографическим деталям резко отличается от известных среднеазиатских памятников. В этой связи интересны некоторые аналогии и параллели отдельным иконографическим и стилистическим особенностям кара-булакской статуэтки в памятниках скульптуры Индии первых веков нашей эры, например, в рельефах, украшавших некогда ступу в Амаравати (II—III вв. н. э.).

Важно совпадение формы узла, которым завязано «дхоти» статуэтки, — в виде короткого, толстого матерчатого жгута, далеко не доходящего до колен. Характерно, что такая форма узла не встречается в гуптской и непосредственно предшествующей ей скульптуре; не встречается она также в Матхуре и известна только на рельефах из Амаравати, датировемых в лите-

ратуре концом II в.— III в. н. э.², и в рельефах фасада чайтйи в Канхери (II в. н. э.)³. В ранних памятниках эта деталь отмечена в единичных случаях, как, например, в рельефе фасада чайтйи в Карли (около I в. до н. э.)⁴. Другая иконографическая деталь статуэтки, находящая круг аналогий в скульптурах Амаравати и Матхуры,— это ручные и ножные браслеты.

Нельзя не отметить и значительного сходства в общей трактовке человеческой фигуры между кара-булакской статуэткой и рельефами из Амаравати: сравнительно крупная голова, тонкая талия при относительно небольшом торсе, крутые, крупные бедра, удлиненные ноги и руки с очень суммарно трактованной мускулатурой. Но тут же следует отметить и существенные различия: в скульптуре Амаравати и Матхуры чрезвычайно сильно подчеркнуты специфические особенности женской фигуры (большие, полные груди, очень крутые, округлые бедра при тонкой талии и т. п.); в кара-булакской статуэтке эти черты показаны более сдержанно, нет в ней и характерного для индийских памятников сложного тройного изгиба фигуры. Эти отличия кара-булакской статуэтки возникли, видимо, в результате самостоятельного художественного истолкования индийского пластического образа в духе местных среднеазиатских художественных традиций.

Тип лица кара-булакской статуэтки не находит аналогий в указанных нами памятниках индийского искусства, но он может быть сопоставлен с трактовкой лиц женщин-прислужниц с костяных пластинок из Беграма (II в. н. э.)⁵. Для головного убора статуэтки можно указать ряд близких аналогий в головных уборах некоторых фигур с рельефом из Амаравати⁶.

Таким образом, бронзовая женская статуэтка, найденная в Фергане в одном из курганов могильника (верхняя датировка которого — IV в. н. э.), вводит нас в круг памятников изобразительного искусства территории Северной Индии и Афганистана, достаточно точно локализуемых по времени — II—III в. н. э. и большей частью связанных с буддийскими сюжетами. Этот момент не случаен; его следует поставить в прямую связь с тем фактом, что вхождение Средней Азии в Кушанскую державу в первые века нашей эры создавало предпосылки для интенсивных культурных и художественных связей между Средней Азией и Индией.

Приведенный сравнительный материал дает, как нам кажется, основание датировать кара-булакскую статуэтку III в.— началом IV в. н. э. Стилистические особенности позволяют утверждать, что этот памятник изобразительного искусства — произведение местного, среднеазиатского художественного творчества: его создатель, несомненно, знакомый с сюжетами и иконографическими образами индийского искусства, исходя из местных традиций и канонов, дал самостоятельную, творческую трактовку пластического образа.

Небезынтересно отметить и черты стилистической близости между кара-булакской статуэткой и более поздними деревянными скульптурами «танцовщиц» из Пенджикента. В последних, при совпадении украшений с аналогичными деталями классической индийской скульптуры эпохи Гупта, чувствуется та же самостоятельность в общей трактовке человеческой фигуры.

Публикуемый памятник пока уникален и, естественно, наши выводы носят предварительный характер. Несомненно, однако, что кара-булакская статуэтка принадлежит к памятникам изобразительного искусства Средней Азии, выдвигающим проблему изучения культурных и художественных взаимосвязей между Средней Азией и Индией в первые века нашей эры.

² См. изображение молящейся перед ступой или статуей Будды в книге: J. Auboyer. Arts et styles de l'Inde. Paris. 1951, табл. XII, или рельеф «Рождение Будды в парке Лумбини» в книге: S. Kramrich. The art of India. London, 1955, фиг. 8.

³ А. Соомарасваму. Geschichte der indischen und indonesischen Kunst. Leipzig, 1927, табл. XXXI, 135.

⁴ H. Zimmer. The art of Indian Asia. Kingsport Press, 1955, v. II, табл. 81.

⁵ J. Auboyer. Указ. соч., табл. XIII, B. Rowaland. The art and architecture of India. London, 1953, табл. 51, в.

⁶ W. Kohn. Buddha in der Kunst des Ostens. Leipzig, 1925, табл. 13, 17.

IV. ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКТОРОВ И ГРУПП ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
АН СССР В 1958 ГОДУ¹

1. СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1958 г. Сектор скифо-сарматской археологии, как и в прошлые годы, продолжал работать над широким кругом вопросов, связанных с историей раннего железного века. В план были включены не только темы, непосредственно касающиеся истории скифов и сарматов, но и выходящие за рамки скифо-сарматского мира, — относящиеся к территории Приуралья, Северного Кавказа и более отдаленных областей, таких, как север Восточной Европы и Средняя Азия. Расширение тематики было вызвано тем, что решение основных вопросов сложения культуры скифов и савроматов и проблемы их этногенеза следует искать за пределами узкой территории, где развивалась их история, известная уже по письменным источникам.

Совершенно ясно, что при установлении происхождения скифов должен быть принят во внимание мир саков и массагетов, должна изучаться достаточно обширная область; это позволило бы критически отнестись к положению Геродота о приходе скифов из Азии. Точно так же вопрос о взаимосвязях с фракийским миром требует включения пограничной зоны на западе, лежавшей за пределами скифской территории, как она была очерчена Геродотом.

Правильное понимание исторического процесса требует рассмотрения материала с большей территории. Поэтому Сектор считал необходимым расширить темы, связанные с лесостепной зоной, включив и более северные области, населенные племенами, на культуру которых, как показывают последние исследования, оказали сильнейшее влияние скифские и сарматские племена.

В 1958 г. Сектор работал в составе 14 человек по следующим темам: «Культура Степного Поднепровья в скифское время» (А. И. Мелюкова), «История савроматских племен на территории Поволжья и Приуралья. Сарматы в VII—IV вв. до н. э.» (К. Ф. Смирнов), «Скотоводство у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего железа» (П. Д. Либеров и В. И. Цалкин), «Памятники скифского времени среднего течения Северного Донца» (П. Д. Либеров), «Предскифское время в степях Западной Скифии, Нижнее Поднепровье и Побужье» (Н. Н. Погребова), «Керамика Неаполя Скифского по раскопкам 1955—1957 гг.» (О. Д. Дашевская), «Городища скифо-сарматского времени в бассейне р. Сейма» (А. Е. Алихова), «История Центрального Предкавказья в скифское время» (Е. И. Крупнов), «Железный век Чувашского Поволжья» (А. П. Смирнов), «Этнический состав на-

¹ Информация о работе Сектора неолита и бронзы в 1958 г. помещена в Кратких сообщениях Института археологии АН СССР, вып. 84, 1961.

селения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.» (Е. И. Горюнова). «Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Фергане» (Т. Г. Оболдуева), особняком стоят две темы: «Археологические памятники гуннов и аваров в Юго-Восточной Европе» (Л. П. Зяблин), «Погребальные памятники Золотой Орды» (Г. А. Федоров-Давыдов), включенные в план сектора.

В 1958 г. были завершены многолетние темы и подготовлены к печати следующие работы:

1. «Предскифский период в лесостепной Молдавии» (А. И. Мелюкова). Автором устанавливаются культурные связи предскифских племен лесостепной Молдавии с племенами культуры Ноа и более поздней культуры фракийского гальштада в Карпато-Дунайском бассейне, а также с культурой предскифского времени в Северном Причерноморье. Показано, что культура предскифского периода в лесостепной Молдавии была основой, на которой развивалась культура скифского времени этой территории.

2. «Этнический состав населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.» (Е. И. Горюнова).

3. «История Центрального Предкавказья в скифское время» (Е. И. Крупнов). В работе впервые сделана попытка воссоздать историю и культуру племен Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Особое внимание уделено освещению скифского периода, очень слабо выявленного предшествующими исследованиями. Прослежен генезис кобанской культуры, установлены три ее локальных варианта. Освещены экономика, общественный строй и духовная культура племен Северного Кавказа и их связи с окружающим миром.

4. «Скотоводство у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего железа» (П. Д. Либеров).

5. «Керамика Неаполя Скифского» (О. Д. Дашевская).

6. «Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. н. э.» (В. Г. Петренко). Автором проведены классификация и обобщение памятников правобережной лесостепи в данный период. Рассмотрены взаимоотношения этих племен со степными и соседними племенами, а также поставлен вопрос о дальнейших судьбах населения лесостепи.

Кроме того, сотрудники Сектора опубликовали и сдали в печать 39 статей, посвященных вопросам археологии раннего железного века и раннего средневековья.

Продолжалась систематизация источников для «Свода археологических источников СССР». По культуре савроматов и сарматов ведутся сбор материала и составление отдельных карт (М. Г. Мошкова и В. Г. Петренко). По дьяковской культуре (Е. И. Горюнова) и по городищской культуре (А. П. Смирнов и А. Е. Алихова) собираются материалы. А. Е. Алиховой написаны две статьи: «Городища I тысячелетия до н. э. на территории Мордовской АССР» и «Сакановские городище и селище в Горьковской области — памятники I тысячелетия н. э.».

В 1958 г. Сектор обсудил на 31 заседании различные вопросы своего производственного плана. На 3 заседаниях были доложены отдельные части монографии К. Ф. Смирнова «История савроматских племен территории Поволжья и Приуралья». Широко привлекая материал Поволжья, Приуралья, Зауралья, сравнительный материал Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, используя изданные коллекции многих музеев и архивные данные, К. Ф. Смирнов в главах, переданных на обсуждение, поставил вопросы о савроматской керамике, происхождении савроматских стрел и их классификации. Изучая керамику, К. Ф. Смирнов разделил ее на две основные локальные группы — волго-донскую и самаро-уральскую. Источником сложения форм керамики была позднесрубная культура Дона и Поволжья. Для самаро-уральской группы характерно раннее появление круглодонной

посуды, объясняемое влиянием культур более северных областей Урала и Средней Азии, особенно сакской. В Южном Приуралье в IV в. до н. э. сформировалась керамика, характерная для прохоровской культуры. Керамика савроматов восточных районов имеет некоторые черты, общие с керамикой древнего Хорезма. Касаясь вопроса о происхождении отдельных типов скифо-сарматских стрел, исследователь считает, что двухлопастные стрелы развились из бронзовых копий эпохи бронзы, о чем писали П. Рау, Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, А. А. Иессен. Трёхлопастные стрелы происходят от тех же форм костяных наконечников предшествующего времени. За основу типологической классификации автор принял метод В. А. Горродова. Стрелы классифицированы по форме, разделены на две локальные группы и датированы.

Обсуждена работа В. И. Цалкина и П. Д. Либерова «Скотоводство у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего железа». Авторами использован большой материал из раскопок 57 памятников; остеологические сборы включают до 16 000 особей. П. Д. Либеровым сделаны выводы о развитии черт, характерных для оседлого земледельческого хозяйства, и прослежены некоторые изменения в социальных отношениях у скифов. Скрупулезный анализ остеологического материала позволил В. И. Цалкину установить господство у скифов короткорогой и комолой породы крупного рогатого скота с примесью к нему длиннорогого крупного, типичного для срубной культуры.

Е. И. Горюнова доложила о своей монографии «Этнический состав Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.». Автором сделан краткий обзор культур энеолита и бронзы этого края, оказавших влияние на формирование племен междуречья Оки и Волги. Рассматривая вопрос о дославянском населении края — мере и муроме, исследователь основное внимание уделила мере, тесно связанной с историей Ростово-Суздальской земли. Мера генетически относится к северной группе племен дьяковской культуры. Большое внимание уделено культурным и этническим связям с Приуральем. Кроме того, Е. И. Горюнова осветила вопрос о славянской колонизации края и возникновении древнерусских городов.

В. А. Кузнецов доложил об исследовании вопроса о локальных вариантах в обширной аланской культуре Северного Кавказа, бытовавшей с IV в. по XII в. На основании анализа могильных сооружений, погребального обряда, керамики, топографии городищ и некоторых других форм материальной культуры алан намечены три крупных локальных варианта аланской культуры: западный (верховья Кушани), центральный (Кабардино-Балкария) и восточный (Северная Осетия, Ингушетия, Чечня). Показано, что субстратом, на котором оформились эти локальные варианты, были местные кавказские племена и их культура, истоками уходящая в локальные варианты северокавказской и кобанской культур II—I тысячелетия до н. э.

В 1958 г. Сектор прозел ряд экспедиций.

Западноскифская экспедиция (Н. Н. Погребова) продолжала раскопки Анатолевского поселения предскифского времени на Тилигульском лимане и исследование изучавшегося в предшествующем году жилого комплекса. Скифский отряд Молдавской экспедиции под руководством А. И. Мелюковой проводил разведки на правобережье Нижнего Днестра между селами Паланка и Олонешты и на левом берегу от р. Тирасполя до с. Незавертайловка. Обследовано 26 поселений разного времени, из которых десять относятся к скифской эпохе. Материал, собранный на этих поселениях, находит аналогии в памятниках на территории степного Днестра и междуречья Днестра и Буга и отличается от материалов лесостепного Поднестровья. Раскопки проводились на городище у с. Тудорова, Олонештского района, Молдавской ССР. О. Д. Дашевская работала на раскопках городища Неаполя Скифского, на северном его участке (Скифский отряд Крымской

экспедиции ИИМК и ГИМ, начальник отряда — А. Н. Карасев). Завершено исследование большого общественного здания с фресками.

М. Г. Мошковой обследованы восточные районы Оренбургской области — Орский, Ново-Орский, Кваркенский и Адамовский. Детальной разведке подвергся бассейн р. Суундук с притоками и р. Урал от Орска до устья Суундука.

В составе Нижнедонской экспедиции (руководитель — Д. Б. Шелов) И. С. Каменецкий раскапывал стоянку Бугры II (в дельте Дона — Азовский район Ростовской-на-Дону области) конца эпохи бронзы, аналогичную по культуре Кобякову городищу.

На средства Таганрогского музея выполнены разведки южнее г. Азова и в северной части Краснодарского края.

Севернокавказская экспедиция (начальник — Е. И. Крупнов) работала в составе 3 отрядов².

А. Е. Алихова продолжала исследование городища скифского времени (V в. до н. э.) на Кузиной Горе, Ивановского района (р. Сейм). Л. П. Зяблиным завершены работы по раскопкам второго буддийского храма на Ак-Бешимском городище. Е. И. Горюнова закончила изучение мерянского селища VI—VII вв., известного в литературе под названием селища «Красный холм», у дер. Попадьино, Ярославского района и области. А. П. Смирнов работал в Чувашской АССР, где исследовались поселения раннего железного века и средневековья. В течение 1958 г. Г. А. Федоров-Давыдов исследовал Тигашевское городище Чувашской ССР (отряд Чувашской археологической экспедиции). Вскрыты святилище X в. и болгарский замок X—XI вв. Кроме того, осуществлена разведка на Царевском городище (Сарай-Берке) и в г. Азове. Т. Г. Оболдуева провела небольшие раскопки на городище Эйлтан (Узбекской ССР), относящемся к середине I тысячелетия до н. э., а также в составе Узбекской экспедиции Института истории и археологии АН Узбекской ССР принимала участие в раскопках стоянки эпохи бронзы Дальверзин.

Воронежский отряд Лесостепной экспедиции (начальник — П. Д. Либеров) вел разведки в Острогожском районе, обнаружив 2 городища: городище № 3 у дер. Волошино (ранее здесь были известны 2 городища) и городище у с. Русская Тростянка.

В. Г. Петренко проводила раскопки на поселении у с. Крещатик в составе Кременчугской экспедиции Института археологии АН УССР и небольшие разведки в Каневском районе Черкасской области.

А. П. Смирнов

2. СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

В составе сектора — 9 научных сотрудников и 2 аспиранта.

Основная проблема, над которой работает сектор, — «Античные города Причерноморья и их взаимоотношения с местными племенами» — объединяет следующие многолетние темы:

1. «Пантикапей» (В. Д. Блаватский). Экономическая, социальная, политическая и культурная история Пантикапея. История градостроительства с VI в. до н. э. до IV в. н. э. В 1958 г. производились сбор и обработка материала по Пантикапею I—II вв. н. э.

2. «Боспор I в. до н. э.— I—II вв. н. э.» (Г. А. Цветаева). На основании археологического материала, главным образом последних лет, и письменных источников изучаются вопросы социально-экономической истории (сельское

² См. статьи В. И. Марковина, Р. М. Мунчаева, О. В. Милорадович и В. А. Кузнецова в Кратких сообщениях Института археологии АН СССР, вып. 84, 1961.

хозяйство, ремесло и т. д.) и культуры Боспорского государства в период интенсивной сарматизации Боспора. В 1958 г. проводились сбор материалов и исследование вопросов, связанных с внешним положением Боспора I—II вв. н. э.

3. «Боспор III—IV вв. н. э.» (И. Т. Кругликова). Изучается мало известный период позднего Боспора, характер его экономики и культуры. Большое внимание уделяется вопросам локализации и характеристике городов и поселений III—IV вв. В 1958 г. рассматривались вопросы денежного обращения и торговли Боспора в III в. н. э.

4. «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья с VII в. до н. э. по IV в. н. э.» (Н. А. Онайко). Исследуются характер экономических связей племен Приднепровья с античным миром и влияние его на социально-экономическое и культурное развитие этих племен. В 1958 г. обработаны материалы из Среднего Приднепровья первых веков нашей эры.

5. «Деревообработка на Боспоре» (Н. И. Сокольский). Эта тема посвящена истории развития и характера обработки дерева на Боспоре (столярно-плотницкое дело, применение дерева в различных отраслях хозяйства, типы и технология отдельных изделий и т. д.). В 1958 г. изучались столярное и токарное ремесла.

6. «Материалы из раскопок Танаиса» (Д. Б. Шелов). В 1958 г. готовились к изданию материалы из раскопок некрополя города, проводившихся в 1955—1958 гг., когда было открыто более 120 погребений III в. до н. э.—IV в. н. э.

7. «Материалы из раскопок Гермонассы» (И. Б. Зеест). В 1958 г. обрабатывались материалы для публикации.

К другой проблеме — «История рабовладельческих обществ. Кризис и падение рабовладельческого общества» — относится тема «Милет и его роль в истории и культуре Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.» (М. М. Кобылина). Дается исторический очерк Милета и его культуры, исследуется роль Милета в заселении ионянами северных берегов Черного моря, а также в экономической и культурной жизни возникших здесь городов. В 1958 г. велось сравнительное изучение строительных приемов Милета и Северного Причерноморья, характера и типов жилых домов в период VII—IV вв. до н. э.

Сектор участвует в подготовке к печати корпуса «Надписи Боспора», осуществляемой Институтом истории АН СССР. А. И. Болтунова работает над выявлением неизданных надписей, их датировкой и подготовкой к печати, а также редактирует часть корпуса. Совместно с Т. Н. Книпович ею составляются таблица эпиграфических шрифтов, исторический очерк к ним, устанавливаются даты надписей.

Аспирант В. А. Анохин собирает и обрабатывает материал по теме «Монетное дело Херсонеса», К. Качурис — по теме «Древний Элевсин».

Сектором проведены значительные по своим результатам экспедиционные работы. Изучались античные памятники за рубежами нашей страны — на территории Народной Республики Албании. Продолжались раскопки и подводные исследования античных городов и поселений Северного Причерноморья.

Албанская археологическая экспедиция была организована в порядке помощи и научной консультации албанским археологам. Начальником экспедиции был заведующий сектором археологии при Тиранском университете Селим Ислями, научным руководителем экспедиции — В. Д. Блаватский. Отдельными отрядами совместно руководили советские археологи и албанские научные сотрудники сектора археологии при Тиранском университете.

Главным объектом работ был античный город Аполлония, существовавший с VI в. до н. э. по IV в. н. э.³ Здесь работали 6 отрядов. Два из них (начальники — Хасан Цэка, Н. И. Сокольский, Скендер Анамали, Т. В. Блаватская) исследовали участки мощной оборонительной стены V—IV и III—I вв. до н. э. Третий отряд (начальники — Селим Ислями, И. Т. Кругликова) раскапывал район жилых домов II в. до н. э.—IV в. н. э. Четвертый отряд (начальники — Франческо Пренди, Н. А. Онайко) изучал перистильный дом I—II вв. н. э. Пятый отряд (начальники — Г. А. Цветаева, ассистент — студент Тиранского университета Ибрагим Стафа) исследовал загородную застройку римского времени. Шестой отряд работал на территории аполлонийского некрополя (начальник — И. Б. Зеест, ассистент — научный сотрудник музея г. Шкодры Василь Лазари), где раскапывался курган VI—II вв. до н. э.

Вторым объектом был античный город Орика, где работал один отряд под руководством Демостена Будины и М. М. Кобылиной.

Реставрационные работы проводились реставраторами Н. М. Немноновой (ИИМК), Е. Т. Сорокиной (Главные реставрационные мастерские), Кочей Спио и Намиком Будака (Албания). Архитектурные замеры и большинство чертежных работ выполняли албанские товарищи во главе с архитектором Коча.

Одновременно с раскопными работами в Аполлонии, где была основная база экспедиции, проведено несколько конференций и заслушаны доклады албанских и советских археологов. Албанский археолог Хасан Цэка прочитал доклад об истории раскопок Аполлонии, Скендер Анамали — о раскопках Аманци (на территории самого городища, куда было перенесено заседание конференции). В. Д. Блаватский выступил с докладом «О методике раскопок античных городов Северного Причерноморья», И. Б. Зеест — «О керамике Аполлонии». Н. И. Сокольский повторил его совместный с Д. Б. Шеловым доклад «Историческая роль античных городов Северного Причерноморья». Т. В. Блаватская сделала сообщение «Об албанских надписях в итальянских изданиях». И. Б. Зеест совместно с Александрой Буда, на основании изучения керамического материала, добываемого во время раскопок Аполлонии, написала в экспедиции работу на тему «Керамика Аполлонии». Основные ее положения и выводы обсуждены на конференции в Аполлонии.

На территории СССР, в Северном Причерноморье, работали следующие экспедиции:

1. Пантикапейская экспедиция (руководитель — В. Д. Блаватский, начальники отрядов — М. М. Кобылина, Н. И. Сокольский, ассистент — К. Качурис). В работах экспедиции принимали участие Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, МГУ и Институт истории искусств АН СССР. Продолжались раскопки на северо-восточном склоне Митридатовой горы. Раскрыты дома VI в. до н. э. и большие террасы I в. до н. э. и I—III вв. н. э. с различными сооружениями на них.

Велись также раскопки на городище Кепы (начальник отряда — Н. И. Соколовский). Обнаружены античные напластования VI в. до н. э.—IV в. н. э. и средневековые — X—XII вв. Исследованы остатки гончарной печи и позднеантичный колодезь.

2. Подводная экспедиция (руководитель — В. Д. Блаватский). Снят план затопленной части Фанагории, что позволило уточнить площадь городища: вместо известных ранее 35 га выявлена вся площадь — около 50 га. Проводились разведки в Керченском проливе и на Черном море.

3. Нижнедонская экспедиция (руководитель — Д. Б. Шелов, начальники отрядов — А. И. Болтунова, Т. М. Арсеньева, И. С. Каменецкий).

³ О научных результатах работ см. статью Н. А. Онайко в Кратких сообщениях Института археологии АН СССР, вып. 83, 1961.

В Танаисе раскопан жилой квартал III—II вв. до н. э. Начато исследование грунтового некрополя к северу от городища. Осуществлены разведки памятников скифо-сарматского времени и эпохи бронзы в дельте Дона.

4. Восточнокрымский отряд Северочерноморской экспедиции (руководитель — И. Т. Кругликова) вел раскопки античного поселения около дер. Семеновка. Раскопана часть жилого квартала и оборонительной стены I в. н. э. Недалеко от селения I—III вв. н. э. обнаружены остатки поселения IV—III вв. до н. э. Начато исследование некрополя — расчищены каменные ящики IV—III вв. до н. э.

5. Доследовалось здание IV—III вв. до н. э. на Раевском городище (руководитель — Н. А. Онайко).

Сотрудники Сектора участвовали в научных конференциях за границей. Международный VII конгресс классической археологии (сентябрь 1958 г.) в Риме и Неаполе был посвящен раскопкам в Италии и других странах Средиземноморья, подводным изысканиям и отдельным вопросам истории античного искусства, реставрации и консервации памятников. В нем принимали участие представители свыше 30 стран. От советских археологов в работе конгресса участвовали В. Д. Блаватский и А. М. Апакидзе (Грузия). В. Д. Блаватский прочел доклад «Период протоэллинизма на Боспоре», посвященный важной эпохе расцвета — IV в. до н. э. Боспор, как и ряд других государств на окраине эллинского мира, переживал бурный расцвет во время кризиса греческой метрополии. Доклад вызвал оживленный обмен мнениями.

Конференция антиковедов стран народной демократии происходила в Эрфурте (Германия, декабрь 1958 г.) В программе конференции стояли 3 проблемы: «Гомер и микенский мир», «Римская поэзия эпохи Августа», «Северное Причерноморье в античную эпоху». Советская делегация состояла из Д. Б. Шелова, И. Т. Кругликовой и Н. И. Сокольского. На тему «Взаимоотношения античных государств с племенами Северного Причерноморья» сделал доклад Н. И. Сокольский. Рассмотрен характер взаимоотношений между античными государствами и местными племенами в различные хронологические периоды. Влияние античных государств на племена отразилось в ускорении процесса социально-экономического развития; наиболее сильным это влияние было до середины III в. до н. э. С I в. н. э. особенно ощутимо сказался процесс варваризации, происходивший в античных городах. И. Т. Кругликова прочитала доклад «Поселения Европейского Боспора в III в. н. э.». Подведены итоги многолетней работы над исследованиями сельских поселений Боспора. Много внимания уделялось вопросу о характере поселений: для IV—II вв. до н. э. типичны неукрепленные поселения, для первых веков нашей эры — укрепленные. Рассматривались вопросы рустификации городов в III в. н. э., планирования и характера жилищ в сельских поселениях, раскапываемых автором. Д. Б. Шелов выступил с докладом на тему «Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых археологических данных». На основании широкого археологического материала, в том числе керамики, эпиграфики и находок в некрополе, прослежено взаимоотношение греческих и варварских элементов в жизни Танаиса.

На советско-румьинском семинаре в г. Бухаресте (декабрь 1958 г.), посвященном античной и средневековой археологии, В. Д. Блаватский прочитал доклад «Об имущественном положении населения на Боспоре в IV и II вв. до н. э.». В таком специальном аспекте вопрос об имущественном положении рассматривался впервые. Установлено преобладание малоимущего населения в VI в. до н. э., обогащение рядовых граждан в IV в. до н. э. и яркое имущественное неравенство в IV—II вв. до н. э. Исследован вопрос об укрупнении собственности в III—II вв. до н. э.

В 1958 г. были осуществлены заграничные командировки. В. Д. Блаватский был в Греции. В Афинах он сделал доклад об археологических рабо-

тах в Северном Причерноморье за последние годы. Д. Б. Шелов ездил в Чехословакию. В Пражском университете им прочитаны доклады: «Археологические исследования античных памятников в СССР за последние годы» и «Раскопки античного Танаиса». В Пражском национальном музее и в Нумизматическом обществе состоялся его доклад о состоянии работ в области нумизматики в СССР.

На заседаниях Сектора были заслушаны и обсуждены различные доклады: по плановым темам сотрудников — по отдельным вопросам темы, обсуждаемым в рабочем порядке, и об общих итогах исследований; сообщения информационного характера о раскопках, о новой интерпретации отдельных памятников и т. д. Всесторонне обсуждены также доклады, которые готовились для заграничных пленумов и конференций.

А. И. Болтунова сделала два доклада по вопросам эпиграфики. Первый из них касался неопубликованных надписей в музеях Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркаска, Анапы. Доклад вызвал большой интерес и пожелания скорейшего опубликования надписей, вводящих в научный обиход новые важные источники. Второй доклад — «О надписи № 22, изданной в ИАК, вып. 10» — был посвящен новой интерпретации изданной В. В. Латышевым надписи. Шрифт этой надписи, по мнению докладчика, противоречит отнесению ее ко времени Римиталка и свидетельствует о более раннем периоде. Кроме того, А. И. Болтуновой прочтена в надписи дата. Надпись была сделана под статуей Рискупорида, воздвигнутой Савроматом I при вступлении на царство.

Н. И. Сокольский прочитал доклад о боспорской деревянной мебели. На основании изображений на различных памятниках и изучения материалов из некрополей установлены формы мебели, употреблявшейся на Боспоре. Выделен местный боспорский стиль; для него характерно применение аркады, украшающей кресла и др.

Нумизматике посвящалось несколько заседаний. Д. Б. Шелов в докладе «Монетные находки из Танаиса» рассмотрел монеты, найденные в последние годы. Все они относятся к I—II вв. н. э. и соответствуют периоду наибольшего развития денежных отношений в Танаисе. Прослежена не только типология монет, но и история денежного обращения в Танаисе: отсутствие развитых денежных отношений до I в. н. э.; расцвет их в I—III вв. н. э.; перерыв, связанный с разгромом города в 40-е годы III в.; возобновление денежного обращения в 70—80-е годы IV в. уже на основе римских денежных знаков. Доклад вызвал много вопросов, связанных не только с историей Танаиса, но и с окружающей «варварской» территорией. Выступавшими было отмечено, что данные нумизматики, представленные докладчиком, вносят большие коррективы в известные нам исторические события.

В. В. Кропоткин прочел сообщения о Лукашевском кладе римских монет IV в. н. э. и о монетах, найденных в с. Жихарь, Харьковской области. В сообщениях содержались новые данные по экономике и социальной истории позднеантичного времени.

Ю. С. Крушкол (ГПИ) сделала сообщение «О школьной коллекции монет из Джемете» и дала классификацию античных монет в этой коллекции. Большинство их относится к IV—III вв. н. э., часть — ко II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. На основании нумизматического материала докладчиком высказано предположение, что в районе Джемете находится поселение, входившее в круг боспорского денежного обращения. Выступавшими, так же как и докладчиком, была признана необходимость археологического исследования этого района. А. И. Болтунова напомнила о находке в районе Джемете надписи Савромата I и о возможном расширении городской территории Горгииппии.

Н. Я. Мерперт прочел доклад на тему «Восточное Средиземноморье во II тысячелетии до н. э.». Рассмотрены теории относительно изменения хро-

нологии памятников Средиземноморья эпохи бронзы, появившиеся в западной литературе в связи с открытиями в Анатолии. Они сопоставлены с материалами археологических исследований в СССР; выявлен ряд противоречий в теориях западных авторов. В интересном докладе Л. И. Чуистовой (г. Керчь) — «Античные и средневековые весовые системы Северного Причерноморья» — рассмотрен обширный материал (460 гирь, 80 пар весов) и выделены весовые системы отдельных городов. В сообщении Н. М. Лосевой (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) «Мегарские чаши Боспора» определены группы, принадлежащие к различным производственным центрам, — делосская, аттическая, малоазийская. На основании изучения клейм и керамических форм, а также анализов глины выделены боспорские мастерские, изготовлявшие мегарские чаши. В выступлениях по докладу были отмечены сложность и убедительность проделанной Н. М. Лосевой работы по определению центров производства. Высказано пожелание о большем использовании данных химических анализов и более подробном изучении орнаментальных мотивов в различных группах. Н. А. Сидорова (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) сделала сообщение о фигурной вазе из Новочеркасского музея.

Заслушаны информации о последних раскопках: И. Т. Кругликовой — «Сельское поселение III в. н. э. у дер. Семеновка (раскопки 1957 г.)», где особенно интересны и ценны находки железных лемехов и кос; И. Д. Марченко (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) — «Разведочные раскопки на Майской горе в районе Фанагории (1958 г.)»; здесь открыт большой комплекс терракот, свидетельствующий, по-видимому, о существовании здесь загородного святилища VI—III вв. до н. э.

На пленуме, посвященном итогам археологических работ 1957 г., Д. Б. Шеловым был прочитан доклад «О новых данных по истории Таинаиса».

Экспедиции и заседания Сектора проходили с широким участием научных сотрудников — антиковедов из Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственного исторического музея, Московского университета.

В 1958 г. вышел из печати том XXVIII сборника «Советская археология», подготовленный Сектором как юбилейное издание, посвященное памяти Василия Васильевича Латышева; большинство сотрудников Сектора приняло в нем участие.

Г. А. Цветасва

3. ГРУППА ФИННО-УГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1958—1959 гг. подготовлены и заслушаны следующие доклады по различным проблемам финно-угорской археологии:

1. Доклад Е. И. Горюновой «Последние раскопки Попадьинского селища и Дурасовского городища». Е. И. Горюнова остановилась на вопросах о происхождении дяковской культуры, датировке времени появления городищ, указала на необходимость выявить локальные варианты этой культуры. Автором подробно освещен материал раскопок и установлена дата Дьякова городища и селища.

2. Доклад А. П. Смирнова «Спорные вопросы финно-угорской археологии»⁴.

⁴ СА, 1957, № 3.

3. Доклад А. В. Успенской «Городище у с. Подмоклово». А. В. Успенская изложила результаты раскопок городища. Здесь заложено 4 раскопа, общей площадью 220 кв. м, и выявлен культурный слой мощностью от 0,6 до 1 м. Слой — без четко выраженной стратиграфии, но содержит разновременные культурные остатки — от начала I тысячелетия до н. э. до славянского времени (XII в.). На городище (площадь его — 75×50 м) видны следы плохо сохранившихся столбовых жилищ, углубления-западины и различные очаги. Особенно интересные находки относятся к дьяковской культуре.

4. Доклад Н. В. Трубниковой «Исследование памятников I тысячелетия н. э. в Чувашии». Автор дала характеристику раскопанных в 1956—1957 гг. близ деревень Досаево, Чебаково и Янымово городищ с весьма интересным устройством вала. Обнаружено незначительное количество керамики, датированной серединой I тысячелетия н. э. Вскрытые могильники у дер. Иваново, Таутово и Ядрино относятся ко времени от III—IV вв. н. э. до VIII—IX вв.; из них Иваньковский и Таутовский принадлежат к культуре Кошибеево-Сергачского могильника.

5. Доклад Н. В. Трубниковой «Городище дьяковской культуры Соколова Гора». В докладе детально освещены работы на городище, расположенном на берегу р. Москвы, близ поселка Дзержинск, Ухтомского района, Московской области². В раскопе I установлен культурный слой, образованный в результате различных перестроек в эпоху существования славянского селища. Встречены разновременные находки — от эпохи раннего железа и кончая XII в. Раскоп II позволил проследить горизонты культурного слоя: верхний — X—XII вв., средний — позднего дьяковского времени (кончая III—VI вв. н. э.) и третий — времени раннего железа. Нижняя прослойка вещей не содержала. Находки позволяют датировать памятник периодом от VII—VI вв. до н. э. и кончая IV в. н. э.; верхний слой относится к X—XII вв. н. э. Среди находок — изделия из кости, глины и железа. Большинство керамики не выходит из рамок дьяковской культуры.

6. Доклад К. А. Смирнова «К вопросу о назначении грузиков дьякова типа». Автор подробно остановился на характеристике грузиков дьякова типа, обнаруженных на Троицком городище, и на условиях их нахождения. Встречены грузики самых различных размеров. Переходя к вопросу о назначении этих загадочных предметов, докладчик привел точки зрения Сизова, Городцова, Гендуна, Н. Смирнова, Арциховского, Евтюховой, Третьякова и Бадера. Он изложил свои возражения против теории производственного использования грузиков, отметив отсутствие следов работы. Подробно охарактеризовав форму и орнаментацию символического характера, К. А. Смирнов высказал точку зрения о культовом назначении этих предметов, связав их с астральным культом и культом предков. В подтверждение своих положений докладчик привел многочисленные этнографические параллели. В заключение он остановился на группе идеограмм, на которые впервые обратил внимание В. А. Городцов.

7. Доклад В. Н. Чернецова «Козловский и Перейминский могильники близ Тюмени». В своем докладе автор осветил изучение угорских памятников Западной Сибири. Он указал на характерную черту средневековой истории Западной Сибири — устойчивость форм керамики и прикладного искусства. По мнению докладчика, I тысячелетие н. э. отличалось отсутствием значительных этнических вторжений, более или менее спокойным внутренним развитием. Отмечены основные этапы с первых веков нашей эры, следующие за периодом Усть-Полюя: ерсалимский этап — II—III вв. н. э., кармский — IV—V вв. н. э., оронтурский — VI—IX вв. и кинтуйский — X—XIII вв. н. э. Открытые экспедицией 1957 г. 2 могильника на Андреев-

⁵ Раскопки здесь проведены силами школьников исторического кружка.

ских озерах близ Тюмени относятся к кармскому периоду IV—V вв. н. э. На Козловском могильнике вскрыты курганные и бескурганные погребения. Захоронения залегали на глубине около 1 м; костяки лежали вытянуто, на спине, головой в северном направлении. В головах обычно находился сосуд; в женских могилах, кроме того, сосуд ставился и в ногах. Характерна плохая сохранность костей. В могилах прослежены остатки деревянного обрамления и следы бересты. В погребениях найдены чашеобразные сосуды, бронзовые пряжки типа, обычного для IV в. н. э., стрелы — мелкие трёхлопастные с уступами, полые фигурки птиц и зверей. Козловский могильник очень близок Харинскому. Время его — IV в. н. э.

Во втором исследованном могильнике — Перейминском — оказались погребения курганного типа. Погребальный инвентарь несколько отличен от козловского. В орнаментации сосудов встречены шнур, оттиски гребенки, реже — ромбического штампа. В инвентаре могильника заметны бахмутинские элементы (пряжка в виде колеса с зернью); найдены бляхи подчеремского типа и коньки — харинского. Дата могильника — V в. Касаясь более широко материала Приобья, В. Н. Чернецов указал, что здесь можно выделить керамику трех групп, связываемую с тремя этническими группами — хантами, манси и башкирами. Типы керамики соответственно распространены в трех больших областях. Автор отметил также позднюю тюркизацию башкир (около XIII в.).

8. Доклад В. И. Мошинской «Новая литература по средневековой венгерской археологии». В. И. Мошинская остановилась на итогах исследований, проведенных венгерскими археологами. Ими выделены древности гуннские, готские, аварские, мадьярские. Большую роль в этой систематике играют работы Феттиха, Ласло, Коллер, Когреик, Динеш, Коврик. Установлены типичные погребальные сооружения и обряд захоронения. Определены вещи, характерные для мужских и женских захоронений. К типичным венгерским могилам на территории СССР венгерские ученые относят Танкеевское погребение в пределах Татарской АССР. В. И. Мошинская считает, что разделение аварских и венгерских погребальных комплексов проводится в Венгрии недостаточно убедительно. Все материалы, определенные как венгерские, напоминают тюркские.

9. Доклад Н. В. Трубниковой «Раннесредневековые поселения Средней Волги, исследованные Куйбышевской археологической экспедицией». Н. В. Трубникова охарактеризовала городища Самарской Луки и бассейна Усы. Раскопки городищ не входили в план работ Куйбышевской экспедиции, так как они лежат вне зоны затопления. Исследованием их занималась отдельная группа под руководством автора. Были изучены в рекогносцировочном порядке следующие городища: Задельная Гора, в урочище Лепешки, Лысая Гора, Стенькин Городок, Уркина Гора, городища у нефтяной скважины № 10 и у с. Александрово. В докладе получили освещение топографические условия, план и находки. Большинство памятников относится ко времени I тысячелетия н. э., главным образом, — к концу этого периода.

10. Доклад В. Ф. Генинга «Рождественский могильник на Каме». Автор подробно осветил состояние селища и могильника у дер. Рождественка на Каме и историю их изучения. При раскопках, проведенных докладчиком на селище, открыты землянки подквадратной формы со столбом в центре, датируемые IV—VI вв. н. э. Всего за 2 года исследованы несколько землянок и 23 погребения. Все погребения совершались в неглубоких ямах прямоугольной формы, размером в среднем $0,8 \times 0,5$ м, с ориентировкой север — юг; северо-восток — юго-запад и восток — запад. Инвентарь включал сосуды вольтинского типа, пряжки, бусы, кольца, фигурку конька. Прослежен обряд погребения: в неглубокую яму (с углублением одной части пола) ставили сосуды, а рядом насыпали пережженные кости; несколько в стороне клали сломанные и пережженные вещи. Дата могильник — V—VI—VII вв.

К культуре этого же могильника принадлежит курганный могильник Балы меры, исследованный Пономаревым и Штукенбергом. Все эти памятники докладчик отнес к поздней городецкой культуре.

11. Доклад А. Е. Алиховой «Польно-Ялтуновский могильник кошибе-евской культуры». Рассмотрены вопросы исследования могильника, местоположение, обряд погребения и инвентарь. Приведены соображения о дате могильника — III—IV вв. н. э.

12. Доклад Н. В. Трубниковой «Ранние городища Чувашского Поволжья по данным раскопок 1958 г.». Автор изложил результаты раскопок 1958 г. Ею были исследованы: селище и городище Малахай, отнесенные соответственно к рубежу II и I тысячелетий до н. э., городище Адобай середины I тысячелетия н. э. и городище Пичке Сорче начала нашей эры. В докладе охарактеризованы укрепления и находки.

13. Доклад А. Ф. Дубынина «Стоянки Малый Островок на озере Сахтош». Докладчик дал краткую характеристику всех памятников Ивановской области и подробно остановился на материале стоянки Малый Островок по раскопкам В. И. Смирнова. Особое внимание было уделено керамике. В сложном комплексе памятника докладчик отметил различные культурные компоненты (волосовский, балахнинский и тип стоянок с сетчатой посудой).

14. Доклад А. П. Смирнова «Железная фигурка барана из Гляденовского костыша». Фигурка относится к серии наверхий в виде животных, известной в Малой Азии и на Кавказе с начала II тысячелетия до н. э. Навершия Южной Сибири составляют другую группу. Техника изготовления, в частности, применение инкрустации, позволяет сближать фигурку с памятниками раннего Ананьина, гальштата и кобанской культуры. Эти аналогии дают возможность отнести фигурку к VII—VI вв. до н. э.

15. Доклад В. Н. Чернецова «Опыт расшифровки наскальных изображений Урала». Автор ознакомил собрание с историей изучения наскальных изображений Урала, особо отметив работы Д. Н. Эдинга. Сам докладчик занимался этим вопросом в 1927, 1938 и 1958 гг. Им обследован район Тагила, Нейвы, Режи и Тура. По стилю и содержанию памятники однообразны. Сопоставлением с керамическим и этнографическим материалом В. Н. Чернецов датировал эти памятники периодом от неолита до нашего времени. Сравнение с этнографическим материалом позволило связать изображения с культурой манси. Наскальные изображения содержат сцены, связанные с солярным культом (календарные), с призывом родового предка, а также производственные — охотничьи.

16. Доклад В. И. Мошинской «Антропоморфные изображения Западной Сибири». В докладе В. И. Мошинская охарактеризовала серию антропоморфных изображений из Западной Сибири. Это изображения родовых предков и сопутствующих им духов, разделяющихся на две группы — зооморфных и антропоморфных. У хантов такие изображения обычно делались из нескольких материалов. Очень часто металлическое изображение хранилось внутри деревянного. Встречены деревянные фигуры с каменным лицом, причем деревянная часть менялась через 3—5—7 лет. Докладчик продемонстрировала несколько личин, относящихся к разному времени. У некоторых из них — просверленные глазницы, так как в них вставлялись глаза из другого материала. Все эти фигуры — изображения покойных, хранители «четвертой души». Личины изображают мужские души, душ воинов. Предки старших хантинских родов — зооморфные, младших — антропоморфные, которые появляются в эпоху бронзы и развиваются в эпоху железа.

17. Доклад Н. А. Мажитова «Новые памятники бахмутинской культуры». Докладчик остановился на истории вопроса, на работах В. В. Гольмстен, А. В. Шмидта, Д. Н. Эдинга и дал характеристику многим новым и уже известным памятникам, в том числе городищу у Бирска и курганам

близ Уфы. На городище исследованы остатки жилищ с очагами и зерновыми ямами. Среди находок — металлические и костяные изделия. Около Бирска открыт могильник. В погребениях найдены привески и фибулы V в. н. э., а также проушной топор. При разведке по рекам Уфимке и Белой обнаружено около 100 различных памятников. На городище Уфимское II и на Кушнарниковском селище выявлен бахмутинский слой, перекрытый другим. Бахмутинский слой по времени ограничен VII в. н. э. Бахмутинская культура, по мнению докладчика, принадлежит финно-уграм.

18. Доклад А. Ф. Дубынина «Троицкое городище». А. Ф. Дубынин дал краткое описание современного состояния памятника, остановившись на стратиграфии, постройках — срубках, иногда имеющих обмазку, и отметил различия в сооружениях верхнего и нижнего слоев. Постройки верхнего слоя при помощи плетня делятся на две половины — мужскую и женскую. В нижнем слое вскрыто кострище диаметром 4 м. В культурном слое памятника оказалось 48 тыс. находок — предметов быта, костей животных и т. д. Докладчик дал характеристику остеологического материала, указав на основное значение скотоводства и охоты на пушного зверя. Различных бытовых предметов собрано около 2 тысяч. Преобладают вещи из кости, большая часть их близка каширским — городецким. В верхнем слое преобладают находки из металла — железные стрелы, удила, кельты, молот, булавки и бронзовые украшения. Керамика представлена посудой, грузиками, бусами. Встречена глиняная статуэтка, изображающая кабана. Докладчик определил время городища — от III в. до н. э. до VI в. н. э. и в заключение отметил широкие культурные связи населения Троицкого городища.

А. П. Смирнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ — Артиллерийский исторический музей
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПИ — Государственный педагогический институт
ЖМНП — журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КИАИ — Кавказские историко-археологические известия
КИМ — Киевский исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛЛ — Лаврентьевская летопись
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СМОМПК — Собрание материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
СА — Советская археология
Тр. ПАО — Труды Псковского археологического общества
УЗ КНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
SMYA — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZWK — Zeitschrift für Waffenkunde
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья . . .	3
А. Н. Кирпичников. Русские мечи XI—XIII веков	11
Г. К. Вагнер. О эмеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках	26
Г. Н. Лисицына. К вопросу о возрасте террас Средней Камы	31

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. Тарасов. Угленская палеолитическая стоянка (Костенки XVI)	38
Р. В. Чубарова. Неолитическое поселение Ноглики I (Дальний Восток) . . .	48
И. К. Свешников. Памятники культуры шнуровой керамики у села Здолбица (УССР)	55
А. О. Мнацаканян. Лчашенские курганы (раскопки 1956 года)	66
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1958 году	73
Е. Е. Кузьмина. Результаты работ на Эмбе в 1958 году	85
В. В. Седов. Древнерусское поселение близ города Вязники	95
В. А. Кузнецов. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего При- кубанья	106
А. В. Никитин. Раскопки Братской крепости	118

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

Ю. Д. Баруздин и А. Г. Подольский. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника	127
---	-----

IV. ХРОНИКА

О работе секторов и групп Института археологии АН СССР в 1958 году	130
1. Сектор скифо-сарматской археологии (А. П. Смирнов)	130
2. Сектор античной археологии (Г. А. Цветаева)	133
3. Группа финно-угорской археологии (А. П. Смирнов)	139
Список сокращений	143

**«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института археологии», выпуск 85**

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Воробьева М. Г. Технический редактор Тихомирова С. Г.

РИСО АН СССР № 105—87В Сдано в набор 13/VI 1961 г.

Подписано к печати 18/X 1961 г. Формат 70 × 108/16 печ. л. 9 + 1 вкл.

усл. печ. л. 12,33, уч.-издат. л. 12,1 + 0,1 вкл. = 12,2

Тираж 1300 экз. Т-12 008. Изд. № 5493. Тип. зак. № 2172

Цена 74 коп.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
93	16 св.	Однако	Одно
93	29 сн.	II типа	I типа
109	8 сн.	плита	плите
111	1 сн.	1990	1900